

***В 1854 году ни одно английское ядро
не упало на Соловецкий монастырь...
Почему?***

Как Людовик IX стал Святым

Все ли мы знаем о «Дяде Гиляе»?

Неразгаданная загадка Олега Борисова

Детектив «Легкокрылый ангел»

О жизни и творчестве художника Уильяма Хогарта
читайте на странице 66.

Из российской истории

Дмитрий Зелов **Соловецкий эпизод** 4

Замечательные современники

Георгий Кричевский **Неразгаданный
Олег Борисов** 14

Елена Воробьева **Игорь Хрипунов: «Я с детства
не мог представить занятия
интереснее, чем сцена...»** 76

Неизвестное об известном

Анатолий Крищенко **Пardon, мадам-с!** 29

Алла Зубкова **Певец Москвы** 114

Это интересно

Светлана Бестужева-Лада **Людовик Святой** 38

Рассказ

Владимир Бочаров **Лотошник** 50

Ивен Хантер **Девушка с прекрасными
глазами** 85

Шедевры

Ирина Опимах **Уильям Хогарт. «Выборы»** 66

Поэзия

Владимир Фремо **Стихи** 81

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 92

Детектив

Андрей Быстров **Легкокрылый ангел** 130

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Вид Соловецкого монастыря в 19 веке

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8500

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.05.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Русским Фаустом назвал А.С. Пушкин Якова Брюса — самого неординарного и загадочного сподвижника Петра I. Л.Н.Толстой высказался в том же духе: «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек». Так кем же на самом деле был этот потомок шотландских королей, отец которого в середине XVII века эмигрировал в поисках лучшей жизни в далекую, экзотическую для европейцев Московию: магом и колдуном, как судачила о нем народная молва, или блистательным ученым и выдающимся государственным деятелем?

Дмитрий **Зелов** «Фауст Петровской эпохи»

«Сердце мое не хочет быть ни на час без любви». Эти слова Екатерины II можно смело ставить эпиграфом ко всей ее жизни. О любовных приключениях императрицы ходили легенды. В кандидатах на фаворита недостатка не было. Но среди них особое место занимал 22-летний капитан кавалергардского полка, служивший в личной охране Екатерины, Александр Ланской. Его императрице представил Григорий Потемкин, и высокий, затянутый в великолепную форму с серебряными позументами офицер произвел на нее неизгладимое впечатление. В сердце стареющей императрицы мгновенно расцвела «вторая весна»...

Алла **Зубкова** «"Вторая весна" императрицы»

«Илью Аркадьевича Файнзильберга и Евгения Петровича Катаева, превратившихся в нераздельных Ильфа и Петрова, объединяло, пожалуй, лишь то, что оба были одесситами. О них складывали были-небылицы, и они охотно поддерживали эти фантастические слухи о себе. Любили мистификации и розыгрыши. Спорили, ссорились, но быстро мирились. Не всегда понимали и одобряли образ жизни друг друга. И при этом всегда относились друг к другу с затаенной нежностью, будучи при этом на «вы» все десять лет, отпущенных им судьбой до смерти Ильфа...

Юрий **Осипов** «Ехали в бессмертие Ильф и Петров»

«У нас немало актерских династий: Янковские, Табаковы, Кончаловские, Яковлевы, Райкины... И одно из первых мест в этом ярком ряду по праву занимает Михаил Ефремов. Он настолько многоликий и разноплановый, обладает такой мощной харизмой и неподражаемой манерой игры, что при его появлении зрители сразу начинают улыбаться в предвкушении чего-то необычного, праздничного, веселого. От Олега Николаевича к Михаилу перешли едкая ирония, «юморное» фрондерство, темперамент и обостренное чувство социальной справедливости. Но он и так вполне самодостаточен и виртуозен, хотя любит утверждать, что является всего лишь «бледной отцовской тенью»...

Георгий **Кричевский** «Сын за отца»

«Окончание детектива Андрея **Быстрова** «Легкокрылый ангел»

Дмитрий
Зелов

СОЛОВЕЦКИЙ

С началом Крымской войны, в ходе которой России, помимо Османской империи, противостояла целая коалиция европейских держав во главе с Англией и Францией, основные мероприятия на Русском Севере под руководством военного губернатора Архангельской губернии, вице-адмирала Романа Платоновича Бойля были направлены на укрепление обороноспособности главного российского порта в этом регионе — Архангельска, а также за-

щищавшей подступы к нему Новодвинской крепости, которая располагалась со времен Петра Великого в 20 километрах от города, в дельте Северной Двины.

Соловецкий же монастырь был оставлен без должной защиты. Впрочем, как таковой военный гарнизон в монастыре и так попросту отсутствовал. Несмотря на массивные, сложенные из огромных окрестных валунов стены, монастырь, хотя и представлял собой

ЭПИЗОД

*Нападение англичан
на Соловецкий
монастырь.
Русский народный лубок.
1868 г.*

Крымская война в историческом сознании ассоциируется в первую очередь с одноименным полуостровом, что вполне резонно и логично. Однако боевые действия тех лет велись не только на землях Тавриды, но и во многих других уголках Российской империи: от Балтики до Тихого океана. В частности, баталии шли и на Белом море, получив в истории название — Арктическая кампания Крымской войны. И вот, в ходе этой самой военной кампании, на Русском Севере, у Соловецкой обители 6–8 (18–20) июля 1854 года произошли события столь удивительные, что они надолго остались в памяти современников. Впрочем, по прошествии более чем полутора веков этот эпизод из истории Крымской войны оказался основательно подзабыт потомками. А посему стоит вновь обратиться к тем далеким и славным дням, когда личное мужество и героизм, стойкость духа и верность Отчизне сотворили поистине невозможное: противник, многократно превосходящий и в численном, и в материально-техническом отношении, счел за лучшее отплыть от древних стен монастыря, признав тем самым свое поражение. Итак, вот как это было...

мощную (по средневековым меркам, конечно) крепость, но был именно монастырем, то есть местом духовным. А уже затем — политической тюрьмой для разного рода опасных для власти вольнодумцев и бунтовщиков.

На тот период там пребывали лишь монахи (176 человек), в два раза большее число «трудников», немногочисленные арестанты, да охранявшая их престарелая инвалидная команда из пятидесяти человек. По-

давляющее большинство жителей острова были людьми сугубо мирными: оружия в руках никогда не держали, и обращаться с ним не умели. До поры до времени привычный ритм жизни в монастыре, казалось, ничто не могло нарушить, ведь с точки зрения светских властей Архангельской губернии и руководства самой обители Соловецкий монастырь вряд ли мог заинтересовать неприятеля, ибо не являлся военной крепостью, а окрестное населе-

ние архипелага было разрозненным и малочисленным.

Однако в начале весны 1854 года, когда стало известно, что английская эскадра собирается появиться в российской Арктике, на Соловках начали заблаговременно проводить ревизию вооружения обветшавшей обители. Оборону монастыря возглавил энергичный и деятельный настоятель, в прошлом полковой священник, архимандрит Александр (Павлович). К слову, руководить обителью он был назначен буквально за несколько месяцев до начала Крымской войны.

Увы, несмотря на энтузиазм местных жителей и даже арестантов, в патриотическом порыве изъявивших желание защищать стены древнего монастыря, вооружение обители представляло собой зрелище жалкое и плачевное. Старинные ружья от времени настолько проржа-

вели, что их можно было использовать разве что в роли дубины, средневековое, тоже покрытое вековым налетом пыли и ржавчины, холодное оружие годилось лишь для рукопашного боя, а из двух десятков монастырских пушек в исправном состоянии оказалась всего лишь... пара! Из них и соорудили импровизированную, незаметную с моря земляную береговую батарею, расположив ее при входе в гавань Благополучия.

Правда, справедливости ради надо упомянуть, что за два месяца до нападения англичан в монастырь из Архангельска в качестве подкрепления прибыли восемь малых пушек с шестью десятками ядер и двумя офицерами для обучения добровольцев (сформированных из островитян-ополченцев, а также освобожденных на время военных действий арестантов и инвалидной команды) премудростям военного ис-

Слева:

*Белое море.
Атака
Соловецкого
монастыря
фрегатом
«Миранда»
и корветом
«Бриск»*

*Настоятель
монастыря
архимандрит
Александр
(Павлович)*

кусства. Далее события развивались следующим образом...

В разгар лета 1854 года в бухту Благополучия Большого Соловецкого острова вошли два 14-пушечных трехмачтовых британских фрегата, усиленные мощной осадной артиллерией: шлюп «Бриск», под командованием капитана Ф.П.Б. Сеймура, и корвет «Миранда», под на-

чалом сына британского контр-адмирала Эдмунда Лайонса, которого звали так же, как и его отца. Общее руководство операцией осуществлял командующий английской эскадрой в Белом море командер Эрасмус Омманней (Омманни), флагманский корабль которого, 24-пушечный фрегат «Эвредика», однако не вошел в монастырскую акваторию

(вероятно, из-за мелководья залива). Намерения противника в реалиях военного времени были, в общем-то, понятны: захват обители и организация на Соловецких островах опорной базы для последующего совершения рейдов по уничтожению российской инфраструктуры на побережье Белого моря.

Подойдя к монастырю на расстояние пушечного выстрела, англичане, которым к тому же было необходимо срочно пополнить запасы пресной воды и продовольствия, подняли на одном из кораблей флаги, чтобы приступить к переговорам с соловецкими насельниками. Но в монастыре морской сигнальной азбуке никто обучен не был, поэтому запрос британцев остался без ответа. Раздраженные таким «пренебрежительным» отношением к королевскому флоту «владычицы морей», англичане дали по монастырю три предупредительных, но вполне боевых выстрела ядрами. На Соловках эти действия англичан резонно приняли за начало атаки и ответили артиллерийским огнем береговой батареи. Тогда взбешенный противник начал массированный обстрел монастыря.

С точки зрения здравого смысла, противостоять мощи современных на тот период военных кораблей средневековая крепость попросту не могла. Более того, ядра из присланных в обитель в качестве подкрепления восьми малых пушек

попросту не долетали до кораблей противника, падая в море. Англичане уже предвкушали скорую победу над фактически беспомощным противником, как вдруг одно из ядер береговой батареи, удачно выпущенных из допотопного орудия, попало в «Миранду», едва не потопив ее. Из-за серьезных повреждений судна ее команда была вынуждена прекратить обстрел (а фактически прицельный расстрел) монастыря и уйти в море для починки. Следом за ней снялся с якоря и «Бриск».

На следующий день, рано утром, Эрасмус Омманей прислал в монастырь парламентаров с ультимативным требованием немедленно сдаться. Но защитники монастыря категорически отвергли это предложение, и вскоре интенсивный обстрел обители возобновился — два английских фрегата выпустили по Соловкам 1800 ядер. Такого количества, по словам самого Омманей, с лихвой хватило бы на полное уничтожение не только Соловецкой крепости, но и нескольких европейских городов. Когда плотная завеса артиллерийского дыма рассеялась, противник ожидал увидеть перед собой вместо монастыря груды развалин. Однако ... стенам и постройкам обители не был нанесен даже сколь-нибудь значительный урон: многие ядра попросту перелетали монастырь и падали в расположенное за его стенами Святое озеро, даже

не разрываясь. По воспоминаниям участников обороны, вода в озере буквально кипела от количества падавших в него раскаленных ядер. Защитники были уверены, что благодаря заступничеству святых произошло не иначе как чудо: все время обороны в монастыре непрестанно молились, а в самый разгар ожесточенного обстрела провели по стенам крестный ход.

Уже под самый конец артиллерийского обстрела одно из пушечных ядер, выпущенных неприятелем, перелетев через стену Соловецкого Кремля, пробило икону Божией Матери Знамение над западным входом в Преображенский собор монастыря и упало у стен собора, не разорвавшись. Это тоже было воспринято защитниками как чудо, знак того, что Богородица защищает их своим небесным покровительством.

Более того, в течение непрерывного девятичасового обстрела монастыря не был убит или ранен не только ни один из защитников обители или монахов, но даже гнездившиеся в монастыре чайки с птенцами! Оглушенные и страшно напуганные многочасовой пальбой по монастырю, пернатые снялись со своих мест и полетели к источнику шума — британским кораблям. А дальше произошло совсем уж невероятное: птицы настолько загадили своим помехом палубы фрегатов, что англичане некоторое время даже не могли по ним ходить из-за жуткой вони и по-

стоянной опасности поскользнуться, вывихнув руку или ногу.

Несмотря на это, защитники Соловков готовились к худшему: к высадке англичанами десанта и вполне возможным жарким рукопашным схваткам. Настоятель обители даже выставил в засаде у самого берега в прибрежных кустах несколько отрядов, готовых встретить со старинными ружьями врага и биться насмерть. Но... на рассвете следующего дня англичане, к огромной радости и всеобщему удивлению, с позором удалились.

Недаром же говорят: у страха глаза велики. Неприятель был уверен, что Соловки защищает целый хорошо обученный военный гарнизон, а не инвалидная команда, усиленная добровольцами с древними ружьями. Так, несмотря на многократное превосходство в вооружении, и прямо-таки гигантское число выпущенных по монастырю снарядов, британские моряки так и не рискнули высадиться на остров...

Победа защитников Соловецкого монастыря над английской эскадрой имела не столько военное, сколько духовное значение. Древняя русская обитель, несмотря на полное отсутствие военного гарнизона и ничтожное количество морально устаревшего, ржавого средневекового оружия, сумела дать достойный отпор неприятелю, продемонстрировав мужество и стойкость

Колокол «Благовестник» на Соловках

духа русских людей. В том же году настоятель монастыря удостоился встречи с российским императором Николаем I, который наградил архимандрита Александра за отражение вражеского нашествия наперсным крестом с бриллиантами. В честь избавления от «супостата» 8 июля в обители был учрежден ежегодный крестный ход.

Дабы надолго оставить у потомков память о «соловецком чуде», архимандрит Александр развил кипучую деятельность. Так, например, в 1856 году в стену Преображенского собора под пробитой неприятельским ядром иконой Знамения

была вмонтирована табличка, текст которой кратко излагал памятные события начала июля 1854 года:

«При нападении англичан на обитель в 1854 г., июля 7 д. был крестный ход. Здесь безбоязненно была совершена Лития Наст. с братиею и богомольцами из далеких стран. В то время, когда против этого места бриги с двух пароходов громили Обитель, над головами молящихся поверх крыши летели ядра. А когда Крестный ход начался, ядра стали сквозь крышу пролетать. Народ от испугу закричал. Но Господь, видимо, хранил Святым Своим покровом, ни одна жертва не пала от убий-

ственного огня, а врагам, коих Россия кормит хлебом, остался только позор святотатственного дела. Святые места сам Бог хранит во спасение всего Отечества. 1856 г.»

Благодаря активным усилиям архимандрита Александра по церковно-мемориальному увековечиванию и пропаганде победы у стен монастыря, поддержанным на самом высоком уровне (Николаем I, а затем и сменившим его на троне Александром II), Соловецкая виктория с помощью печатного слова стала широко известна в русском обществе. Пример ее защитников вдохновлял российские войска на других театрах военных действий в ходе Крымской кампании, воодушевляя русских героев на ратные подвиги и славные свершения во имя Отчизны.

После окончания Крымской войны, при новом русском царе Александре II, лично посетившим обитель в 1858 году, наград удостоились и многие другие защитники Соловков. А еще через два года, уже при новом настоятеле Порфирии, в дар от российского императора на Соловки прибыл колокол весом в 75 пудов (1228,5 кг), который был назван «Благовестником». На его тулове были выгравированы изображения обители и история обстрела монастыря англичанами с сопровождающими пояснительными надписями. Над ним соорудили небольшую, зато «Царскую» ко-

локольню, рядом с которой на лафетах поставили те самые две трехфунтовые пушки, выстрелы из которых повредили вражеский корабль. Из собранных на острове неприятельских ядер и бомб у стен колокольни, в назидание потомкам, были сложены две памятные пирамиды. Этот колокол чудом уцелел в бурном и драматичном XX веке (когда в 1920–1930-е годы монастырь был закрыт, а затем и вовсе превращен в тюрьму), и сейчас его можно по-прежнему видеть внутри стен Соловецкого Кремля.

Сам же монастырь благодаря разраставшимся по стране, словно снежный ком, известиям о невероятной победе, вскоре после окончания Восточной войны (как называли в России до 1917 года Крымскую войну) возобновил знаменитое «соловецкое богомолье», превратившись в объект массового паломничества, одного из самых масштабных в России. Тысячи богомольцев преодолевали огромные российские просторы, чтобы не только приложиться к чудотворным соловецким монастырским мощам и святыням, но и воочию увидеть те самые места, где монахи прогнали англичан...

P.S. Как Эрасмус Омманней оказался на карте России

Как известно, пути Господни неисповедимы. На первый взгляд это

кажется невероятным, но факты, как известно, вещь упрямая. В составе российского полярного архипелага Земля Франца-Иосифа есть маленький скалистый остров Омани. Открыт он был в 1895 году британской полярной экспедицией Фредерика Джексона и назван ... да-да, в честь того самого Эрасмуса Омманнея, отдавшего приказ о массированном обстреле Соловков. Дело в том, что незадолго до начала Крымской войны Омманней в составе поисковой группы участвовал на территории современной Канадской Арктики в розыске пропавшей экспедиции британского полярника Джона Франклина, бесследно исчезнувшего в белом ледяном безмолвии тремя годами ранее. Ту экспедицию он так и не нашел, но свой вклад в изучении Арктики оставил.

На момент открытия острова, названного Джексон в честь Эрасмуса Омманнея, последний пребывал в добром здравии, выйдя в отставку полным адмиралом и будучи возведен в рыцарское достоинство. В Туманном Альбионе его давнишний «инцидент» с Соловецким монастырем очень скоро позабылся, а его «герой» сделал впоследствии блестящую военную карьеру. Правда, стоит отметить, что первоначально, по итогам военной кампании Великобритании на Русском Севере, Эрасмус Омманней, эскадра которого «прославилась» разграблением и сожжением беззащит-

ных поморских деревень и церквей, именно за Соловки, под давлением общественного мнения, был понижен в должности и переведен служить на другой корабль. Но дело было вовсе не в жалости к защитникам Соловков или осуждении его варварской бомбардировки. В вину предводителю эскадры был вменен нерациональный расход боеприпасов и отступление от стен монастыря, расцененное в британском адмиралтействе как поражение.

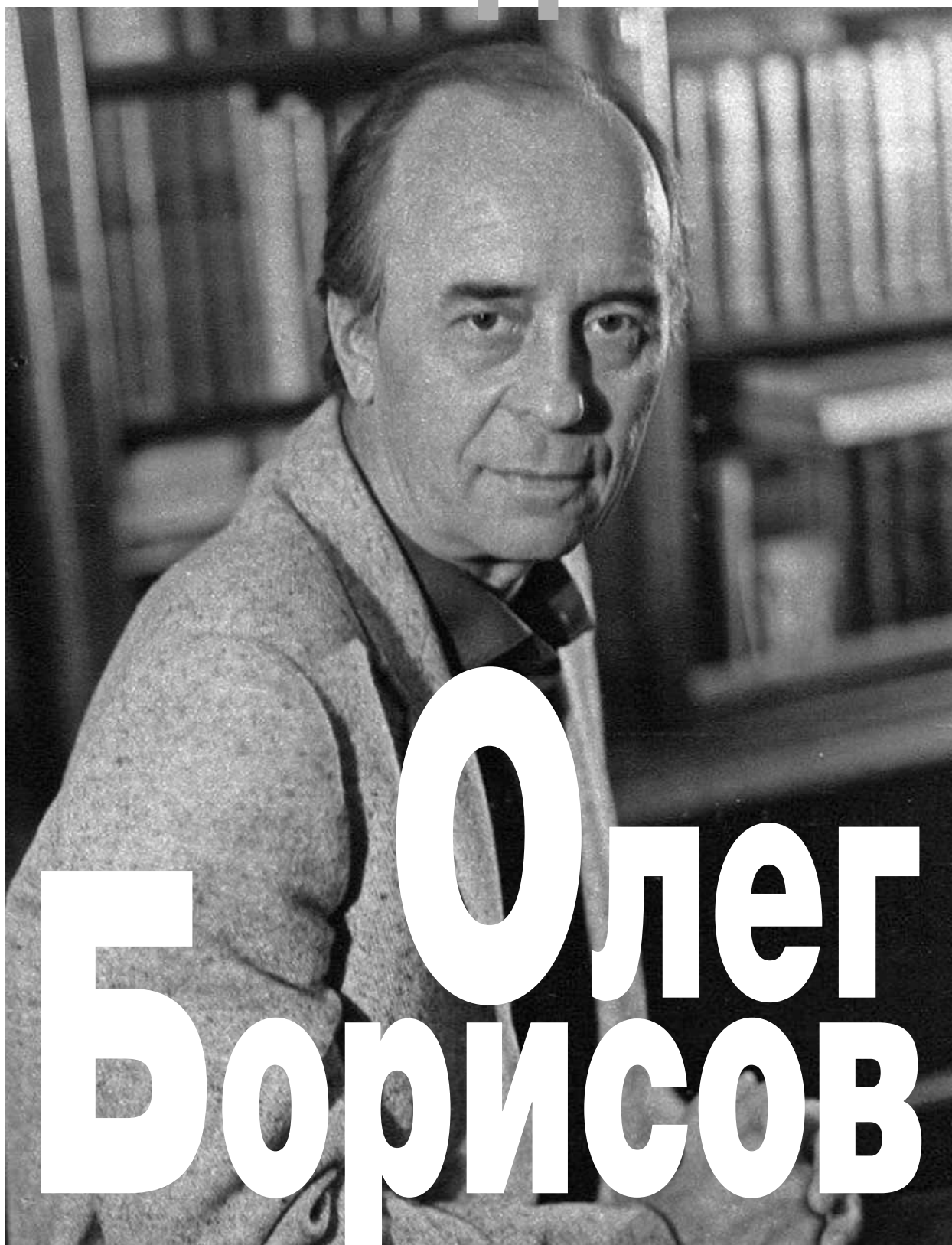
Исследователь полярных широт Фредерик Джексон, назвав открытый им остров в честь Омманни, хотел таким образом увековечить память своего современника, навечно вписав его имя в арктическую летопись географической карты мира. Казус состоял в том, что в конце XIX века, в силу своего высокоширотного расположения и, соответственно, экстремальных природных условий, Земля Франца-Иосифа считалась одним из последних «белых пятен» на карте планеты. Эта территория была незаселенной людьми, крайне малоизученной и фактически «ничейной». Принадлежать же нашей стране архипелаг стал с 1916 года, после объявления его российской территорией побывавшей на нем за два года до этого экспедицией полярного исследователя Исхака Ильямова. А название — остров Омани — так и осталось на географической карте. □

*Современный вид
Соловецкого
монастыря*

Георгий Кричевский

НЕРАЗГАДАННЫЙ

Олег
Борисов

Есть актеры, которые оставляют по себе неразстворяющийся во Времени след. Янковский, Абдулов, Евстигнеев, Андрей Миронов, Олег Борисов... Их место на экране, на сцене невосполнимо. С ними уходят целые миры. Их личности, их харизма абсолютно уникальны.

При не слишком выигрышной внешности Борисов соединил в себе совершенно противоположные, пожалуй, даже несовместимые в одном лице амплу. Герой ярко окрашенного отрицательного обаяния и впечатляющий положительный герой. Герой-невротик и острохарактерный герой. Приспособленец, холодный интриган и вместе с тем — мечтатель, романтик. В жизни малообщительный, сторонившийся божьего веселья и светских развлечений, чуравшийся своей широкой популярности, раздражительный, самолюбивый и в то же время ранимый, сомневающийся, самоуглубленный, он был человеком-загадкой. Загадкой было и его тонкое актерское творчество.

В 1951 году после окончания школы-студии МХАТ Олега Борисова должны были оставить в Художественном театре, но в последний момент его место занял сын одного из педагогов. Первая обида, первое пережитое предательство тех, кому привык безоговорочно доверять. Потом будут еще обиды и предательства, он же приучится сносить их стоически, не показывая вида окружающим. Но зарубки на сердце никуда не денутся, ускорив преждевременную кончину.

Пока же Олег получил приглашение в киевский Театр русской драмы имени Леси Украинки, где сразу же стал «репертуарным» артистом. Его

тогдашняя постоянная партнерша по сцене Ада Роговцева вспоминала, что он с самого начала заявил себя сложившимся мастером, со своим голосом, своей интонацией, своей резкой, буквально на грани гротеска, крика манерой игры. Борисов быстро стал любимцем киевской публики, которая ходила в театр исключительно «на него».

Здесь же 24-летний Олег встретил любовь всей своей жизни — Аллу Латынскую. Они прожили вместе 40 лет, а через два года после свадьбы у них родился сын Юрий. Кинорежиссер Вадим Абдрашитов, у которого в фильмах «Остановился поезд», «Парад планет» и «Слуга»

Борисов сыграл едва ли не самые значительные свои роли, вспоминал, что, обедая в ресторане, Олег неизменно приговаривал: «Алена моя лучше это готовит».

Именно в Киеве к Борисову пришла первая кинослава после роли Голохвастова в комедии «За двумя зайцами». Искрометная в борисовском исполнении роль невероятно полюбилась киевлянам. Дошло даже до памятника в историческом центре Киева, на Андреевском спуске Борисову и его партнерше по фильму. Ее величество Кинокамера тоже сразу «влюбилась» в этого харизматичного актера. Снимавший его в бытность свою оператором

Денис Евстигнеев говорил, что объектив камеры «сам считывал неотразимое обаяние Олега Борисова и отсылал будущим зрителям».

Фильм стал своеобразным талисманом легендарного киевского футбольного клуба «Динамо» во главе с легендарным в ту пору тренером Валерием Лобановским. Он всерьез утверждал: «зайцы» с Борисовым в главной роли приносят команде удачу и психологически настраивают игроков на победу. Олег Иванович долгие годы дружил с Лобановским, который нередко приводил игроков киевского «Динамо» в полном составе к нему на спектакли, и они потом совместно разбирали как сыгран-

К/ф
«За двумя
зайцами»

ные командой матчи, так и сыгранные артистом роли.

В театре к славе Борисова не все относились спокойно. Феномен его вроде бы непрямого, загадочно-го мастерства озадачивал. Популярность Борисова казалась незаслуженной и раздражала завистливых коллег. Когда актер представлял один свой фильм в Польше, они написали коллективное письмо в газету «Советская культура» о недопустимом «зазнайстве» Борисова. Единственной, кто не подписал это позорное письмо, была Ада Роговцева.

Приехав из командировки, артист узнал о своем увольнении, однако пережил предательство коллег без претензий, разбирательств. И хотя перед ним вскоре извинились и позвали обратно, Олег Ива-

нович в театр не вернулся. Расставание с Киевом для него было тяжелым. А ведь артиста уже ждали легендарный Георгий Товстоногов и ведущие роли в Большом драматическом, где Олег Борисов прослужил 17 лет.

Если в период работы Олега Ивановича в киевском театре эксплуатировался в основном его комедийный дар, то в БДТ он воплотил Ганечку в «Идиоте» Достоевского, Петра в горьковских «Мещанах», Дживоло в «Карьере Артура Уи» Брехта. Именно здесь произошло окончательное становление актерской индивидуальности Борисова, оттачивался его филигранный исполнительский стиль. Завораживавшие глубиной режиссуры товстоноговские постановки дали Борисову

возможность полностью раскрыть себя в образах принца Гарри («Генрих VI» Шекспира) и Григория Мелехова, главного героя «Тихого Дона» Шолохова.

Приглашенный на постановку в БДТ будущий худрук столь же знаменитого впоследствии Малого драматического театра северной столицы Лев Додин еще сильнее обострил эти грани актерского дарования Борисова, подготовив с ним парадоксально-фантастическую партию так называемого безымянного персонажа в инсценировке повести Достоевского «Кроткая». Сочетание холодной рассудочности, аналитичности с взрывным темпераментом и предельной оголенностью нерва — вот фирменные отличия актерской манеры Борисова в том незабывае-

мом спектакле, который спустя некоторое время был перенесен на сцену Художественного театра. Туда же в 1983 году неожиданно перешел и сам Олег Борисов.

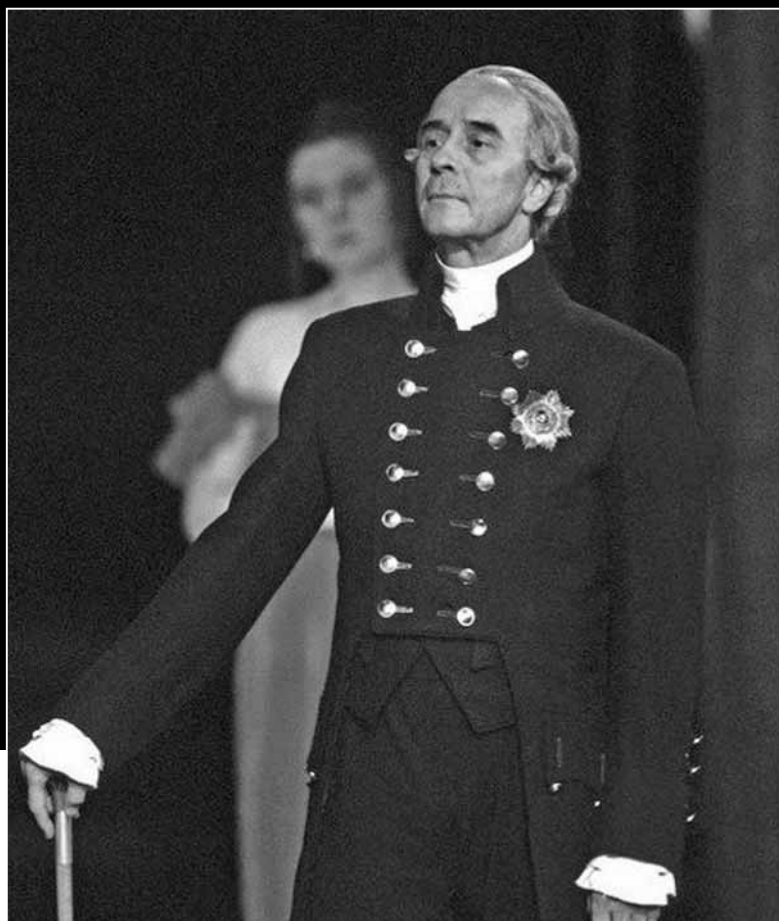
Ошеломительный успех у взыскательной ленинградской публики сопутствовал ему все годы, однако необъяснимый и деспотичный Товстоногов вдруг начал передавать обещанные Борисову роли Олегу Басилашвили и Евгению Лебедеву. Не очень-то вписывался Олег в его «команду», непроизвольно солируя в любом спектакле и властно перетягивая зрительское внимание на себя.

При этом Товстоногов выжимал все, чем природа щедро наделила артиста — пластику, взрывной темперамент, эмоциональную глубину. За исключением тех случаев, когда

Слева:

*К/ф
«Крах
инженера
Гарина»*

*К/ф
«Павел I»*

в расчет принимались совершенно нетворческие мотивы. Так, зная, что следователя Шамаева из вампиловской пьесы «Прошлым летом в Чулимске» лучше Борисова никто не сыграет, Георгий Александрович, тем не менее, отдал роль уравновешенному и сугубо положительному, с номенклатурной точки зрения, Кириллу Лаврову. С Борисовым спектакль начальство точно бы не «пропустило».

И вот с БДТ также пришлось расстаться под благовидным предлогом воссоединения семьи — жена Борисова перешла в московский театр.

С МХАТом артист связывал очень большие надежды, которые помогали пережить горечь очередного

предательства. Заветная роль в чеховской пьесе, роль Астрова в «Дяде Ване», была предложена Борисову Олегом Ефремовым в его новой постановке классического спектакля. Борисов сыграл Астрова так, что полностью перевернул сложившиеся представления об этом образе. Неистовый, мятущийся Астров Борисова обнаруживал всю широту национальной природы, поставленной в невыносимые условия существования. Это был новый Астров и новый «Дядя Ваня».

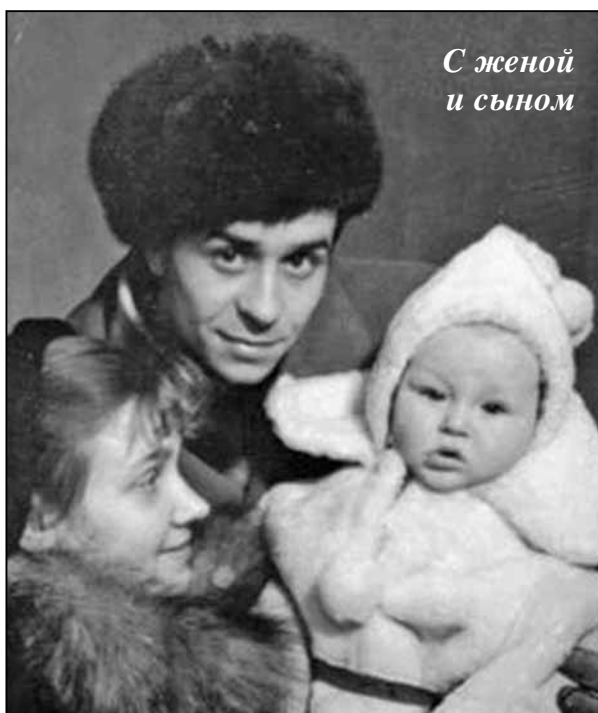
Уязвленный столь внушительной творческой победой Борисова в своем собственном спектакле, Олег Николаевич, на правах художественного руководителя театра, сам начал

репетировать роль Астрова. А затем вышел в этой роли на сцену. Но то был уже другой Астров и, соответственно, другой спектакль. Что почувствовал тогда отстраненный от подлинно звездной роли артист,

можно только догадываться. Ефремов ведь даже не удосужился поставить его в известность о готовившейся замене, все происходило у Борисова за спиной...

Из МХАТа Олег Иванович не ушел, однако прежнего накала здесь уже не выдавал. Сыграл еще, правда, год спустя Выборнова в пьесе Александра Мишарина «Серебряная свадьба» в постановке Олега Ефремова. Вот, пожалуй, и все. Причем к серьезным актерским достижениям Борисова этот спектакль, увы, не отнесешь. И все же, уходя и возвращаясь, он прослужил в МХАТе до 1990 года и остался с Ефремовым после раздела театра в 1987 году. Зато в 1989-м вновь потряс театральную Москву главной ролью в спектакле Центрального академического театра Советской Армии по пьесе Мережковского «Павел I».

Слева:

*К/ф
«Проверка
на дорогах»*

*К/ф
«Остров
сокровищ»*

И вновь это был новый Павел, и новая трактовка пьесы.

Неудовлетворенный своим положением на сцене, Борисов первым у нас затеял театральную антрепризу. С 1991 по 1994 год, год смерти артиста, «Антреприза Олега Борисова» гремела на столичных подмостках.

В кино его часто приглашали на роли злодеев, но он играл не злодеев, а бунт неукротимой души. Он и сам был неукротим, как будто носил в душе бомбу замедленного действия. Не стремился нравиться, располагать к себе людей. Мог резко возразить на репетиции известнейшему и авторитетнейшему режиссеру, а то и просто уйти со сцены... Он не добивался никогда высоких наград и оценок своего творчества, будучи очень сильным и очень гордым человеком. Только для жены

он всегда оставался близким, понятным, открытым. Для остальных же был застегнутым на все пуговицы язвительным и желчным субъектом, эдаким «человеком в футляре».

«Да, великий, просто гениальный артист, — говорили о нем, — но характер!..»

Между тем действительно трудный характер Олега Борисова являлся приложением к невероятному чувству ответственности за спектакли и фильмы, в которых он участвовал — не просто за свою главную или второстепенную роль, но за фильм и спектакль целиком, так, как ему эти сценические и экранные произведения виделись. Поскольку ничто не должно было «испортить» там лично его работу. Эгоизм, эгоцентризм? Возможно. Зато бескорыстный. Творческий.

*К/ф
«Слуга»*

Так он сыграл разведчика Соколомина в памятном и долго пролежавшем на полке фильме Алексея Германа-старшего «Проверка на дорогах». Впору ему пришлось гротескный образ предводителя воровской шайки Гуго в экранизации романа Марка Твена «Принц и нищий» режиссера Вадима Гаузнера. Благодаря необычайно выразительному журналисту Никитину в исполнении Олега Борисова запомнилась нам и не слишком-то удачная комедия Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу». А что уж говорить о вершинной его роли в четырехсерийном телевизионном фильме «Крах инженера Гарина» по мотивам романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», который блестяще поставил в 1973 году Леонид Квинихидзе. Такого Петра Петровича Гарина, вместившего

в себя все лучшее и худшее, что может быть в чрезвычайно талантливом ученом и человеке, определенно никто, кроме Борисова, не сыграл бы.

Можно сказать, что бенефисом Олега Ивановича, помимо упомянутых выше фильмов, явилась замечательная лента Петра Тодоровского «По главной улице с оркестром» (1986 г.).

Борисов сыграл в ней главного героя — скромного преподавателя сопраната и музыканта-любителя Муравина, переживающего жизненный кризис. В институте обещанное ему место завкафедрой занимает более оборотистый и предприимчивый коллега (до боли знакомая артисту житейская ситуация). Жена Лидия (актриса Федосеева-Шукшина) зарабатывает больше мужа и смотрит на него с пренебрежением,

упрекая в нерешительности. Но тяжелее всего для героя картины неуважение домашних к его главному увлечению — игре на гитаре сочи-

няемых им чудесных мелодий, которые написал сам режиссер Петр Тодоровский. Не выдержав издевок, Муравин уходит из дома и играет

для случайных прохожих на Речном вокзале. А наигрываемые героем музыкальные темы беззастенчиво присваивает приятель-оранжировщик (Валентин Гафт) и продает их на радио, выдавая за свои. Муравину же на это наплевать, лишь бы жили и звучали сами мелодии...

Трогательная, глубоко психологическая роль. Многие на «Мосфильме» отговаривали Тодоровского брать на эту роль Борисова. Дескать, тут нужен актер с добрым лицом, а Борисов по самой своей сути — «иной». Узнав об этом, Олег Иванович усмехнулся и сказал режиссеру: «Ладно, сыграю тебе добряка». И сыграл, да как! А еще поддержал и ободрил засветившегося рядом с ним в микроэпизоде начинающего Олега Меньшикова, о чем

тот до сих пор вспоминает с неизменной благодарностью.

Наверно, наиболее убедительно о непревзойденном и, к сожалению, даже наполовину не использованном отечественным кинематографом актерском потенциале Олега Борисова свидетельствует такой удивительный факт. На Венецианском фестивале 1990 года он получил вожделенный для всякого артиста кубок Вольпи за лучшую мужскую роль в болгарском фильме «Единственный свидетель», где сыграл, почти без слов, пожилого рабочего и обошел в фестивальном конкурсе самого Роберта де Ниро...

Большие актерские удачи оказались связаны у Борисова с такими фильмами, которые изначально давали ему возможность пропустить

Слева:

*К/ф
«Вторая
попытка
Виктора
Крохина»,
Олег Борисов,
Людмила
Гурченко*

*К/ф
«По главной
улице
с оркестром»*

через себя и отразить на экране трагическую обреченность человека, ощущающего свою обособленность, подчас даже изгойство в окружающем мире. Он часто играл малосимпатичных людей, порой — законченных подлецов, и удивительным образом умел выразить «поверх» роли свое человеческое отношение к ним.

Таков следователь Ермаков в картине «Остановился поезд», догматик, для которого не существуют реальные люди с их болью, искалеченными судьбами, случайными трагическими ошибками. Борисов показал, как служение букве закона вытравило в его герое последние остатки нравственности. Таков американский профсоюзный босс Рафферти в одноименном фильме, готовый на все ради спасения собственной шкуры. Не внушает нам симпа-

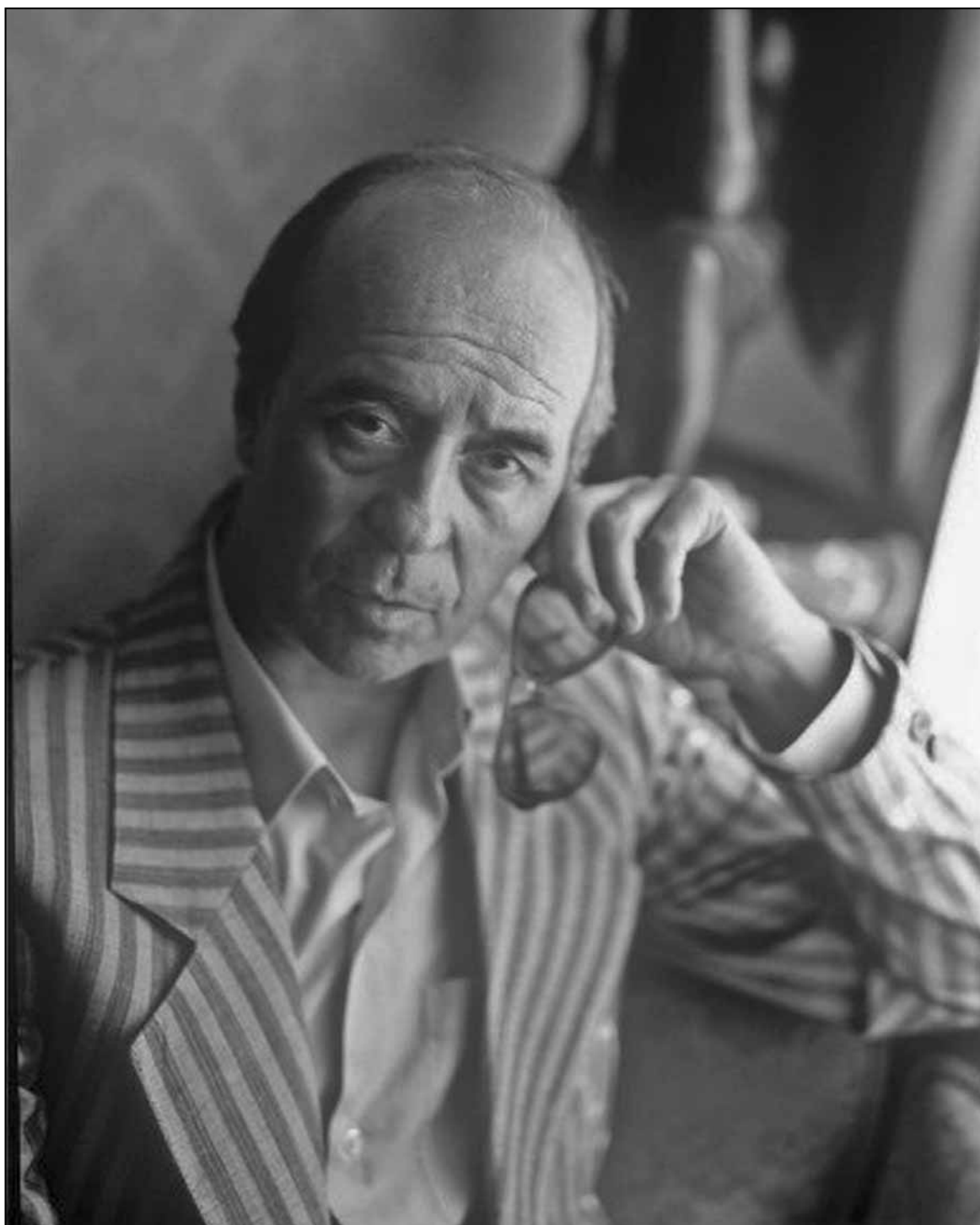
тий и партизан Соломин в картине «Проверка на дорогах». И уж, конечно, откровенное презрение вызывает образ одного из партократов умирающей советской державы Гудионова в фильме «Слуга». За этот фильм Олег Борисов получил в 1989 году «Нику» в номинации «Лучшая мужская роль».

Были у него, разумеется, и другие престижные награды отечественных кинофестивалей. И сегодня даже трудно представить, что в какой-то период уникального актера запрещали снимать. Руководство «Мосфильма» в свое время не «пропустило» его в михалковскую «Родню» — побоялись слишком явного социального накала Борисова. А он очень хотел. В 1980 году Олег Иванович отказался в самый разгар работы продолжать съемки в картине

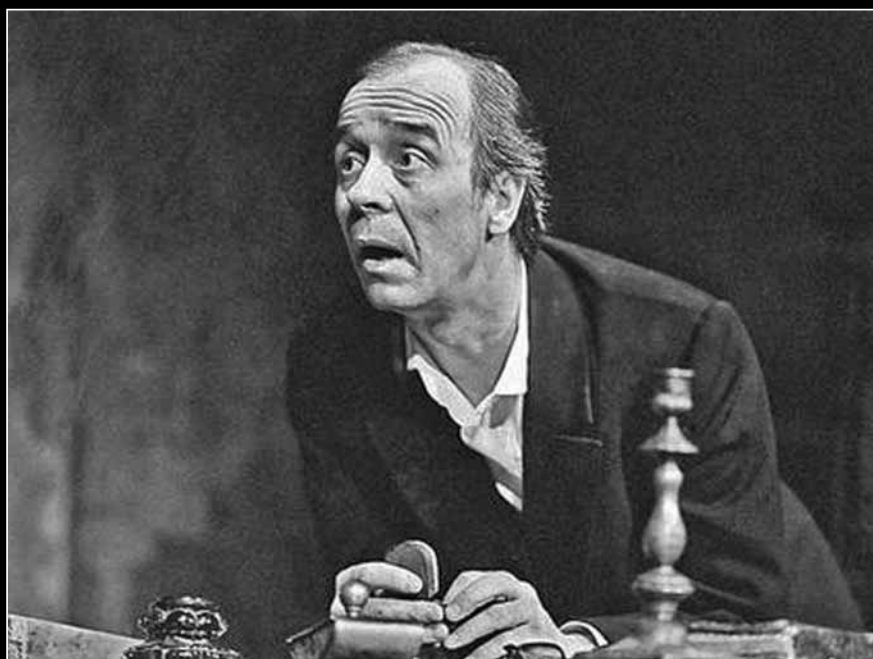
Александра Зархи «26 дней из жизни Достоевского» по причине творческих разногласий с режиссером. Артист не хотел играть облегченный образ великого писателя, который в его представлении мог сложиться по ходу съемок. В результа-

те он был наказан отлучением от кино на два года, а на съемочной площадке у Зархи его заменил Анатолий Солоницын.

Ему удалось еще в разные годы осуществить на кино- и телеэкране такие замечательные актерские ра-

*Спектакль
«Кроткая»*

боты, как Версиров в многосерийном телефильме по роману Достоевского «Подросток» или пират Джон Сильвер в экранизации культового «Острова сокровищ». Причем и там Борисов опрокидывал традиционные, привычные представления о сыгранных им персонажах. Начинать же он «ревизию» классических образов с «Гамлета Щигровского уезда». В картине талантливого режиссера Валерия Рубинчика по рассказу Тургенева, снятой в 1975 году, бедный дворянин, озлобленный страдалец заставлял страдать других. Почти безупречен в его исполнении хрестоматийный персонаж гоголевской «Женитьбы», экранизированной в 1977 году маститым Виталием Мельниковым, Кочкарев, который нагнетает вокруг себя бессмысленную суету.

Казалось бы, наглухо закрытый, сосредоточенный исключительно на себе, Олег Иванович мечтал об учениках, рвался преподавать, передать молодым свои секреты актерского мастерства. Но самостоятельно набрать курс ему не дали, а от собранного совершенно случайно в ГИТИСе Борисов отказался.

Он не придавал большого значения вещам, одежде. Жена Алла Романовна рассказывала, что для него надеть костюм с галстуком было проблемой: «Я же не какой-нибудь Актер Актерыч», — шутливо ворчал Олег Иванович. Он любил свитера, джинсы, куртки. Смокингом обзавелся, только когда стал выступать в концертах. Выступал с чтением любимых вещей и по радио, на телевидении, поставил несколько радиоспектаклей (до того снял в качестве режиссера совместно

с Артуром Войтецким фильм «Стежки-дорожки»), потому что интересных ролей в театре и в кино ему не хватало...

Он хотел в одном из фильмов сыграть в дуэте с Олегом Меньшиковым. Прочил большое будущее молодому Евгению Миронову, который позже озвучил фрагменты его дневников в телефильме «Пришельцам новым...» Дневник Олег Иванович начал вести в 1974 году, последнюю же запись там сделал за две недели до смерти и советовал сыну Юрию не спешить после его кончины с публикацией дневников. Тот так и поступил. Пять лет спустя, когда актеру исполнилось бы 70 лет, эти дневники под названием «Без знаков препинания» увидели свет. Название придумал сам Борисов, объяснив: «Я хочу, чтобы одно вытекало из другого». Он очень надеялся, что написанное в дневниках будет интересно молодым артистам.

Свою последнюю роль, вернее две роли — Мефистофеля и Бога, Олег Иванович сыграл в телефильме «Мне скучно, бес», поставленном его сыном Юрием, который вырос в известного кинорежиссера. В первые тяжкие и скудные на фильмы годы после распада Союза предложения поступали, главным образом, от расцветшего тогда пышным цветом убогого в целом «кооперативного кино», по поводу же тех, что заслуживали внимания, Олег Иванович советовался с сыном и очень ценил его мнение.

Неизлечимый лимфолейкоз мучил выдающегося артиста целых 16 лет, а он еще находил силы продолжать заниматься своей театральной антрепризой и выходить на съемочную площадку. В последние годы подолгу лежал в больнице, но шутил над своим положением, называя его вынужденным «творческим простоем». В палате принимал друзей и коллег по антрепризе, читал поступавшие ему сценарии, делал на полях пометки...

Теплым весенним днем 28 апреля 1994 года Народный артист СССР Олег Иванович Борисов скончался и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Ему было только 65, и он бы еще многое мог успеть...

Он жил и ушел неразгаданным. Кинорежиссеры называли Олега Борисова идеальным киноактером, а театральные режиссеры — идеальным театральным. И поражались борисовской органике. «Когда я вижу его на экране, меня всего будоражит, потому что я порой не понимаю, как это сделано, — говорит Евгений Миронов. — Не понимаю, как Борисову удавалось, несмотря на возраст, тяжелую болезнь, играть столь отчаянно, безоглядно, наотмашь, «на разрыв аорты». А Олег Табаков высказался так: «Он был очень совестливым человеком. А совесть по Достоевскому — предчувствие истины. Такие люди приходят в мир, чтобы тревога не исчезла. Спасибо ему за это!» □

Алябьев упорно вышагивал в клетушке каземата. Тишь давила безысходностью. Бессонная ночь незаметно переходила в утро. Проступили контуры решетчатого окошка, свет упал и на топчан. Предметы эти закреплены прочно и надолго. Но все серо и уныло-тоскливо. Время как бы остановилось, диктовало иной отсчет.

Эхом в сознании Алябьева звучали обрывки фраз. Недобрых, сабельно-болевых. Ранящих. Мозг сверлило не исчезающее абсурдное обвинение: «Подозреваете в убийстве...»

Остановившись, арестант подумал: «Так могут обвинить и ангела, и черта... Адова симфония жизни! — Мысли громоздились, лавиной неслись в голове, опережая одна другую. — Французы не полонили, а здесь, дома, в Москве... Нет, чушь... Давыдов говорил, что плен для живого — еще не смерть. Неволя только для мертвых — там, в могиле, конец. А здесь, на земле... неволя вроде жизни, только без игры твоей. Но ты — игрок. Потому что жив. Играй. Думай».

Алябьев продолжал вышагивать по камере, но ему немного все же полегчало. Неожиданно, словно из небытия, возник добродушный облик Крылова. Мысли спасительно перескочили в лучезарные воспоминания. Даже легкая улыбка тронула губы арестанта. Вспомнились шумные салоны... Иван Крылов... Этого мудреца любили и в Первопрестольной, и в Северной столицах. Его басни, раз услышанные, казались знакомыми, в зверях

и птицах легко угадывались хитрецы и злодеи. У поэта-иносказателя не было врагов. Он всех любил. Но имел особенность напрочь забывать имена и фамилии. Конечно, не самых близких. На свою забывчивость великий человек имел спасительную заготовку, почти басенную — «палочку-выручалочку».

Алябьев прервал шаг, остановился. Мелькнула мысль: эту крыловскую защитную фразу и надо применить при встрече с полицмейстером. Расстроить его стратегию нападения. «Встреча эта, — пронеслось в голове, — состоится! Возможно, сегодня. Я, конечно, часто ошибаюсь, но интуиция мне еще не изменяла. Да, она будет, эта встреча. Я чув-ст-вую».

Легко и даже задорно вспомнилось, как два года назад в театре он столкнулся с полицмейстером и, извиняясь, сказал: «Пардон, мадам-с!» Известный многим чин даже позеленел от этой остроты. «Может, забыл? Мало ли что... Нет, такая дерзость не забывается. Ну и пусть. Игра продолжается. Пусть не по моим правилам. Но премьера этой игры уже волнует раскованностью риска. Дразнит и манит...»

Утренние лучи солнца, наконец, пробились сквозь решетчатое оконце. Вместе с ними послышался свист ветра. В тональность ему арестант озорно подсвистнул.

Резко открылась дверь, и в камеру вошел Дурнов. На курносом круглом лице его отразилась строгость:

— Ты тут, барин, не свисти!

— Так это не я.

— А кто ж?

— Ветер.

Дурнов недовольно покрутил головой, прислушался.

— Такого здесь отродясь не наблюдалось.

— Да-да, ветер, — насмешливо настаивал Алябьев. — Он там, за окном. Так что наблюдается.

— Если тама... пущай свистит. Природа. А ты, кажись, барин, уже отсвистелся, — сказал Дурнов, жестом указывая на дверь, затем крепко связал руки арестанту.

— Это почему? — спросил тот насмешливо.

— Молчать! — выкрикнул Дурнов и вывел его из камеры.

В кабинете полицмейстера Алябьев, зажмурившись от яркого света, скорее почувствовал, чем угадал фигуру генерала. Как перед сабельной атакой, он чуть привстал на стременах. Но это были не стремена, а пол. Твердый. Прочный. Прикрытый чуть потертым, но еще нарядным ковром. Вспомнил, почти увидел мельком дерзкую улыбку своего командира Дениса Давыдова.

В голове опять спасительно пронеслись оправдывающие забывчивость слова Ивана Крылова. Глядя спокойно в холодные и беспощадные глаза полицмейстера, Алябьев, в тональности баснописца, простодушно изрек:

— Как давно не имел удовольствия вас не видеть.

Наступила тишина. В длинной паузе, в немой, но ощутимой дуэли, почти растерянно прозвучал вылетевший рикошетом вопрос:

— Как?

В этом вопросе звучали оттенки чего-то недосказанного, запредельно скрытого. Мгновенье и вечность столкнулись. И исчезли. Но тонкий слух композитора уловил не мажор, а минор. Молчаливая дуэль длилась секунды. Но этого хватило, чтобы Алябьев почувствовал себя не пленником, как говорил Давыдов, а игроком:

— Пустое... Я, простите, вспомнил поговорку баснописца Крылова. Он так говорит всем знакомым. По забывчивости... Но мы, вы и я, вроде бы не знакомы...

Ровинский, чтобы скрыть проигранную только что психологическую дуэль, молча прохаживался. Остановившись, миролюбиво заметил:

— Я тоже отчасти, знаете, бываю забывчив. — И, махнув Дурнову, чтобы тот развязал арестанту руки, предложил: — Да вы присаживайтесь. В ногах, говорят, правды нет.

Алябьев, глядя на портрет царя, висевший на стене, тихо произнес:

— А разве она где-нибудь есть? Правда-матушка?

— Да уж... Вы того-с... перегнули-с. Правда божья есть повсюду. А царева правда имеется в нашем Российском государстве. Так-то.

Наступила неловкая пауза. Алябьеву совсем не хотелось попадать в уμε-ло заброшенный аркан, и он угрюмо молчал.

— Вам не нравится мое определение, — бесстрастным тоном проговорил Ровинский.

— А вам?

— Ну, мне, как и всем государственным людям... Впрочем, суть нашей встречи не в этом. Она-то, сударь, правдива на основе закона. Это так же верно, как и правда царева.

— Это потому, что вы в тени этой правды.

— Я в тени правды? Интересно. Хотя, может быть... Может... — Генерал продолжал ходить по кабинету, потирая руки. — Работа, знаете, у меня такая. Теневая. — Вдруг он остановился и загадочно, нараспев произнес: — Ведомы ли вам телепатия?

Взглянув на гладко выбритое лицо генерала, Алябьев настороженно подумал: «К чему он клонит?»

— Мне это ни к чему, — пожал он плечами.

— А напрасно не интересуетесь сей наукой. Она, знаете, порой и спасает...
Алябьев посмотрел в окно. Увидел в предвесеннем вальсе танцующие снежинки. Барабанный стук пальцев генерала вернул его к действительности.

— Ну что же вы, милейший, не отвечаете насчет древнейшей науки?

Прикрыв рот рукой и вызывая зевая, он вяло произнес:

— Неинтересно.

Ровинский, пройдя в дальний угол кабинета, уже за спиной Алябьева сурово, но еще все-таки миролюбиво проговорил:

— Понимаю, понимаю. Сей момент у вас появится интерес. Уверяю вас, появится. — И, меняя тембр голоса, вкрадчиво добавил: — После моих вопросов.

— Задавайте.

— А вы, сударь, не торопите меня, не торопите. Вопросы будут, уверяю вас, будут. О солнечной, а может крапленой правде образа жизни.

Генерал прошел к столу, сел. Барским, ленивым движением потянулся рукой к лежавшей в отдельном углу обширного стола папке. Алябьев, не отрываясь, внимательно следил за холеной рукой генерала. Про себя отметил: «А играет-то как! С наслаждением. Артист!»

Ровинский вынул первый лист, откашлялся и официально отчеканил:

— Но запомните, милейший Александр Александрович, сие сочинение не салонно-водевильного характера. Здесь только факты.

Они молча смотрели друг на друга. Генерал отметил про себя: «А держится-то как потаенно. Партизан!»

Алябьев угрюмо размышлял: «Кажется, началось...» Вспомнилось заливчатское: «Сабли наголо!» В ушах пронеслось раскатистое «ура-а-а!»... Чтобы скрыть странную улыбку, вросшую в его естество в самые опасные моменты жизни, он, прикрыв рот ладонью, устало сказал:

— Читайте.

— Извольте. Но заранее предупреждаю, отрицание — не в вашу пользу.

— Смотря что...

Ровинский встал из-за стола и медленно приблизился к Алябьеву, потрясая листиком:

— Только факты. Факты. Позвольте?

Тот молча кивнул головой, а сам настороженно подумал: «Хватка-то бульдожья. Такой насмерть загрызет, если в горло вцепится. Но я не дамся... не дамся!» Почему-то опять вспомнилось денисовское: попал в плен — не горюй, а мозгуй, мозгуй. В сознание россыпью вошли бодрящие звуки его романсов. А Ровинский, вглядываясь в спокойное лицо этого уже не молодого композитора, почти участливо спросил:

— О чем вы думаете, сударь? Ведь это, считай, почти приговор.

Алябьев, не удостоив его взглядом и задумчиво глядя в окно, отрешенно сказал:

— О снеге, генерал. О снеге...

— О снеге?!

— Да, о нем. Февральский московский снег имеет свой запах. И даже свою мелодию. Романсовую. Русскую. Снежинки, заметьте, стали лохматыми и певучими. Кружась в своем последнем хороводе, они всегда поют вещий гимн жизни. Жаль, что их, как и людей, немногие слышат. А еще меньше понимают. Может, поэтому, они и тают. И погибают. Но мелодии их передаются весне. Разве вам об этом не известно?

— Нет.

— Жаль. А телепатом себя считаете... Или вы ошибаетесь на сей счет?

— Здесь вопросы задаю я, — не нашелся что ответить, Ровинский.

— Так точно! — Алябьев принял стойку «смирно».

Неожиданно оба расхохотались. Смеялись потому, что в необузданном русском характере всегда присутствует блажь, дурачество. То дурачество, что сближает порой и не сближаемые углы воззрений и положений. Первым пришел в себя хозяин кабинета. Громко кашлянув, он строго проговорил:

— Снег, он, конечно, больше по вашей части. Композитора, романиста. Может, он и музыкален. Но вы ко мне в кабинет попали...

— Да вы читайте, читайте, — успокаивающе проговорил Алябьев. — Я вас понимаю.

Ровинский сел, поднес листок близко к глазам и стал громко и внятно читать:

«24 февраля 1825 года на дому у отставного подполковника Алябьева Александра Александровича состоялся званый обед». Вы это не отрицаете?

— Нет.

— Похвально. «Обед сопровождался обильной выпивкой и завершился картежной игрой». Вы это тоже не отрицаете?

— Нет.

— «Среди приглашенных были отставной полковник Тимофей Миронович Времов, сосед Кулагин, отставной майор Глебов и шурин Алябьева — Шатилов». Вы и этот факт не отрицаете?

— Нет, — снова ответил Алябьев.

— Хорошо-с. Вы, господин Алябьев, в той картежной игре сами-то принимали участие?

— Нет. Как хозяин дома, я только наблюдал.

— Интересная роль. Что еще вы делали?

— Да больше, в общем, ничего.

— А напитки подносили? — уточнил генерал.
— На правах хозяина, да.
— Так-так. У вас тогда в доме было все гладко?
— Как в любой игре, — равнодушно констатировал арестант.
— Интересно, и кто же проиграл?
— Вам же все известно, генерал. Зачем это...
— Мне требуется ваше объяснение. Ваше, господин Алябьев!
— Проиграл тогда Времов. Но платить наотрез отказался.
— Почему? — въедливо спросил полицмейстер.
— Намекнул на «нечистую» игру партнеров.
— И тогда вы его ударили...
— Несколько пощечин, в защиту чести.
— Согласен, согласен, — миролюбиво подняв руки, вставил Ровинский. — Но... Но после вашей «защиты чести» человек того... помер.
— Заметьте, через три дня после игры и не в моем доме.
— Где же? — участливо переспросил генерал.
— По дороге из Москвы в свое воронежское поместье.
— И это все, что вы имеете мне сказать? — тем же бесстрастным тоном спросил Ровинский.
— Все, ваша честь.
— Да-а, — раздумчиво произнес генерал и стал прохаживаться по мягкой ковровой дорожке. — Это много и не много. Все и ничего. А человека, вы понимаете, человека нет! Он мертв. — И размахисто перекрестился. — Царство ему небесное! Жаль, отвоевался, бедолага. Помер. Помер не на поле боя, а за картежной игрой. Или вследствие этой игры. Позор для русского офицера! — покачал он головой. — Вы помните начало нашей беседы?
— Смутно, — ответил Алябьев, потирая виски.
Генерал удовлетворенно отметил: «Зацепило. Матушка-смерть любого живущего пронимает».
— А начало нашей беседы... Я затронул-с предмет, научный. Вроде бы отстраненный от сути дела. Предмет сей-с телепатией зовется.
Повисла длинная пауза, неловкая для Алябьева. Но очень удобная и хорошо продуманная матерым дознавателем, почти царевым приближенным генералом Ровинским. Проваливаясь в эту опасную бездну, Алябьев растерянно подумал: «Блефует. Куда он клонит с этой чертовой телепатией?» Вслух же, выдерживая тональность разговора, раздраженно и якобы даже испуганно произнес скороговоркой:
— Да я... Я, ей-богу, не вижу связи. Связи с тем, что случилось, и с вашей наукой телепатией.

Ровинский, довольный своим крючкотворством, на котором — он так считал — уже трепыхался Алябьев, снисходительно-покровительственно проговорил:

— А связь, голубчик, существует везде-с. Она невидима, но она есть. Извиняйте за нескромность, но я, как телепат, могу угадывать мысли на расстоянии. На большом-с российском расстоянии-с. Так-то.

— Да ну! — притворно воскликнул Алябьев. — Любопытно. Ну и...

— Ну и... — в тон ему протянул Ровинский. — Тогда, два года назад, в театре вы, помните, солировали?

— Я никогда в театре не пел.

— Да не на сцене, — махнув рукой, беззлобно заметил генерал, — а передо мной, в фойе, голубчик. В обществе, кажется, Грибоедова. Он тогда так аппетитно расхохотался. Ну-с, вспомнили-с?

— Нет, не помню.

Ровинский, приняв позу солиста и изображая в руках гитару, самозабвенно, как прожженный тюремщик, запел:

Цыганка с картами —

Дорога дальняя.

Дорога дальняя —

Казенный дом.

— Брависсимо! — воскликнул Алябьев. — У вас неплохо получается, генерал.

— Так значит, вспомнили?

— Грешен, было дело.

— Но вы тогда не допели...

— Ну и что? Разве в этом...

— Боже упаси! — всплеснул руками Ровинский. — Никакой крамолы в этом нет!

— Так в чем же дело?

— А дело, голубчик, в том, — просиял генерал, — что я еще тогда, два года назад, после ваших тюремных куплетов предугадал, что мы встретимся здесь. У меня в заведении. — И, довольно потирая руки, добавил: — Тю-тю, а человека нет. И песня не спета...

— Какая чепуха! Неужели, уважаемый генерал, вы допускаете мысль, что я стремился к этой нашей встрече?

— Ни в коем разе. Не я допускаю, а телепатия. Она, милейший Александр Александрович, наука древняя. А сказанное слово... Слышали, чай: как аукнется, так и откликнется. И все это — не я, а она — наука древнейшая. Но суть не в ней.

— Так в чем же?

Ровинский одними уголками губ выдал нечто похожее на улыбку. И нечто похожее на слова:

— Тю-тю... А человек — пшик. Так-то.

— Не морочьте мне голову! Вы — дворянин, а не телепат. И я — дворянин, а не какой-то там убийца! — возмущенно воскликнул Алябьев.

— Стоп! — прервал его Ровинский.

Но он уже открыто смеялся в лицо генералу. Сквозь смех, как в смертельной рукопашной схватке, уже открыто кричал:

— Да вы просто подтасовываете факты! А мысли угадывать ни черта не можете!

— Ошибаетесь, — хладнокровно возразил генерал. — Хотите, сейчас скажу, о чем вы думаете?

— Любопытно. Извольте...

— Вы, отставной подполковник Алябьев, думаете о свободе. Верно?

— Так же, как каждый, кто находится в вашем заведении.

— Пардон, мадам-с! — победоносно почти пропел Ровинский.

Алябьев вздрогнул. На этот раз пуля попала в цель. «Ну, гад, захомутал, — подумал он. — Помнит. Мстит. Такое, конечно, не прощается». А Ровинский, расхаживая по кабинету, довольно потирая руки, торжественно продолжал:

— Все помните, милейший. Все. Все, господин шулер!

— Я не шулер! — вскакивая, выкрикнул Алябьев.

С силой надавив на его плечо, генерал заставил арестанта сесть.

— Тихо, подследственный. Вы доставлены сюда не как дворянин, а как картежник, шулер и предполагаемый убийца.

— Все это ложь, ложь! — теряя самообладание, кричал Алябьев. — Ложь! Комедия безумия!

Усевшись за стол, Ровинский с нескрываемым интересом наблюдал и слушал. Затем, стукнув рукой по крышке стола, почти шепотом, произнес:

— Тихо! Здесь вам не салон, не театр. Да будет вам известно, мы — царевы слуги, народ образованный, читали-с «Горе от ума» на листочках и похабного «Луку Мудищева» — вашего негритенка Пушкина.

— А вот трогать Пушкина не надо, он — гений. Понимаете, гений!

— Может быть, — со вздохом произнес Ровинский, — не спорю. Но историки подмечено, что почти в каждом гении живет... крамола. Эта стерва может рушить государства. А к Пушкину, да будет вам известно, подследственный, наш государь-батюшка проявил монаршую милость. Да-да, монаршую. И спас его от Сибири. Вас же, милейший, спасти некому, кроме меня. А факты не в вашу пользу. Что замолк, «пардон, мадам-с»?

Алябьев вновь вскочил с места, затем сел и, приблизив свое лицо к лицу генерала, процедил:

— Знаете...

— Знаю, — тихо ответил Ровинский. — Вы бы меня с удовольствием вызвали на дуэль.

— С большим, — выдохнул Алябьев.

— Сожалею, — насмешливо посмотрел на него хозяин кабинета. — Но в моем ведомстве дуэли не практикуются. — Его рука скользнула в ящик стола. — А вот в картишки, — показал он издали колоду, — я бы не отказался.

— В картишки?! — оторопел Алябьев. — Вы серьезно?

— Серьезней не бывает. Считайте, что это наша мужская дуэль чести. Проигравший и станет той самой «мадам-с». Отказ принимается за поражение.

— У меня нет выбора, — погрузился Алябьев.

— Это другое дело, — кивнул генерал, пододвигая к нему колоду карт. — Означьте козырь.

Алябьев не спеша, как принято, сдвинул колоду. Выпал козырь — «пика».

— Проигравший будет в нашей игре пиковая «пардон, мадам-с». А не та, театральная, — раздавая карты, сухо заметил Ровинский.

Алябьев взял карты, пальцами нащупал тонкие «крапленки» и возмущенно проговорил:

— Да они крапленые, телепат чертов! — Не удержавшись, вскочил и замахнулся на Ровинского. Тот, перехватив его руку арестанта, заломил ее и громко крикнул:

— Выдал себя, убийца! Дурнов! Уведи шулера!

Вбежал Дурнов, закрутил руки Алябьеву, связал их и подтолкнул арестанта к двери. Выходя, Алябьев через плечо насмешливо крикнул:

— Пардон, мадам-с!

Дверь за ним закрылась. А взбешенный генерал, глядя на закрытую дверь, зло процедил:

— Ну, гад, тю-тю, крышка тебе! Крышка! Но как обо всем этом доложить самому государю? Как? — Но тут же успокоил сам себя: — И чего это я разволновался? И не таких здесь обламывал... А от пощечин не умирают. Это он убил отставного полковника Тимофея Мироновича Времева. Тю-тю, и человека нет! Но это надо доказать. Доказать не картежной игрой, а признанием. Докажем. — Он поднялся, подошел к окну и, рассматривая снежинки, прошептал: — А снег-то, и вправду, февральский вальсирует. Чем же он пахнет, снежок наш московский? Чем? А ведь тает и кружится. Кружится и, кажется, поет... □

Светлана Бестужева-Лада

Людвик Святой

С марта по июнь этого года в музеях Московского Кремля открыта выставка, призванная ознакомить российскую публику с величайшими достижениями французской средневековой культуры.

Этот совместный проект музеев Кремля и Центра национальных памятников (Франция) при поддержке посольства Франции стал центральным событием культурных связей России и Франции. Среди редких экспонатов на выставке представлены и артефакты времен короля Людовика IX, память о котором до сих пор живет в сердцах французов. Каким был он, этот французский король, и за какие заслуги его нарекли Святым, мы и попробуем разобраться...

Французский король Людовик IX Святой вошел в мировую историю как справедливый и мудрый правитель. Благодаря ему Франция пережила духовный расцвет, которого до этого не видело ни одно европейское государство. По законам, принятым этим королем, Франция жила едва ли не несколько столетий. Во всяком случае, до тех пор, пока династию Капетингов не сменила на французском троне династия Валуа...

Людовик IX родился в апреле 1214 года в Пруссии. Его отцом был наследник французского престола, будущий Людовик VIII, а матерью — Бланка Кастильская. Ее прославленная бабушка Элиенора Аквитанская в восьмидесятилетнем возрасте пересекла Пиренеи с целью привезти супругу наследнику французского престола. Брак Людовика и Бланки был заключен в надежде на скорое восстановление мира между французским и английским королями. Но этого, увы, не случилось. И все же, несмотря ни на что, они искренне любили друг друга, и Бланка родила мужу 11 или 12 детей, из которых несколько умерли еще в младенчестве. В живых остались Людовик и родившиеся после него Роберт, Альфонс, Изабелла и Карл.

Вскоре Людовик VIII взошел на престол Франции. В своем правлении он придерживался стратегии отца и старался укрепить границы страны и подавить восстания, поднятые английскими вассалами. Увы, сделать это было непросто из-за того, что враги образовали прочный

союз. Поэтому единственным выходом был крестовый поход, способный сплотить вокруг короля французскую аристократию. Эта авантюра для Людовика VIII обернулась полной катастрофой. Во время похода он подхватил дизентерию и в октябре 1226 года скончался, передав правление страной своему сыну Людовику IX.

После безвременной кончины своего супруга Бланка стала наставницей двенадцатилетнего сына и регентшей королевства, хотя в тексте завещания, оставленного умершим королем, это не было указано.

Видимо, по этой причине во Франции и начались междоусобные распри, повергшие страну в кратковременный хаос. Хорошо, что Бланка Кастильская была волевой женщиной и быстро подавила всех неугодных ей претендентов. Более того, проявив невиданную мудрость и расчетливость, она смогла выиграть две войны: первую — с альбигойцами, вторую — с англичанами. Это позволило привести Францию к миру и подготовить благодатную почву для будущего правления ее сына по достижении его совершеннолетия.

Почти сразу после коронации против короля выступила коалиция феодалов, во главе которой находился могущественный граф Раймунд VII Тулузский, и лишь дипломатический талант королевы Бланки помог избежать большой войны. Надо сказать, что Людовик IX вообще большую часть ранних невзгод превозмог благодаря поддержке своей

матери. Из-за этого многие дворяне долгое время не видели в нем настоящего полководца, способного управлять не только добрым словом, но и грозным кулаком.

Все переменялось в тот момент, когда на французские земли вторгся английский король Генрих III в надежде вернуть некогда потерянные графства. Людовик IX не только молниеносно собрал войска, но и выбрал тактически верную стратегию боя, поэтому смог одержать безукоризненную победу над

дального возмущения при Людовике Святом. Соппротивление юга было окончательно сломлено с падением двух последних оплотов катаров — Монсегюра и Кериба.

В 1234 году, достигнув двадцатилетнего возраста, Людовик стал полноправным королем Франции, но имя матери все равно присутствовало на многих официальных актах. Во главе Франции в те годы стояли «король Людовик и королева Бланка». В этом дуэте сошлись два одинаково сильных характера,

Решение об организации очередного крестового похода было обдумано уже давно. Еще в середине 1230-х годов король помог византийскому императору покупкой за очень значительную цену реликвий Страстей Христовых. (Позже для хранения этих святынь была построена святая капелла Сен-Шапель в королевском дворце)

врагом при Тальебуре в 1242 году. А чуть позже даже вернул Генриху III часть захваченных земель, руководствуясь своими христианскими побуждениями.

Однако внешнеполитическое спокойствие было нарушено начавшимся в 1240 восстанием катаров в Лангедоке, которое спровоцировало новый конфликт с Генрихом III и графом Тулузским. Уже в 1243 году было подписано соглашение в Лоррисе, которое означало завершение последнего серьезного фео-

два ума, радеющих о благе королевства.

Людовик IX вырос мудрым правителем. Все свои решения он тщательно взвешивал и никогда не шел на поводу своих желаний. Это позволило ему заручиться благосклонностью своих вассалов, которые видели в нем достойного лидера, не желающего ставить их на колени. Наверное, именно поэтому он один из немногих королей, за чьей спиной не плели придворные интриги.

Следует заметить, что духовное воспитание матери крепко укоренилось в сознании юноши. Он строго придерживался святых заповедей, а также проповедовал их. Чистота и нравственность для Людовика IX были на первом месте. И это сказывалось во всех его деяниях, изданных указах и наставлениях.

Пришло время королю подыскать себе невесту, и Бланка решила сама найти достойную партию для своего сына. После долгих размышлений ее выбор пал на Маргариту Прованскую — дочь Реймунда Беренгера IV. Данный союз был политически выгоден для обеих сторон, так как становился гарантом мира между Францией и графством Прованс.

*Мать —
Бланка Кастильская.
Отец —
Людовик XIII*

Тем не менее, Людовик Святой не был аскетом или затворником. Молодой король, как и большинство французских аристократов, любил изысканную одежду. Он обожал примерять новые наряды, демонстрируя всем наличие вкуса. Еще одной слабостью монарха были кони. Поговаривали, что в его конюшне находились лучшие скакуны в стране, чья стоимость с лихвой превышала годовой бюджет придворного чиновника.

Единственным препятствием оказалось родство Людовика и Маргариты. Но данную проблему Бланка Кастильская обошла благодаря своим связям с папой Григорием IX. В январе 1234 года он выдал особый документ, подтверждающий законность и чистоту этого брака. И спустя пять месяцев Людовик Святой и Маргарита Прованская обвенчались.

Редчайший случай в королевских домах Европы: политический брак

обернулся браком по взаимной и глубокой любви. Супруги стремились как можно чаще оставаться наедине, что сильно задевало королеву-мать, привыкшую к единоличному праву на внимание сына. Так что отношения свекрови и невестки были классическими: взаимное неприятие. К тому же королева Марга-

рита обладала не менее властным и сильным характером, чем королева Бланка. За годы супружества она родила Людовику одиннадцать детей...

Людовик IX с раннего детства мечтал отправиться в крестовый поход. Эта мечта подкреплялась непоколебимой верой в Бога. Поэтому, когда в 1244 году монарх слег от болезни,

духовенство увидело в этом знак свыше и решило, что исцеление придет к нему лишь после того, как Людовик возглавит свое войско в седьмом крестовом походе. И действительно, стоило королю принять посох паломника и получить благословение Папы Римского, как недуг тут же отступил.

Об этом поспешили сообщить Бланке.

Как только королева мать услышала о его выздоровлении, она была вне себя от радости. Но когда узнала, что он стал крестоносцем, страшно испугалась. Она испытывала страх по двум причинам. Во-первых, это просто материнская любовь, и она этого не скрывала. Дано ли ей будет вновь увидеть своего горячо любимого сына? В свои пятьдесят шесть лет (для средневековья — возраст достаточно преклонный) она могла умереть в любой момент. Да и сам король мог не выдержать тягостей крестового похода.

Однако Людовик все-таки решил взять крест и сумел настоять на своем. Накануне выступления в поход он вместе с матерью открыл Сент-Шапель. В первый и последний раз они вдвоем участвовали в одной церемонии. (Весной 1253 года в Сайде Людовик узнал, что его матери не стало. Он предался огромной скорби, вместе с ним скорбела и королева Маргарита — но лишь в пределах пристойности...)

Решение об организации очередного крестового похода было давно обдумано королем. Еще в середине

1230-х годов он помог византийскому императору покупкой за очень значительную цену реликвий Страстей Христовых (для хранения этих святынь и была построена святая капелла Сент-Шапель в королевском дворце).

Седьмой крестовый поход, возглавляемый Людовиком, начался, и это начало было вполне удачным: христиане взяли Дамиетту и двину-

*Жена —
Маргарита Прованская*

лись на Каир. А вот здесь и начались неприятности. Потерпев поражение в крепости Мансур, брат короля Роберт Артуа, еще 300 рыцарей и примерно 80 тамплиеров погибли. К тому же французы лишились провианта, перехваченного сарацинами, а в лагере начались эпидемии. Заболели многие, в том числе и сам монарх.

С трудом удалось поправить его здоровье. Король, его другой брат Альфонс Пуату и многие сеньоры попали в плен. Есть сведения, что Людовик мог спастись, однако отказался покидать боевых товарищей. А может, он предвидел, что его не убьют (слишком важный и знатный пленник), и он, находясь рядом, сможет повлиять на судьбу своих соратников?

За сохранение жизни и свободу пришлось отдать Дамьетту. Зато

удалось выкупить брата Альфонса за огромную сумму денег, которые дала королева Маргарита, дожидавшаяся в Дамьетте мужа. Вернулся монарх домой, во Францию, в 1254 году, и его встретили... как триумфатора. По-другому и быть не могло, французский народ просто обожал своего монарха.

Для самого же Людовика эти испытания, мысль о том, что из-за недостатка сил и средств он вернул-

ся, не выкупив всех христианских пленников, обернулись решительным психологическим переломом: до крестового похода король, хоть и отличался искренним благочестием и высокими моральными принципами, все же не был чужд мирских радостей, но после возвращения стал настоящим аскетом.

Влияние церкви при Людовике IX лишь усилилось, хотя куда уж еще. Как известно, король отличался ред-

этого, французы наконец-то получили возможность подавать апелляцию в королевский суд и просить юридической помощи у адвокатов или пэров. Благодаря этому простой народ еще больше полюбил своего короля, а аристократия неустанно твердила о его мудрости и благоразумии.

Немаловажным изменением было внедрение системы превоте. Проще говоря, король разделил свою страну на 12 четко обозначен-

аслуги мудрого короля были по достоинству оценены его современниками. В частности, в августе 1297 года папа Бонифаций VIII причислил монарха к лику святых, после чего Людовик IX стал зваться святой Людовик Французский. Поэтому не удивительно, что в честь него было воздвигнуто несколько соборов, и даже в Москве есть храм Святого Людовика, названный в честь этого великого французского правителя

кой набожностью, настолько редкой, что она граничила с фанатизмом.

Книга о деяниях Людовика Святого, написанная его современником, рассказывает нам о том, каких именно успехов добился король в управлении своей страной. Историки считают, что наибольшей его заслугой является модернизация системы суда. Так, он издал свод норм и законов, которые распространялись на всех его подданных, будь то аристократы или простолюдины. Помимо

ных округов. Это позволило разрешить все недопонимания, связанные с правом вассала на землю. К тому же Людовик ввел единую государственную валюту, которая действовала на всей территории Франции.

За время его правления на территории Франции был построен не один десяток церквей и монастырей. Именно он предложил проект собора в Реймсе, возвел монастырь Ройомон и другие. Более того, даже за пределами его королевства

есть святыни, посвященные мудрому королю. Например, в честь монарха был построен собор Святого Людовика, что находится в Тунисе, а второй был воздвигнут в Москве.

Заслуги мудрого короля были по достоинству оценены его современниками. В частности, в августе 1297 года папа Бонифаций VIII причислил монарха к лику святых. После этого король стал зваться Святой Людовик Французский. Не менее лестно о нем отзываются и историки, считающие, что он подарил своей стране столь желанные спокойствие и мир.

В своей внутренней политике Людовик Святой выступал продолжателем административных реформ своих деда и отца. Согласно предсмертной воле Людовика VIII, значительная часть владений королевского дома отошла младшим братьям Людовика Святого: Альфонс получил Пуату, а Карл — Анжу, две крупнейших провинции. Соответственно упали и королевские доходы, поэтому от Людовика IX требовалась особо тщательная организация и контроль над злоупотреблениями в управленческих структурах. В результате всех королевских новаций власть оказалась не просто на верхушке пирамиды феодальной иерархии, но над ней и даже вне ее. Но при этом король стремился поддерживать равновесие в государстве, блюсти интересы разных слоев населения.

Власть его постепенно становилась все сильнее. Вся государственная администрация полностью контролировалась монархом. Лю-

довик делал верные шаги в направлении абсолютизма, расцвет которого в Европе наступит значительно позже.

После всех этих внутренних дел властитель Франции опять надумал идти в крестовый поход, восьмой по счету. Это уже было дело принципа. О мирном урегулировании межрелигиозных конфликтов Людовик даже не думал. Папа, конечно, дал добро, и в 1270 году Людовик опять принял крест, и его сыновья Тристан, Филипп и Петр, а также неутомимый брат Альфонс Пуату, брат Карл (король Сицилии) и много знатных вельмож со своими отрядами двинулись в путь.

На сей раз регентшей оставалась королева Маргарита, которую, как в свое время королеву Бланку, тоже мучили дурные предчувствия.

В марте 1270 года многотысячное войско крестоносцев, возглавляемое королем, высадилось в Тунисе. Однако Людовик, помня о своем поражении, решил не спешить с наступлением и подождать, пока к нему не подтянутся остальные силы из материка.

Именно это решение и погубило французского короля. Большое скопление народа привело к вспышке моровой язвы, которая переросла в настоящую эпидемию. Первым умер сын короля Тристан, затем несколько членов королевской семьи, а вслед за ними скончался и сам Людовик Святой.

Спустя менее чем тридцать лет после своей смерти 11 августа 1297

года Людовик IX был канонизирован папой Бонифацием VIII, что отвечало стратегическим замыслам его внука, Филиппа IV Красивого.

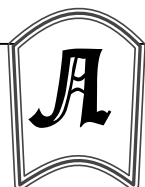
Так закончилась жизнь этого удивительного человека, своего рода символа духовных традиций французской монархии, воплощения образа «христианнейшего короля», титул которого сохранялся много веков подряд...

Но Людовик Святой вошел в историю не только как мудрый правитель. Не менее важно для потомков и то, что он был страстным, как бы сегодня выразились, коллекционером. В основном Людовик коллекционировал христианские святыни. Среди них — терновый венец и два фрагмента Креста, цепи, которыми Христос был прикован к столбу, и плат Вероники с нерукотворным

ликом, камень Гроба Господня и копье сотника Лонгина, часть плащаницы и полотенце с Тайной вечери.

Изначально эти реликвии были православными. Веками они хранились в дворцовой часовне византийских императоров в Константинополе, а потом поступили в открытую

Встреча реликвии стала большим христианским и политическим праздником. Благодаря этому перемещению Париж стал называться «новым небесным Иерусалимом», Франция — «Землей Обетованной», а Людовик — преемником ромейских императоров.

Людовик был не только мудрым правителем, но и, как сказали бы сегодня, заядлым коллекционером. В основном он коллекционировал христианские святыни. Среди них — терновый венец и два фрагмента Креста, цепи, которыми Христос был прикован к столбу, плат Вероники с нерукотворным ликом, камень Гроба Господня, часть плащаницы, полотенце с Тайной вечери и многое другое, не менее значимое

продажу. Христианские ценности оказались «на рынке», когда Константинополь захватили рыцари четвертого крестового похода. В 1203 году возникла Латинская империя, которая просуществовала 57 лет, пока византийцы не отбили столицу. К тому времени как Людовик начал собирать свои сокровища, империя переживала кризис, денег отчаянно не хватало, и латинский император Балдуин II де Куртене принялся распродавать христианские святыни.

Терновый венец он заложил венецианскому патрицию, а выкупить обратно не смог — и в 1239 году Венеция продала его Людовику.

Король стал охотиться и за другими закладами разорившегося Балдуина II. Послы его отправились в Сирию и выкупили у тамплиеров-ростовщиков несколько предметов, в том числе Крест Распятия. Третью партию приобрели непосредственно в Константинополе. К 1247 году Людовик купил практически все священные реликвии, остававшиеся в руках латинян, — 22 предмета. В Париже их торжественно перекладывали на хранение в новые реликварии и мощевники — шедевры готического декоративно-прикладного искусства и ювелирного дела.

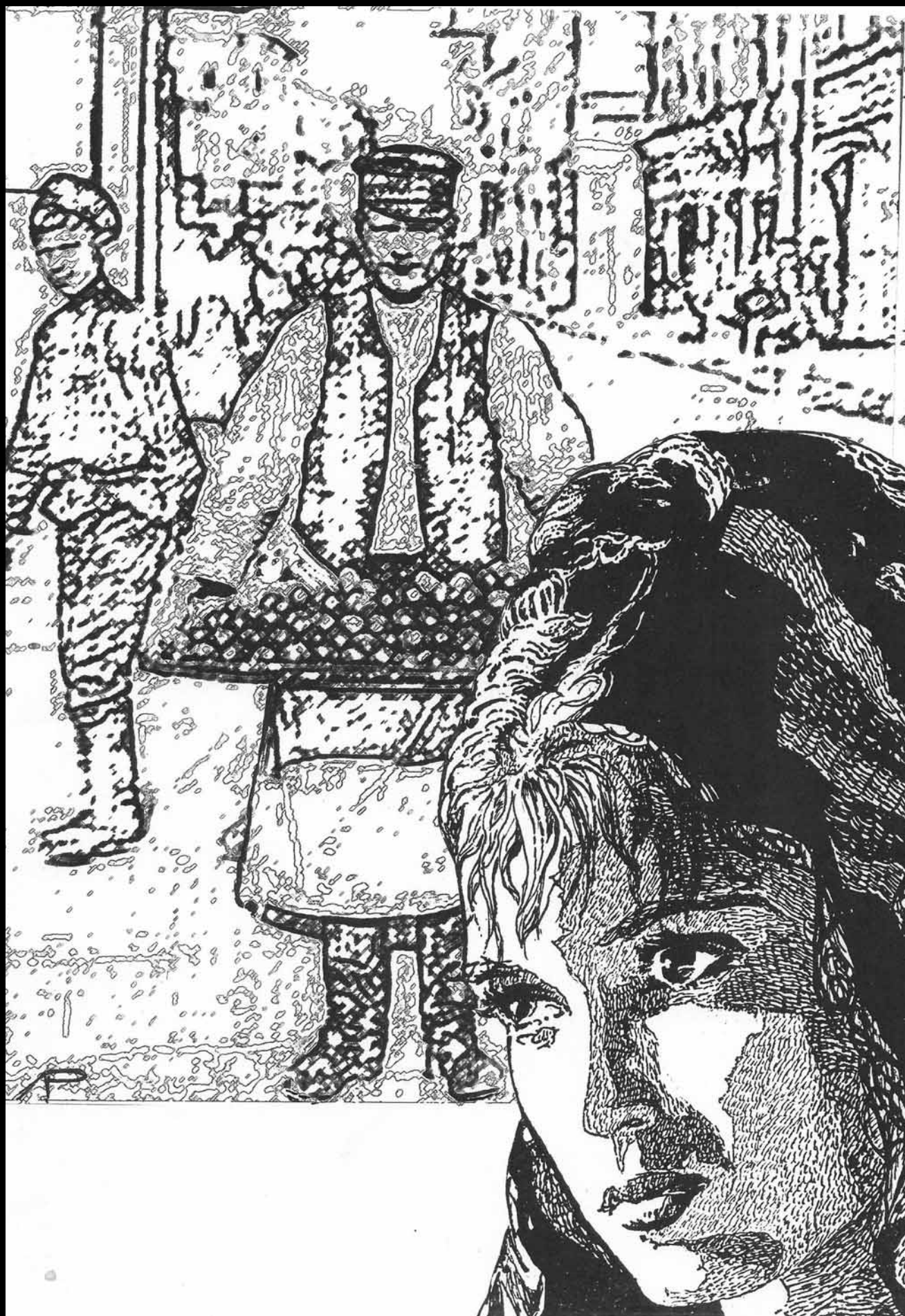
Реликвиям требовался достойный дом. В 1248 году в Париже построили «святую капеллу» — Сент-Шапель, один из главных шедевров готической архитектуры. Помимо византийских реликвий, в ней хранились и другие святыни, например «ребро Марии Магдалины».

В капелле сохранился самый полный ансамбль витражных окон XIII века. За 800 лет витражи пострадали во время пожаров, революций и войн. В начале XIX века часть из них была снята, а в капелле разместился архивный склад. Фрагменты уцелевших окон хранятся сегодня в музеях Парижа, Лондона и Филадельфии.

Сокровища капеллы французские короли использовали, когда не хватало денег: например, Екатерина Медичи забирала оттуда драгоценности на продажу.

Во время Французской революции все драгоценности были национализированы и отправлены на переплавку или аукционы, а христианские реликвии — уничтожены. Из всей коллекции Людовика сохранились только венец и фрагменты Креста, которые хранятся сегодня в Нотр-Даме...

Именно они и представлены сейчас на выставке французского средневекового искусства... □

ДОТОВНИК

Серый котенок с белым пятнышком на боку приютился на широком подоконнике между горшками с геранью. В доме пахло свежее выпеченным хлебом и пирогами. Отложив в сторону газету недельной давности, Анастасия Егоровна, хозяйка овдовевшего семейства Прохоровых, подошла к настенным часам и поправила цепочку на гире.

— На дворе 1909 год, а в городе, как и прежде, нет никакого порядка, на Натальинской улице разбили парк с розарием, оранжереями, декоративными кустарниками и искусственными развалинами средневекового замка, а качели все никак починить не могут, — вслух посетовала она.

— И то правда, даже погулять негде, — вторила матери дочь Анюта.

После неожиданной смерти от простуды купца первой гильдии Петра Гавриловича Прохорова все заботы по дому и воспитанию детей легли на хрупкие плечи его супруги. Оставшись одна, Анастасия Егоровна вела дела в двух мелочных лавках, принадлежавших ее мужу, а теперь кормивших всю их семью. Никому не доверяя, она сама всем занималась, поэтому часто возвращалась домой поздно. Единственной помощницей, на которой все в доме держалось, была ее старшая дочь. Среднего сына Серафима восемнадцати лет Анастасия Егоровна отправила к родному дяде на Урал постигать купеческое ремесло, да и сама она опасалась, что здесь, без отцовского глаза, не выйдет из него настоящего купца, а там, как-никак, а родной брат, присмотрит, подскажет. Младшая дочка Катя была еще совсем мала и крутилась возле матери как хвостик, нуждаясь в заботе и ласке.

Сегодня Анастасия Егоровна позволила себе не идти в лавку по причине усталости и недомогания. Хотелось отлежаться и на время забыть все тягости и печали, разом свалившиеся на нее.

— Я сегодня буду у Ольги, она просила зайти, наверное, хочет расспросить о Серафиме, а потом загляну на почту, возьму для тебя свежие газеты, — одеваясь, сказала матери Анята.

— Зайди, дочка, зайди, а то самой все никогда, закрутилась с этой торговлей, — вздохнула Анастасия Егоровна. — Ох, нелегкое это дело, да и не женское совсем. Заодно посмотри, может, сыночек письмо прислал. Писал ведь, что едет, а его все нет и нет, извелась вся, места себе не нахожу, дорога-то дальняя.

— Если обещал, значит, скоро будет, он, как и покойный отец, всегда слово держит, — проговорила Анята, и в ее голосе слышалась гордость за брата.

— Нечего меня успокаивать, — пробурчала Анастасия Егоровна и, надев очки, снова углубилась в чтение газеты...

... По разбитой колее, поднимая придорожную пыль, катила двуколка. Вороньи кони с легкостью несли коляску на высоких рессорах, в которой подремывал Серафим. Дальняя дорога крайне утомила его, хотелось побыстрее добраться до отчего дома, в родной Зарайск. Там, в Екатеринбурге, он очень тосковал по матери, сестрам, любимой Оленьке. Серафим, стараясь не быть нахлебником у дяди, брался за любую работу, помогал и постигал купеческое дело, торгуя с лотка и рядов. Уже восемь лет он не был дома, разъезжая по уральским городам и заимкам. Вел торговлю с прибылью, а позже и вообще развернулся с размахом. Мефодий Егорович, дядя Серафима по материнской линии, постоянно брал его на ярмарки, знакомил с купцами из других городов, учил племянника уму-разуму. Сыновей у него не было, и они с супругой и дочерью Лизой за эти годы очень привязались к Серафиму.

— Что с женщин взять, их дело деток растить, да дом блюсти, а не в лавках торговать и по ярмаркам ездить. Слава Богу, ты у меня, племянничек, есть, ты — моя надежда и опора, — говорил Мефодий Егорович, тем самым указывая на значимость Серафима в их семье.

А парень, чувствуя его заботу, с еще большим рвением усердствовал на работе, стараясь доказать дяде, что тот в нем не ошибся, доверяя самостоятельно вести торговлю. Часть заработанных денег он аккуратно пересылал с оказией матери, а часть вкладывал в товар и ценные бумаги, приумножая нажитый капитал.

Однажды на Нижегородской ярмарке судьба свела его с купцом первой гильдии Нечаевым.

— Давно я за тобой присматриваю, Серафим, смекалистый ты, фарт у тебя есть, копейку держать умеешь, но, к сожалению, не тем ты занима-

ешься, — сказал Пафнутий Федорович. — Торговля не для тебя, муки одни, да и только. Вижу в тебе более широкую натуру, чем купец, поэтому хочу познакомить с заводчиком Петром Филимоновичем Рогожиным.

— Что ж, я не возражаю, глядишь, что-нибудь и получится, попробовать можно, — согласился Серафим.

После знакомства с Рогожиным жизнь его круто изменилась — он буквально «заболел» новым делом. Начал ездить по рудникам и шахтам, изучать минералы, посещал медно-плавильные заводы, а по ночам за учебниками постигал новую, доселе не известную ему науку. Рогожин, видя его рвение, помогал, подсказывал.

Но при всем этом Серафим не забывал и торговлю, стараясь заработать как можно больше денег для будущего дела, которое и само сулило хорошую прибыль. Но для этого поначалу и вложить в сие предприятие предстояло немало.

Дядя замечал, что племянник потихоньку отходит от торговли, тянется совсем к другому, дружбу водит в основном с заводчиками, горными инженерами, а не с купцами. И все же он в душе надеялся, что Серафим со временем остепенится, найдет себе хорошую невесту и оседет на Урале, а он выведет его в купцы первой гильдии, глядишь, так вдвоем и доедут они до «ярмарки».

Серафим же тем временем упорно постигал нелегкую науку горного дела, и шаг за шагом приближался к заветной цели, изучая по учебникам и журналам, выписанным из Германии, Англии, Америки, добычу и выплавку руд. Заводчики ему доверяли, охотно приглашали на свои заводы и поддерживали его тягу к горному делу.

Но и торговлю пока не бросал, продолжая помогать дяде, который многому его научил и с которым он немало поездил по ярмаркам. Купцы стали по-настоящему его уважать за смекалку, а, главное, за добросовестность и умение держать слово. Серафим никогда не забывал отцовское наставление, что за словом стоит дело...

...Дорога окончательно умотала и склоняла ко сну. Закрыв глаза, Серафим вспоминал печальный отъезд от дяди, слезы тетушки и сестры Лизы. Ничего не поделаешь, точка поставлена, а там видно будет, что сулит ему будущее...

— Далеко ли еще до Зарайска? — очнувшись от воспоминаний, спросил он у кучера.

— Да нет, верст семь-восемь, и уже Зарайск будет, — ответил тот, не устанно погоняя лошадей.

— Ну, тогда гони, приплачу, а то уже мочи нет трястись по такой дороге, — попросил Серафим, придерживая рукой стопки связанных книг.

— Будьте покойны, с ветерком довезу. Я смотрю, барин, вы больно образованный, вон, сколько книг везете, а на учителя совсем не похожи, по виду и одежде — настоящий купец, чудно как-то, — весело проговорил кучер.

— Что тут странного? У людей разные ценности в жизни, для одних — это книги, для других — деньги и вещи. Но ты прав, не учительствовать еду, домой спешу, к матери, к сестрам, — оглядываясь по сторонам, с какой-то печалью в голосе произнес Серафим.

К полудню коляска вкатила через старые городские ворота в Зарайск.

— Куда теперь, барин? — спросил кучер, придерживая лошадей.

— Не барин я вовсе, а обычный купец, лотошник. Кати, друг, на кладбище, что за поворотом на краю города, а уж потом на Ильинскую, к отчому дому.

Коляска остановилась недалеко от кладбищенских ворот. Серафим, не торопясь, вылез из коляски, перекрестился и, пройдя через калитку на территорию кладбища, двинулся по тропинке к могиле отца. Вот и она. Чисто, прибрано, цветы свежие, видно, что за могилой ухаживают, помнят и скорбят. Серафим приложил ладонь к холодной каменной плите и зашептал, прося у отца совета. Стройные березки тихо зашелестели листвой, словно отвечая ему. Он глубоко вздохнул, снова перекрестился и быстрым шагом пошел обратно. На пути ему встретился кладбищенский сторож. Щуря подслеповатые глаза, он приблизился к Серафиму и робко спросил:

— Кого проводывал, мил человек? Может, помощь какая нужна, ты скажи.

— Не признал, что ли, Сафроныч? Серафим я, сыночек покойного купца Петра Гавриловича Прохорова.

— Боже милостивый! Не признал, милый! Как же ты изменился, повзрослел, и на купца совсем не похож, да и платье у тебя заморское. Я еще подумал, что-то знакомое в лице, но не признал. Видать, разбогатеешь, ей-богу, разбогатеешь, у меня глаз верный, — улыбнулся сторож. — Поди ж ты, встреча какая! — добавил он, деликатно намекая на рюмку водки.

— Вот, возьми, помани моего отца, — протянул ему серебряную монетку Серафим.

— Благодарствую, прямо по-купчески, по-купчески! Непременно поману! — закивал Сафроныч.

Серафим вышел с кладбища, сел в дожидавшуюся его коляску и обратился к кучеру со словами:

— Гони! Домой хочу!

— Не сомневайтесь, мигом домчим, — стеганув лошадей, заверил тот.

Подъехав к дому, Серафим выложил из коляски свой нехитрый скарб, состоящий из двух коробок, связки книг и саквояжа, и, рассчитавшись с кучером, постучал в калитку. Через какое-то время она со скрипом отворилась, и старшая сестра, причитая, бросилась ему в объятья.

— Мы тебя, Серафимушка, все ждем, ждем, а ты все не едешь, матушка все глаза выплакала, — утирая слезы, прошептала она.

— Обещал же, вот и приехал, дорога больно уж длинная, — оправдывался Серафим, заноса вещи во двор.

В старом доме все мгновенно пришло в движение — забежали домочадцы, загудел самовар. Вскоре все собрались за обеденным столом. Серафим раздал подарки, разлил по чашкам чай, а сам никак не мог оторваться от родных лиц.

— Надолго ли приехал, сынок? — тихо спросила мать, накладывая в тарелку его любимые пирожки с зайчатинной и зеленым луком.

Все настороженно притихли, ожидая, что он скажет.

— Хотелось бы погостить, — надкусив пирожок, ответил Серафим, — но времени нет, в Германию надо ехать, я обязательно должен побывать на промышленной выставке.

— Ну, на несколько-то дней удержишься? У нас завтра ярмарка открывается, можешь немного поторговать. Правда, не знаю чем, товара у тебя что-то не заметила, кроме двух коробок и книжек, — произнесла Анастасия Егоровна, пристально глядя на сына.

— Не торговать я приехал, а с тобой и сестрами повидаться, да на могилку к отцу сходить. А на ярмарку — что ж, пока здесь, схожу, поработаю. А сейчас, наверное, надо на вечернюю службу собираться, не опоздать бы.

— Не опоздаем, не волнуйся, — успокоила его сестра.

В Троицкой церкви на службу собралось много народу. Серафим подошел к иконе Николая Угодника и стал молиться, прося здоровья и благополучия всем родным. Перекрестившись, он невольно повернул голову и вдруг в молодой девушке, чьи русые волосы были прикрыты прозрачным голубым платком, узнал Ольгу Кречетову. Сердце поначалу бешено забилося, а затем больно и безжалостно защемило. Он ведь боготворил ее и надеялся, что, когда разбогатеет и выдаст сестер замуж, обязательно посватается к своей любимой. «Сколько же лет прошло с их расставания! Может, она уже и не свободна? — с грустью подумалось ему. — Случайна ли эта встреча» — спрашивал он себя и не находил ответа.

Не дотянув до конца службы, Серафим вышел на улицу и стал поджидать мать и сестер. Неожиданно перед ним остановился какой-то мужчина и, улыбаясь и разводя руками, воскликнул:

— Ба! Никак это ты, Серафим! Какими судьбами тебя занесло в родные края? На ярмарку, что ли? Тебя и не узнать в этом европейском костюме, чем сейчас занимаешься?

Это был его давний приятель Антон Щеглов, сын купца первой гильдии Терентия Ивановича, с которым отца при жизни связывали тесные отношения.

— Открытие ярмарки завтра? — вопросом на вопрос ответил Серафим.

— Завтра, — кивнул Антон. — А ты что, ларек арендовал или с рядов торговать будешь?

— Да нет, с лотка буду торговать.

— Выходит, ты до сих пор лотошник? — не веря, переспросил Антон. — А я, брат, уже купец второй гильдии. Отделился от отца, имею свой капитал, свое дело, — похвастался он. — Вот, и жениться надумал.

— На ком же, если не секрет?

— Какой же секрет, все уже об этом знают. На Красную горку зашлю сватов к Ольге Кречетовой. Тебя на свадьбу обязательно приглашу, не сомневайся.

Серафим ничего не ответил, только кивнул головой и отошел в сторону. Тем временем мать и сестры вышли из церкви, взяли его с двух сторон под руки, и они, не торопясь, отправились домой.

Переодевшись и сев за стол, Анастасия Егоровна сразу завела разговор с Серафимом.

— Сынок, ты завтра пойдешь на открытие ярмарки, а для нас это большой праздник, все купечество собирается, да и народу понаехало. А чем ты торговать будешь, или товар позднее подойдет? — осторожно спросила она.

— С лотка торговать буду, мой товар весь здесь, — ответил Серафим.

— Как с лотка, сыночек! Разве так можно! Позор-то какой на мои седые волосы! У тебя ведь сестра на выданье! Твои приятели Антон и Сергей уже купцы второй гильдии, а ты — лотошник! — заплакала мать.

Анюта внимательно посмотрела на Серафима и сделала рукой незаметный жест — мол, поговорим, когда мама спать ляжет. Допив чай, Анастасия Егоровна удалилась в свою комнату.

— Ну что, Серафимушка, рассказывай! — плотно закрыв дверь, попросила сестра.

— А что рассказывать? Торговля идет своим чередом, в убыток мы с дядей не работаем, иначе и вам присылать было бы нечего. Кроме этого, я приобрел пай в серебряном руднике. Понимаешь, сестренка, любо мне это дело, хочу заниматься только им. Но денег это предприятие требует уйму. Если все выгорит, большие деньги будут, а сейчас, к сожалению, их у меня нет. — Серафим замялся и смущенно добавил: — Одна у меня

надежда — на твое приданое, да и то не хватит, чтобы с пайщиками на равных выступить. И все же не хочется простым лотошником до конца жизни оставаться...

— Так-так... — задумчиво произнесла Анюта и опустила голову, о чем-то размышляя.

А Серафим решил сменить тему и, улыбаясь, спросил:

— Мама писала, что тебя просватали за Макара Нечаева. Он хороший, я его знаю, и купец, наверное, — не чета мне. Любишь его?

— Очень люблю! — воскликнула сестра.

— Знаешь, — продолжал Серафим. — Если честно, мне все равно, пусть даже до седых волос будут кричать вслед, что я — лотошник. Видно, судьба такая. Лучше скажи, как там твоя подруга Ольга? Говорят, Антон хочет сватов к ней заслать. Они что, действительно так крепко дружат?

— Вспомнил, что Ольга — моя подруга, а что твоя любимая — забыл? С порога надо было лететь к ней, к любимой своей, а ты — скорее домой на пироги, — с укором проговорила Анюта.

— С порога все равно не получилось бы. Кто я — обычный лотошник! А ее отец — цвет зарайского купечества, брат Егор — уже купец второй гильдии. Они меня на смех поднимут! — стал оправдываться Серафим.

— Ишь, какой пугливый! А морочить девушке голову достойно купца? Она о тебе только и думала все это время, надеялась, а ты, выходит, совсем забыл ее, — покачала она головой.

— Нет, не забыл, письма постоянно писал, только за последние полгода ни одного ответа не получил, — возразил Серафим.

— Болела она сильно, вот и не отвечала. А теперь что будешь делать?

— Анютка, сходи к Ольге, скажи, что я очень хочу с ней встретиться, — попросил он.

— Хорошо, только впредь будь внимательнее к своей любимой, — согласно кивнула сестра и добавила: — Свидание я тебе устрою, лучше завтра вечером, после первого ярмарочного дня. Все будут сидеть по домам, трактирам и шинкам, самое подходящее время.

На следующий день, чуть свет, Серафим надел на себя простую одежду, взял старый лоток, лежавший под лестницей в кладовке, с которого торговал еще его дед, и, переложив железную посуду в холщевый мешок, крепко затянул горловину бечевкой. Затем перекрестился на образа и вышел на улицу. Светало рано, и через весь город уже растянулась вереница обозов. Дойдя до ярмарочной площади, Серафим примостился в ряду рядом с лавкой купца Печугина и, накинув лямки лотка на плечи, начал расставлять на нем посуду.

— Серафим, ты ли это, сынок? — немного смущаясь, спросил Печугин.

— Я, Петр Михайлович.

— Что же ты, родимый, не выслужился до следующего чина? Лотошником уехал, лотошником и возвратился. Пьешь, что ли, горькую?

— Да нет, я совсем не пью, ни к чему это, а торговля, сами знаете, сегодня идет, а завтра — нет, — вежливо ответил Серафим.

— Знаю, знаю, родной, только твой отец со стыда сгорел бы за такого сына, пороть вас некому, — с укором покачал головой купец.

На удивление всем, да и самому себе, Серафим расторговался быстро. Его товар штучный, редкий, никто на ярмарке таким не торговал. Вдобавок, по ходу торговли, он получил несколько заманчивых заказов на металлическую посуду. По деньгам — заказ не малый. Осталась одна коробка, но он решил распродать ее на следующий день, поэтому, собравшись, медленно направился к выходу. Вслед ему неслись мальчишеские окрики: «Лотошник! Лотошник!» — но он не обращал на них внимания и, опустив голову, двигался дальше...

Доделав дела по хозяйству, Анюта выбежала на улицу и, как обещала, отправилась к своей подруге. Ольга должна быть дома одна, все отправились на ярмарку. Так и получилось. Расцеловавшись, девушки сели за стол попить чаю из самовара. Неожиданно вернулась мать Ольги Евдокия Петровна и, присев за стол, тоже стала наливать себе чай в большую цветастую кружку.

— Что нового, Анюта? — обратилась она к девушке. — Сказывают, брат твой приехал, радость-то какая для вашей семьи. Видела его вчера на вечерней службе, статный такой, в заграничной одежде, на купца не похож, но и на чиновника тоже — не знаю даже, как сказать...

— Да, Серафим вчера приехал на несколько дней, а потом опять на Урал, — тихо произнесла Анюта, отпивая чай из блюда.

Ольга сидела молча, не поднимая глаз на мать. А Евдокия Петровна тем временем продолжала с ехидцей в голосе:

— А почему он у вас до сих пор лотошником ходит? Его наша девка Ариша утром с лотком видела. Вроде и головой не слаб, и не пьет. Что-то никак в толк не возьму.

— В том-то и дело, что не слаб, просто так получилось! — в запальчивости воскликнула Анюта, заступаясь за брата.

— Женить его надо, может, образумится. Есть у меня хорошая девушка на примете, правда, бесприданница, да ведь и он не богат, вот бы пара получилась на славу, — довольная собой, произнесла мать Ольги.

— А кто вам сказал, что у него за душой ничего нет?! — огрызнулась Аня и резко встала из-за стола.

— Ты куда, подруга? — встрепелась Ольга и тоже поднялась.

— Домой пора. Спасибо за угощение! — с достоинством проговорила Аня и направилась к двери.

— Постой! Я тебя провожу! — крикнула ей вслед Ольга.

Подруги вышли во двор, и она, взяв Аню под руку, дрожащим голосом проговорила:

— Ты что убежала? — И, не дождавшись ответа, тихо добавила: — Знаешь, не обижайся на маму, она добрая, зла вам с братом не желает.

Уже открывая калитку, Ольга, не выдержав, смущенно спросила:

— А как там Серафим поживает?

— Как? Тяжело ему. Он очень хочет с тобой встретиться. Сегодня после службы будет ждать тебя в заброшенном парке у реки. Надеюсь, помнишь, где это, если что, могу подсказать.

— Не сердись, подруга, сама вся извелась. А тут еще Антон этот со своими ухаживаниями и сватовством!

— Ладно, — усмехнулась Аня, — пошла я, а то ваши пироги поперек горла встали, — и закрыла за собой калитку.

В церкви на вечерней молитве Аня шепнула брату, что Ольга будет ждать его в старом парке. Не дождавшись конца службы, Серафим со всех ног понесся к заветному месту, где много лет назад молодые люди признались друг другу в своих чувствах. Прибежав в парк, он начал всматриваться в темноту заброшенного сада и увидел, как из-за березы выходит Ольга. Она сразу кинулась к нему в объятия, целуя его лицо:

— Что же ты так долго пропадал! Я все ждала, что сватов ко мне зашлешь, а ты лотошником по ярмарке ходишь!

— Не мог я прийти, пойми! Вон ты какая, и дочь, известно чья! А я кто — лотошник, сын купца первой гильдии Прохорова? Твой брат со мной даже не поздоровался, — с горечью проговорил Серафим. Еще крепче прижав ее к себе, он зашептал ей на ухо: — Давай уедем на Урал и там обвенчаемся!

— Нет, — покачала головой Ольга, — не могу я бежать, иначе отца опозорю. Что люди скажут? Ты же знаешь, как у нас это бывает. Лучше расскажи, что с тобой приключилось...

Они еще долго стояли в кромешной темноте у молодой березы, тихо разговаривали, но больше, конечно, целовались...

На следующий день Серафим переложил посуду из второй коробки в мешок, с каким-то облегчением посмотрел на пустую коробку и снова поспешил на ярмарку.

День не задался, лил проливной дождь, и покупателей почти не было. Но Серафим, весь уже промокший, упорно стоял в ярмарочном ряду, пытаясь до вечера продать остатки посуды.

А в это время Ольгин брат Егор, выйдя из купеческого клуба, заглянул к отцу в магазин. Открыв стеклянную дверь, весело бросил с порога:

— Отец, слышал Серафим приехал? Лотошником был, лотошником и остался!

— Что ты такой веселый, или лишку хватил в клубе? — хмуро ответил купец. — Смеяться даже над лотошником негоже. Дед и прадед твой тоже начинали с лотка торговать, и что? Да и я не гнушался этой науки, а иначе ведь не поймешь, с чего начинается торговля. Пойми, сынок, тяжело ему без отца и поддержки.

— Я слышал, Антон хочет сватать Ольгу, — перевел разговор на другую тему Егор.

— Откуда ты взял? — поднял брови Архип Ерофеевич.

— Антон и сказал.

— Что ж, не мне выбирать, а Ольге. Антон парень дельный, башковитый, пусть засылает сватов, — лукаво прищурился купец.

Серафиму все же удалось распродать свой товар, и он, устав до изнеможения, вернулся домой. Мать накормила его, напоила крепким чаем с малиной, чтобы не заболел, и постелила на печке.

— Может, тебе и дальше торговать посудой, попробуй, у тебя ведь хорошо получается, — предложила она.

— Нет, не мое это, мама, другим голова забита, — покачал головой Серафим и стал рассказывать ей про Урал, про рудники, плавильные печи и руду.

— Откуда деньги взять, сыночек, — вздохнула Анастасия Егоровна. — Лавки только и остались, да приданое старшей сестры. Вся надежда только на тебя и осталась.

— Ничего, мама, не плачь, даст Бог, все получится, — попытался успокоить ее Серафим и вдруг спросил: — А где Анюта?

— Как где? У своего любимого в лавке, будущая жена должна помогать своему мужу.

Анюта действительно с самого утра находилась в магазине у Макара, помогала ему, чем могла, ведь к ярмарочному сезону надо готовиться заблаговременно. К вечеру, закончив работу, она устало опустилась на стул и неожиданно выпалила:

— Макар, я к тебе больше не приду и замуж за тебя не выйду. Тебе другая девушка нужна, богатая.

— Другой мне не надо, я тебя люблю. А что случилось? — испугано спросил он.

— Случилось то, что я теперь бесприданница, — чуть не плача, призналась Анюта.

— Как бесприданница? — удивился Макар.

И она рассказала ему о разговоре, который состоялся накануне с братом, и о том, что решила свое приданое отдать ему.

— Ах, вот в чем дело! А я никак не пойму — Серафим, и опять лотошник, он же совсем не из таковых, так что я никак этому не поверил. А ты — ду-реха, кто же тебя кому-то отдаст, ведь мы с тобой одно целое, а приданое твое — это ты сама, моя любимая, — обняв заплаканную девушку, успокаивал ее Макар.

— Значит, никогда не попрекнешь? — прошептала Анюта.

— Никогда! — ответил Макар и перекрестился на икону.

А в доме купца Кречетова тем временем шел серьезный разговор.

— Оля, доченька, какие у тебя дела с Антоном? Егор вчера сказал, что он через неделю собирается сватов к нам засылать, это правда? Честно ответь, у вас что, все уже оговорено? — спрашивал у дочери Архип Ерофеевич.

За столом на некоторое время воцарилась гробовая тишина.

— Отец, все знают, что я люблю Серафима, — заговорила, наконец, Ольга.

— Вот-вот, все знают, а Антон не знает, — укоризненно покачал головой купец.

— А на что ей лотошник? — встрял в разговор Егор.

— Тебе слова не давали, молчи, когда отец говорит! — зло бросил Архип Ерофеевич.

— Случая не было, чтобы ему сказать, да я и не знала, что он собирается свататься, — ответила Ольга.

— Что делать будем, дочка? У Серафима, видать, совсем дела плохи, если даже к нам не зашел, — задумчиво проговорил отец.

— Мне твой совет нужен, — глядя на него, поднялась со стула Ольга.

— Ну, если совет, пошли в мой кабинет, там поговорим, — кивнул Архип Ерофеевич.

Они прошли в комнату и плотно закрыли за собой дверь.

— Ну что, дочка, рассказывай все как есть, ничего не таи, — опускаясь в кресло, сказал Архип Ерофеевич.

— Даже и не знаю, с чего начать. Серафим на Урале не гулял, а делом занимался. Но потом понял, что для него что-то другое важно, — не выдержав, расплакалась Ольга.

— Не плачь! — успокоил ее отец и задумчиво добавил: — Но все-таки чудно как-то, столько времени прошло, а он все на прежнем месте, лотошник.

— Тебе легко говорить, мы все за тобой, — подняла голову Ольга. — А он — один, на его плечах мать и сестры-бесприданницы.

— Как бесприданницы?! — удивился Архип Ерофеевич. — Петр Гаврилович не мог не оставить дочерям приданого. Ни за что не поверю!

— Тем не менее, так оно и есть. Анюта врать не будет, я ей верю.

— Ерунда какая-то получается, купец первой гильдии, все у него ладилось, и сына в люди вывел.

— Ты же знаешь, отец, когда Петр Гаврилович умер, Серафима на Урал к дяде отправили. Там они открыли магазины, и торговля шла очень хорошо. Но где-то дядя не доглядел, кто-то подвел Серафима, кто-то не заплатил, кому-то на слово поверил, одним словом, обманули его, и пошло-поехало, а подсказать некому было, — грустно покачала головой Ольга.

— Все про это знают, но с того времени семь лет прошло, — перебил ее Архип Ерофеевич. — Вот и за эти два ярмарочных дня все с лотка продал, я специально за ним наблюдал. Прибыль хорошую получил, и товар не избитый, значит, голова на плечах есть, а в чем дело, никак не пойму.

— Открыв магазины, Серафим честно помогал дяде, но особого рвения не проявлял. Оставалось чуть-чуть, чтобы стать купцом третьей гильдии, а он возьми, да все деньги и прибыль с продажи трех магазинов вложил в рудник. Оставил только один магазин, как говорится, «для поддержания штанов». Рудник — серьезное дело, требующее больших вложений, и серебро не потечет сразу, вот он и приехал у сестры денег просить. А какие у них деньги, только приданое да лавки от отца остались. Анюта говорила, что и они не смогут покрыть всех расходов.

— Молодец, Серафим! — воскликнул Архип Ерофеевич. — Рискнул, не отступает, выходит, правильный он у тебя.

— Ты что, отец, смеешься надо мной?! Серафим теперь боится не только в гости зайти, а вообще обходит наш дом стороной, он же простой лотошник, и денег у него нет, — снова расплакалась девушка.

— Что делать-то будем? И какой совет я могу тебе дать? — задумался купец.

— Не знаю, что ты на это скажешь, но я хочу отдать свое приданое Серафиму, — тихо произнесла Ольга.

— Я слышал, Антон собирается сватов к нам засылать. Выходит, бесприданницей хочешь походить, и отказать ему, мол, все свои деньги отдала брату в дело. Умно, хвалю, недаром ты папина дочка! Двух зайцев сразу

убиваешь — и Серафиму поможешь, и сватов отпугнешь. Умница! — похвалил ее отец.

— Люблю я его, батюшка, больше жизни, и другого мне не надо! — воскликнула девушка.

— Риск, большой риск, если без приданого останешься. Ты подумала об этом? — вопросительно посмотрел на дочь Архип Ерофеевич.

— А разве в купеческом деле не рискуют?! — заносчиво вскинулась она.

— Не кипятись! Если ты папина дочка, то поступай, как сердце подскажет. Бог даст, все у Серафима сложится, я верю в это, — миролюбиво проговорил Архип Ерофеевич и поднялся с кресла.

— Спасибо, батюшка, за понимание! — бросилась к нему Ольга и поцеловала его в седую бороду.

— Рано говорить мне спасибо. Все-таки не могу я твоим приданным рисковать. Ежели со мной что случится, как с отцом Серафима, твой брат тебе не поможет, даже и не проси. На этом и закончим разговор, — отрезал купец и вышел из кабинета.

Серафим проспал до самого вечера. Анюта разбудила его и позвала ужинать. Все собрались за столом у самовара.

— Сынок, когда собираешься ехать? — осторожно спросила Анастасия Егоровна.

— Завтра надо ехать, — ответил он.

— Может, подольше погостишь? — робко предложила младшая сестра Настя.

— Не могу, надо успеть на промышленную выставку, — покачал головой Серафим.

После ужина он прошел к себе в комнату, выбрал среди книг одну и углубился в чтение.

— Не помешаю? — заглянула в дверь Анюта.

— Нет, не помешаешь, заходи! Присаживайся рядом, — предложил Серафим, убирая книги с дивана.

— Я приняла решение, — твердым тоном проговорила Анюта, садясь рядом с братом, — отдаю свое приданое, пусть оно тебе поможет. Я честно сказала об этом Макару, и он одобрил мой поступок. Я ему и без приданого нужна, мы любим друг друга. Обещай, что бы ни случилось, ты обязательно приедешь на нашу свадьбу.

— Обещаю, — кивнул Серафим, бесконечно тронутый словами сестры.

— Пока ты спал, прибежала Ольга и просила зайти к ним, — вздохнув, добавила Анюта.

Серафим растерялся, он не ожидал, что Ольга пригласит его в гости. Надо идти, только с чем? Не пойдешь же с пустыми руками к любимой девушке. Возьму серебряную шкатулку, тем более что давно для нее приготовил, решил он, быстро оделся, вышел на улицу и направился к дому Кречетовых.

Ему открыла сама Ольга и сразу кинулась в его объятия.

— Есть кто дома? — спросил Серафим.

— Нет никого, все по своим делам разошлись. Ты проходи, раздевайся.

— Жаль, что ты одна дома, не хотелось бы украдкой от твоих родителей встречаться. Да и что я, вор, что ли, чтобы прятаться?

— А мы и не прячемся. Родители все знают, и брат тоже, мне таиться нечего, — с укором проговорила девушка.

— Уезжаю я завтра, — с грустью посмотрел на нее Серафим и протянул шкатулку: — Это тебе подарок на память.

— Надолго уезжаешь? Опять оставляешь меня одну? Не боишься совсем потерять?

— Боюсь. Но у меня остается вера, надежда и моя любовь к тебе. В следующем году обязательно приеду, — пообещал Серафим.

— Еще целый год... — прошептала Ольга, присаживаясь на табуретку и закрывая ладонями лицо.

— Завтра я рано уезжаю, придешь провожать? — подойдя и обняв ее, спросил Серафим.

— Зачем спрашиваешь? Я ведь зарайская девушка, и любовь хранить умею, — с достоинством проговорила Ольга.

— Тогда до завтра, любимая! — с трудом оторвался от нее Серафим и ушел...

Рано утром, лишь только рассвело, в доме Прохоровых начались шумные сборы. Двуколка уже стояла возле ворот, готовая в любую минуту отправиться в путь. Уложив свой нехитрый багаж, Серафим стал прощаться с родными. Поцеловав плачущих мать и сестер, он поспешил сесть в коляску, чтобы, не дай бог, не расплакаться самому.

— Я с тобой до поворота доеду, там тебя Ольга будет ждать, — сказала Аня, присаживаясь рядом с ним.

— Ну, с Богом! — прошептала Анастасия Егоровна и перекрестила отъезжающую от дома коляску.

Тихо на улице, город еще спит, только петухи пронзительно кричат во дворах, возвещая начало нового дня...

Вот и последняя улица. Вдалеке у поворота Серафим заметил одинокую девичью фигуру и, на ходу выпрыгнув из коляски, подбежал к ней:

— Жди меня, родная, я обязательно приеду за тобой! — с каким-то отчаянием воскликнул он.

— А что, у меня есть выбор? — усмехнулась Ольга. — Кому теперь нужна бесприданница! Вот, возьми, отец утром отдал ценные бумаги и ассигнации, их ведь проще везти, а серебро и золото тебе позже с оказией привезут, — добавила она, передавая ему тугой сверток.

На глазах Серафима выступили слезы. Он зарылся лицом в одурманивающий аромат волос любимой и смог лишь прошептать:

— Спасибо!..

Кучер лихо ударил вожжами лошадей, и коляска рванула с места, оставляя за собой столб придорожной пыли и двух зарайских девушек, машущих вслед разноцветными платками...

... Прошли годы... Очередная промышленная выставка в Германии собрала огромное количество людей, среди которых было немало ученых, инженеров, промышленников. Но среди приглашенных гостей особенно выделялась одна пара: солидный господин в хорошо сшитом строгом костюме и стройная женщина в модном зеленом платье, на шее которой сверкало изумрудами поразительной красоты серебряное кольцо. Внимательно рассматривавший выставочные экспонаты молодой инженер из России вдруг резко повернулся, услышав русскую речь.

— Олюшка, дорогая, тебе здесь не скучно? — склонившись к своей спутнице, спрашивал мужчина.

— Что ты, Серафим! Все так интересно! Мне очень нравится! — взяв его под руку, засмеялась женщина, и они прошли дальше.

А молодой человек с задумчивым видом долго смотрел вслед удаляющейся красивой паре... □

Уильям Хогарт

*Уильям Хогарт.
Автопортрет*

«ВЫБОРЫ»

В этой истории три героя. Ими стали три замечательных англичанина: выдающийся художник Уильям Хогарт, блестящий актер Дэвид Гаррик и основатель одного из лучших собраний Лондона Джон Соун.

В середине XVIII века дела в Великобритании шли не очень хорошо. То страна проигрывала важные сражения, то бунтовали шотландцы. Голод и высокие налоги вызывали недовольство народа. Требовалась смена правительства. И на этом фоне важнейшим событием стали выборы в парламент 1754 года. Премьер-министру лорду Генри Пэламу и его брату Томасу Пэламу, герцогу Ньюкаслу, сосредоточившему в своих руках всю власть в стране, нужны были послушные, управляемые парламентарии. И они организовали правильные, как сказали бы сегодня, выборы. О них в народе ходили самые разные слухи, говорили —

и не без оснований, — что места в парламенте покупались за хорошие деньги. В результате таких «честных» выборов парламентариями становились богатые помещики, банкиры и промышленники. Но продажа мест в парламенте была не новостью, а вот поистине свежим словом в процедуре выборов стало использование в качестве избирателей людей слабоумных, а то и совсем сумасшедших, весьма ценным электоратом были и плохо соображавшие старики-маразматики, больные, умирающие, — все убогие и сырые, кто был готов за небольшие деньги отдать свой голос за того, за кого скажут... Вот

Серия «Выборы». «Предвыборный банкет»

это уже было настоящее «новаторство»!

Эти выборы потрясли многих. С омерзением наблюдал за происходящим и великий английский художник Уильям Хогарт, автор популярнейших циклов картин, обличавших нравы современников. Среди них — «Карьера шлюхи», «Карьера распутника», «Модный брак», «Улица Джина» и «Улица Пива». Гравюры его картин расходились по всей стране, их с радостью покупали и богачи, и бедняки, ведь темами его произведений были не какие-то отвлеченные сюжеты, не библей-

ские или исторические истории, которые создавали модные живописцы. На его полотнах и гравюрах была сама жизнь, жизнь его друзей и недругов, жизнь простых лондонцев, со всеми их пороками и высокими порывами души. Художник искренне любил людей, несмотря на все их несовершенства, а потому в его картинах, порой весьма острых, честных, далеко не комплементарных, чувствовалась искренняя боль, сочувствие.

Хогарт немало повидал в своей жизни гнусного и отвратительного, но выборы 1754 года поразили его своим неприкрытым цинизмом и ло-

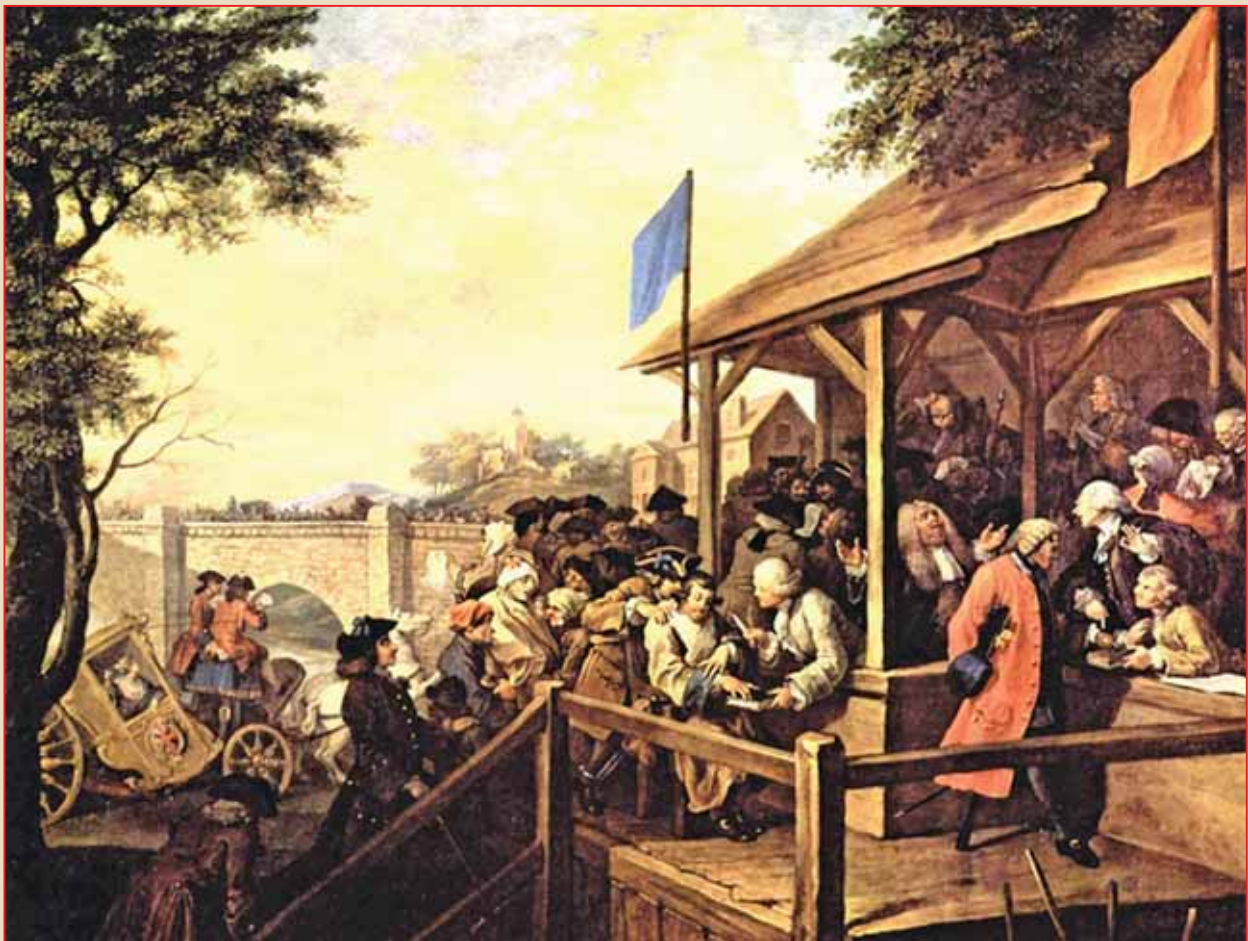
Серия «Выборы». «Агитация»

жью. Раньше он говорил в основном о нравственных пороках соплеменников, но теперь решил создать первый в своей жизни политический цикл. Конечно же, Хогарт не был революционером, борцом с режимом. Он был просто добрым англичанином и искренне переживал, что в его стране порой происходят такие безобразия. Он всегда недолюбливал политиков, причем всех (недаром до сих пор искусствоведы спорят, кого же он высмеял на своих картинах — тори или вигов), но теперь политика стала столь грязной, столь беспринципной, столь

коррумпированной, что Хогарт больше не мог молчать.

И художник заговорил, заговорил, как мог — кистью и красками: создал серию из четырех картин, которая так и называется — «Выборы».

Итак, первая картина, первый этап выборного процесса. «Предвыборный банкет». Хогарт уже раньше рассказывал на своих полотнах, что алкоголь делает с человеком. Теперь же алкоголь становится политическим оружием. Мы видим банкет в небольшом городке. Праздник организовал кандидат в парламентарии. За столом — пастор, стряпчий,

Серия «Выборы». «Голосование»

лавочники, богатые ремесленники и члены их семейств. Под флагом «Свобода и лояльность» восседает молодой кандидат. Похоже, все это ему не по вкусу, но приходится терпеть. Чего не сделаешь ради светлой цели стать парламентарием! А между тем в разгар пиршеств в зал врываются представители кандидата-конкурента, и начинается драка...

На второй картине, которая называется «Вербовка голосов», мы видим, как сторонники двух противоборствующих партий пытаются перетащить на свою сторону будущего избирателя. Ему суют избирательные бюллетени, предлагают деньги.

А другие потенциальные избиратели наблюдают за происходящим, размышляя, кто больше заплатит им за их голоса. Все тут продается и покупается, и даже Панч (персонаж английского народного кукольного театра) на вывеске гостиницы везет в тачке монеты и одаривает ими своих избирателей.

И вот, наконец, наступают выборы. На третьей картине цикла «Выборы» идет голосование. Но кто в них участвует? Очередь к урнам состоит в основном из больных, сумасшедших, калек, а еще — просто подкупленных негодяев. Им все равно, за кого отдать свой голос, лишь

Серия «Выборы». «Триумф победителя»

бы получить хорошие денежки. И за всем этим стоят ушлые людишки, которым дано право и власть управлять этой «демократией».

А потом наступает финал всей комедии. На последней картине — триумф победителя. Героя несут в кресле над беснующейся, торжествующей толпой. А на заднем плане — тень торжествующего другого победителя, возможно, от другой партии. Некоторые считают, что эта картина была вдохновлена событиями, происходившими в Оксфорде. В этом городе кандидату от партии тори (консерваторов), поначалу победившему в выборах, так и не уда-

лось занять вожаемое кресло в парламенте. Его соперник, кандидат от партии вигов (либералов) заявил протест, и парламент, в котором большинство принадлежало либералам, этот протест принял, отменил результаты выборов и присудил победу кандидату от вигов. Возможно, тень на заднем плане — и есть тот самый настоящий победитель.

Хогартовская серия стала первым описанием сущности буржуазной демократии — ярким, выразительным, сделанным с блестящим мастерством. Понятное дело, власти не торопились купить эти картины. Гравюры с картин быстро разо-

«Дэвид Гаррик в роли Ричарда III»

шлись по стране, однако сами они оставались в мастерской художника, хотя он назначил за них небольшую цену — 200 фунтов. Тогда Хогарт решился на крайнюю меру — объявил лотерею. Среди тех, кто купил лотерейный билет, был большой друг Хогарта, выдающийся актер Дэвид Гаррик, режиссер, мыслитель, возродивший Шекспира для мирового театра. Великий художник и великий актер познакомились еще в 1740 году, в доме Бенджамина Ходли, брата Джона Ходли, автора текстов к хогартовской серии картин «Карьера распутника». Хогарт обожал участвовать в любительских спектаклях, причем ему не мешали

ни маленький рост, ни невыразительная внешность, ни неспособность запоминать текст. Наверное, любовь к театру помогала ему ставить свои спектакли на холсте. И вот во время одного из представлений в доме Ходли Хогарт оказался на сцене рядом с двадцатитрехлетним начинающим актером Гарриком. Они очень понравились друг другу, а потом подружились и с тех пор всегда сохраняли теплые отношения. В 1754 году Гаррик был уже богат и известен. Сэмюэль Джонсон тонко заметил, что его «профессия сделала Гаррика богатым, а он сделал профессию уважаемой в обществе». К этому времени Гар-

«Портрет слуг Хогарта» (в центре автопортрет)

рик уже сыграл Лира, Гамлета, Ричарда III. Он тогда только что переехал в новый загородный дом, ставший местом встреч представителей английской богемы — здесь бывали Оливер Голдсмит, Джошуа Рейнольдс, Джеймс Босуэлл, Сэмюэль Джонсон. И, конечно же, Хогарт. У актера было доброе сердце, к тому же «Выборы» ему очень понравились, а в его новом доме была пустая, ничем не украшенная стена. И он, подумав, взял да и купил все четыре картины цикла.

Хогарту было отпущено прожить еще 10 лет. Это были непростые годы. Его не все понимали, не все признавали, ведь он во многом опе-

редил свое время, а таким людям всегда приходится непросто. Он работал до последних дней — писал портреты, иллюстрировал книги, написал еще одну политическую серию — «Времена», направленную против премьер-министра Питта, желавшего всеми силами раздуть войну, которая несла участвовавшим странам, и, прежде всего, Англии, горе и нищету. «Времена», несмотря на его высокое звание главного живописца, дарованное в 1757 году королем Георгом II, принесли художнику новых врагов, среди них были и весьма могущественные и влиятельные господа, к примеру, член палаты

лордов и будущий мэр Лондона Джон Уилкс.

Одним из последних шедевров Хогарта стала гениальная картина «Портрет слуг» — удивительная, пронзительная работа, в которой выразилось все его понимание человеческой природы. Каждый человек, говорит художник, — это отдельный, огромный мир, и не всегда мы способны понять его глубины...

Уильям Хогарт умер 26 октября 1764 года. Его оплакивали многие, но должны были пройти годы, прежде чем Англия осознала, каким он был художником, и что он сделал для нее. Его друг Гаррик написал эпитафию: «Прощай, великий живописец, достигнувший благороднейших высот искусства, художник, чаровавший умы картинами, исправлявший сердца людей через их глаза...»

Сам Гаррик умер в 1779 году, в почести и славе, и был похоронен в Вестминстерском аббатстве, где англичане хоронили самых заслуженных своих соплеменников. После его смерти хогартовские «Выборы» приобрел другой выдающийся англичанин — Джон Соун.

Соун родился в 1753 году, его отцом был простой каменщик, что не помешало Джону сделать блестящую карьеру и завоевать достойное место в обществе, а потом и создать музей, ставший одним из лучших частных музеев Лондона.

Он учился на курсах при Королевской академии и, видно, показал яркие способности. Так или иначе,

на него обратил внимание сам король Георг III, который дал ему возможность продолжить образование за рубежом, в частности, в Италии, где Соун, увлекшись античностью, стал собирать древние статуэтки. Так начиналась его коллекция. С годами Соун стал известным лондонским архитектором, ему доверяли престижные заказы, которые он выполнял с блеском. Чистые линии, простые, классические формы, правильные пропорции и умелое использование света отличали его стиль. Самое известное его творение — здание банка Англии в Сити, а также оформление десяти столовых комнат в резиденции премьер-министра и одиннадцати — в резиденции второго лорда казначейства на улице Даунинг-стрит. У него появились деньги, и он купил дом на Линкольн-Инн-Филдс. Затем приобрел два соседних, перестроил их и превратил в музей. Основой его собрания были античные редкости, привезенные им из Рима, Египта и Греции, но были в музее и картины его современников. Особенно он почитал Хогарта, и с радостью приобрел все четыре картины серии «Выборы». Кроме того, в музее Соуна оказалась и другая хогартовская серия — «Карьера мота», ее купила миссис Соун, уж очень образ главного героя напоминал ей покойного сына.

В 1833 году Джон Соун открыл свой музей для публики, выставив лишь одно условие: двери музея будут закрыты «в сырую и грязную по-

*Джон Соун.
Портрет
кисти
Томаса
Лоуренса*

году». Через четыре года этот выдающийся архитектор и великий патриот умер. В завещании он просил, чтобы экспозиция музея «по возможности всегда оставалась в том виде, в каком я ее оставляю».

Когда-то Уильям Хогарт сказал: «У меня есть маленькая надежда иметь успех у тех, кто имеет смелость думать самостоятельно и верить собственным глазам».

Его надежда оправдалась — такими были поклонники его искусства Дэвид Гаррик и Джон Соун. Есть такие и сегодня. Те, «кто имеет смелость думать самостоятельно и верить собственным глазам», почитают

его как одного из величайших художников. Его картины нисколько не потеряли актуальности, поскольку человеческая природа, по-видимому, с годами не меняется. И тут технический прогресс, вооруживший нас компьютерами и умными гаджетами, не играет никакой роли. Вот почему не устарел и его политический цикл «Выборы». Ведь все так же многие кандидаты на престижные должности не гнушаются ничем, стараясь заполучить «теплые» местечки, и так же играют в демократию на выборах, как это было во времена Хогарта, во времена старой доброй Англии... □

ИГОРЬ ХРИПУНОВ

Игорь Хрипунов, талантливый артист МХТ имени Чехова, известен зрителям по картинам «Ледокол», «Волчье солнце», но особенно запомнились его роли в театральных спектаклях «Конек-горбунок», «Трехгрошовая опера», «Деревня дураков», «Пиквикский клуб», «Обрыв». Впереди у него яркое актерское будущее, и, самое главное, он сегодня востребован как в театре, так и в кино.

«Я с детства не мог представить занятия интереснее, чем сцена...»

— Игорь, расскажите, пожалуйста, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— На Первом канале прошла премьера сериала «Волчье солнце», на НТВ — картина «Ледокол», «Дуэлянт», в кинотеатрах состоялся показ фильма «Вурдалаки», в сентябре, опять же на Первом, пройдет многосерийный фильм «Клерк» режиссера Дмитрия Коробкина, который, как мне кажется, получился очень интересным! Мы работали над ним с увлечением! Надеюсь, и зрителям он понравится!

В театре начались показы новой серии режиссерских работ лаборатории МХТ, приуроченные к 150-летию Максима Горького — «Горький. Проза». Талантливый питерский режиссер Дмитрий Егоров поставил спектакль-эскиз по не очень известному рассказу Горького 1924 года — «Карамора».

— Да, я помню, в письме Ромену Роллану Горький сообщал, что написал рассказ о некоем русском герое, искреннем революционере и провокаторе... Караморе...

— У меня в спектакле роль Петра Каразина, подпольная кличка «Карамора», такой, знаете, горьковско-достоевский образ. Человек он смелый, независимый, умный, сложный! И одновременно — беспринципный, антигерой, анализирующий себя, мучительно желающий понять, кто

он, почему в равной степени расположен и к героическому подвигу, и к подлости! Однозначно, самая интересная работа за последние несколько лет! Появится ли «Карамора» в репертуаре МХТ, решать руководству! Надеюсь, это произойдет!

Работалось с Егоровым очень творчески. Это его дебютная работа в МХТ, в Санкт-Петербурге его хорошо знают, немало постановок этого режиссера идет и в провинциальных театрах страны. В Театре на Таганке он поставил спектакль «Последние свидетели» по Светлане Алексиевич. А в этом году на фестиваль «Золотая маска» привез притчу-антиутопию «Рассказ об Аке и человечестве», поставленную в Воронежском камерном театре по произведению писателя Ефима Зозули. Рад, что удалось поработать с ним, пусть и совсем немного! Он крут невероятно!

— Актер театра и кино — это разные профессии? Как вы считаете?

— Это одна профессия, только способ существования разный, наши кинематографические реалии не позволяют работать над ролью основательно, как в театре. Там на это есть время, ты репетируешь несколько месяцев, а в кино этого нет. «Здравствуйте! Спасибо, снято! До новых встреч!» Конвейер такой.

В театре можно пробовать себя с разных сторон, тщательно все

*Спектакль
«Трехгрошовая
опера».
Игорь Хрипунов,
Марина Голуб*

Справа:

*К/ф
«Невеста»*

Слева внизу:

*спектакль
«Конек-
горбунок»*

обдумывать, вносить коррективы на репетициях в процессе рождения спектакля. Короче, без театра актер деградирует, театр необходим.

— С кем из режиссеров вам хотелось бы еще поработать?

— Каждый из них чему-то научил меня. Пожалуй, со всеми из тех, с кем уже работал! Ну, за редким исключением, конечно. Есть и у меня свой «черный список»...

— В свободное время бываете в других театрах? Что порекомендуете посмотреть заядлым театралам?

— В театре «Гоголь-центр» мне очень понравился и запомнился потрясающий спектакль «Митина любовь» по одноименной повести Ивана Алексеевича Бунина. Поставил его режиссер Владислав Наставшев, он же является и композитором, и художником в этом спектакле. Эта постановка стала первой премьерой после открытия «Гоголь-центра». В спектакле участвуют только двое — Митя и его любимая

девушка Катя, которая является для главного героя смыслом жизни, абсолютно всем! Талантливая постановка по всем параметрам! Саша Ревенко и Филипп Авдеев работают блестяще!

«Плоды просвещения» в театре Маяковского — тоже очень здорово! К сожалению, в последнее время редко удастся ходить в другие театры, хотя интересных постановок немало.

— А как вы проводите свободное время, если таковое бывает?

— Стараюсь навестить родителей, они в Подмосковье живут. Если получается вырваться, сразу спешу к ним. Стараюсь также находить время для чтения и хорошего кино.

— В выборе профессии родители вас поддержали?

— Вопрос выбора профессии никогда передо мной не стоял, я с детского сада все время лез на сцену, не мог себе представить занятия интереснее. Когда я неделями не появляюсь у родителей, а, появившись, бывает, сразу засыпаю, мама сокрушается: «Лучше бы, сынок, ты тогда на медбрата или вон водителем «газельки». Здоров, спокоен и всегда рядом»...

— Вы учились в школе-студии МХАТ. Кто были вашими учителями?

— Дмитрий и Марина Брусникины, Алла Покровская, Евгений Писарев, Олег Тополянский, рано ушедший из жизни Роман Козак... Всем этим людям, каждый из которых прекрасен, я бесконечно благодарен!

Господи, это совершенно волшебное время — годы обучения в студии!

К/ф
«Умельцы»

Радостное, светлое, полное надежд время!

— Вот вы, как актер, то есть творческая личность, как считаете — человек должен жить реальностью или мечтой?

— Я думаю, что нельзя жить только реальностью, жить одной мечтой тоже нереально. Все должно быть сбалансировано, это взаимопроницающе, одно с другим существует неразрывно. Однако без мечты все же можно прожить более-менее весело, а попробуй повернуть это без здоровья! И все же мечта у меня есть — хотелось бы долгое время играть в таком спектакле, после которого у людей появится потребность измениться в лучшую сторону! Не

знаю, какой должна быть роль, и что это за спектакль! Наверное, о том, как ужасно коротка человеческая жизнь...

— А какие люди вам больше импонируют?

— Умные, легкие, талантливые, честные, щедрые. Щедрость важна как в духовном, так и в материальном смысле. Когда ты отдаешь — это гораздо приятнее обратного.

— Игорь, если бы сейчас кто-нибудь высказал вам пожелание, что бы вы хотели услышать?

— Любить и быть любимым! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Владимир Фремо

Думы печальные, думы унылые —
Нет вам покоя и нет вам изгнания...
Все вы тревожите чувства ленивые —
Страстью остывшие воспоминания.

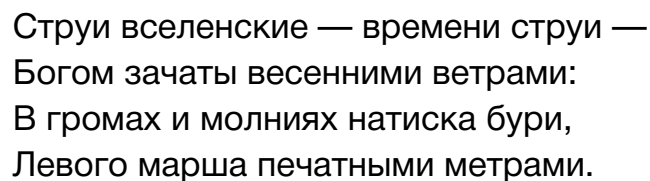
Сердце больное, сердце изнывшее —
Что ты затеяло в ноченьку темную:
Или ты в небе — звездой застывшее,
Или ты бьешься тоской приземленною?

Или душа моя в горестной долюшке
Кровушкой теплой у бездны умывается;
Или рассветом заждавшейся волюшки
Небу стоглазому зорькой откроется.

Где ты надежда и вера попранная,
Кровным страданьем и духом взращенная —
В жизни убогой немилостью странная,
Русской мечтой и землею крещеная?

В сумерках скрыты дороженьки дальние,
Светлые думы, со света сметенные...
Кружатся осенью листья печальные —
Волей судьбы в никуда унесенные.

Силы небесные ждут покаяния,
Просит душа у Спасителя милости...
Нет у русской судьбы оправдания —
Только дорога... и дух справедливости.

За гранью бытия — другие грани,
Другая жизнь, другое торжество....
Но не увидеть мне цветов герани,
Ласкающих печальное окно.

Не тосковать уже сиренью белой,
Не жечь в груди рябиновый костер.
И с тишиной кокетливо-несмелой
Не затевать ночами разговор.

Я радоваться счастью не сумею,
Вдыхая аромат твоих волос;
И прикоснуться к ветру не посмею
Березово-черемуховых кос.

Морской волной уже не буду нежить
Ни белых рук, ни бледное лицо....
И русский дух уже не будет тешить
По-доброму, но крепкое словцо.

Мне не собрать охапками рассвета,
В весенних бурях — колокольный звон:
В небесных молниях лучами света
По мне грустит и радуется он.

Все будет по-другому, все иначе —
Все вширь, все вдаль от кончиков ногтей....
И не увидеть мне в прощальном плаче
Осенний омут белых журавлей.

Не чувствовать, не думать по-земному,
Не помнить, как печалят соловьи, —

А только жить — и только по-иному,
Как все уже ушедшие с Земли.

Как все, уже горящие в созвездьях,
Как все, кто сгинул в вечной темноте...
И кто, как я, в небесных перекрестьях
Еще не затерялся в пустоте.

Так хочется уйти от суеты....
И в тишине укромной
 раствориться!
И правдой чистой искренне
 умыться —
И к Богу повернуть свои стопы.

Как хочется забыться и уснуть,
Но... не тревожа беспокойством
 вечность!
А просто вдохновенья
 быстротечность
Заколдовать в недвижимую суть.

Спиралью лента времени бежит
Через хребты, ущелья и равнины:
То к пропасти, а то в сады
 долины, —
Кому и что в судьбе принадлежит.

И под румяной кожей стиха —
Не умять страдания значенье....
Не отрицая, впрочем, и творенье
Живого кровью вечного греха.

На сердце черная безродная
 тоска....
И тень от лунного затмения!
И силой неземного притяженья —
Вся жизнь висит на толще волоска.

За все и всем по счету заплатить.
Дерзнуть — и к звездам сердцем
 прикоснуться!
И к Богу мыслью и душой
 приткнуться...
И жизнь собою — не обременить.

Ах, ночь! Ты — миг воображенья,
Твои пленительны черты —
Ты, силой музы вдохновенья,
Вдыхаешь жизнь в мои мечты.

Когда, с волшебной тишиною,
Твоя приходит черед...

То говорит тогда со мною
На небе каждая звезда.

Душа, что ждет преображенья
Наперекор судьбе иной,
Наполнит истину движенья
Живой и трепетной волной.

В свои тридцать три она была отнюдь не красавицей и отлично это знавала.

Портье отеля в Майами-Бич, провожавший ее до номера, непрерывно насвистывал какой-то прилипчивый мотивчик — загружая чемоданы в лифт, поднимаясь наверх, толкая тележку с багажом по мягкой ковровой дорожке... Отперев дверь, он галантно посторонился, приглашая ее войти, и тоном ярмарочного зазывалы объявил:

— Шикарные апартаменты, лучшие на этаже! С балкона открывается потрясающий вид на океан! А кондиционер последней модели обеспечит вам настоящую прохладу! Вы в Майами впервые?

— Нет.

— А давно были в последний раз?

— Вообще-то, я приезжаю сюда каждый год.

— Правда? — с улыбкой вскинул брови портье. — Но в нашем отеле не останавливались?

— Как-то не доводилось.

— Классный отель, — подытожил он, снимая чемоданы с тележки. — Кстати, вы не замужем?

— Представьте себе, нет.

— Наверное, когда такая красивая девушка путешествует одна, то порой бывает... немного тоскливо?

Заглянув ему в глаза, она мигом распознала притаившегося внутри «хищника» в засаде, готового к стремительному броску на «жертву», и промолчала.

— Если вам станет... э... скучновато, — тем временем продолжал парень, — позвоните дежурному администратору. Меня зовут Джонни. Буду рад... подняться к вам и поболтать. В общем, составить компанию.

— Вы очень любезны, — кивнула она.

У нее было четыре чемодана. Вспомнив, что за каждое место багажа принято давать на чай двадцать пять центов, она достала из сумочки доллар и протянула его портье.

— Премного благодарен, — пробормотал портье и, приподняв полу форменной курточки, быстро сунул банкноту в кармашек. — Желаете еще что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— Если поспешите, то успеете искупаться и позагорать на солнышке. И не забудьте — Джонни, — напомнил он, закрывая за собой дверь.

Равнодушно оглядев номер, она начала распаковывать чемоданы, размышляя, как же ей за столько лет надоела набившая оскомину рутина: поездка на такси в аэропорт, перелет до Майами, поездка на такси до отеля (каждый раз — нового), возня с чемоданами — и все это в полном одиночестве.

Ни малейшего просвета впереди!

В номере стояла тишина, нарушаемая лишь легким гулом кондиционера. Разложив вещи, она вышла на балкон. Девятью этажами ниже манила своей прозрачной голубизной продолговатая чаша бассейна, вокруг которого в шезлонгах нежились туристы, откуда доносился шум голосов, приглушенный мягким, но настойчивым шумом океанского прибоя. Она увидела дрожание раскаленного воздуха над балконными перилами, ощутила на губах солоноватый привкус морского бриза, налетавшего со стороны Атлантики, и понадеялась — а вдруг на этот раз оно случится?

Вдруг один из сидящих возле бассейна мужчин окажется тем самым, кого она давно и тщетно искала? И тогда все сложится так, как она мечтала? С неожиданным раздражением она прокляла судьбу, по воле которой одни рождаются на свет красавицами, а другие — невзрачными «воробушками». И свои идеальные представления о том, каким именно должен быть ее избранник. А затем злость перекинулась на работу — хорошую работу с высокой зарплатой, что так мешало найти мужчину, получавшего хотя бы не меньше ее.

«Почему же мне так не везет?!» — с отчаянием подумала она. Чуть ли не на каждом шагу ей попадались ничем не примечательные женщины, кото-

рые, тем не менее, были замужем, растили детей, вели домашнее хозяйство — в общем, занимались тем, для чего их создала природа.

А для чего природа создала ее?

Неожиданно встреча с портье Джонни показалась ей дурным предзнаменованием. Его намерения были абсолютно ясны, а комплименты — насквозь лживы. Красивая девушка? Красивые девушки невольно внушают трепет и уважение (в отличие от обладательниц заурядной внешности). Заурядная женщина почти всегда одинока, и мужчины сразу это чувствуют. К тому же найти подходящего партнера на одну ночь было не так уж и сложно — за последние шесть лет у нее в этой области накопился изрядный опыт. С одной стороны — раздирающее душу отчаяние, чувство, будто жизнь незаметно ускользает прочь, и она навсегда так и останется высохшей старой девой. С другой — она знала все их уловки наизусть. «Отчего красивая девушка скучает в такой дивный вечер?» «Почему бы нам не выпить у меня в номере?» «Давай, милая, ну что тебе терять?»

— На этот раз все будет иначе! — пообещала она себе. — Все, что мне нужно — это мужчина, мой мужчина!

Быстро переодевшись в купальник и накинув халат, она на лифте спустилась к бассейну.

Усаживаясь за стойку бара, она ощутила, что кожу слегка пощипывает, и подумала — не слишком ли долго пролежала на солнце? К счастью, в отличие от множества других женщин, «солнечные ванны» никогда не доставляли ей хлопот. Загар всегда ложился ровно и безупречно, и в юности она наивно полагала, что это придает ей некую особую привлекательность, но довольно быстро распрощалась с подобными иллюзиями. Так что в данный момент ее гораздо больше интересовало совсем другое — чем закончится сегодняшний вечер.

Достав из пачки сигарету, она полезла в сумочку за спичками, как вдруг услышала щелчок зажигалки, и перед ней заплясал язычок пламени.

— Вы позволите? — вежливо поинтересовался симпатичный голубоглазый мужчина лет сорока с лицом, покрытым таким же ровным, как и у нее, загаром.

— Благодарю, — с холодком кивнула она, прикурила и, выпустив облачко дыма, вновь подняла свой бокал.

Не дожидаясь приглашения, мужчина взобрался на соседний табурет и, заказав бармену шотландского виски со льдом, вновь повернулся к ней:

— Сегодня въехали?

— Да, еще днем.

— Вы впервые в Майами?

— Нет-нет, — улыбнулась она. — Я бывала здесь и раньше.

— Приехали с супругом или просто решили отдохнуть от семейных хлопот?

— Я не замужем.

— Нет? — удивленно пробормотал он и протянул ей руку: — Позвольте представиться — Джек Филдз.

— Конни Дэвидсон, — сказала она, отвечая на рукопожатие. У него оказалась крепкая и теплая ладонь.

— Стало быть, решили устроить себе отпуск?

— Я приезжаю сюда в этот месяц каждый год.

— Откуда, если не секрет?

— Из Нью-Йорка. А вы?

— Тоже, из Бруклина. Я — адвокат по уголовным делам и защищаю в суде большинство из тех, о ком идет речь в анекдотах.

— Должно быть, увлекательная работа.

— Это точно. Хотя порой изрядно утомляет.

— Вы здесь по делу?

— Нет, как раз отдыхаю от проблем. — Он отхлебнул немного виски. — А вы чем занимаетесь?

— Работаю в рекламном агентстве.

— Кем?

— Сочиняю «джинглы».

— Неужели?! Серьезно? Нечто вроде рекламных куплетов для «Пепси-колы»?

— Ну, до таких солидных клиентов нам еще далеко, но суть вы ухватили верно.

— Потрясающе! Когда слушаешь эти песенки, почему-то даже не приходит в голову, что их сочиняют живые люди. Должно быть, это жутко интересно.

— Верно, — кивнула Конни. — Хотя порой тоже выматывает все нервы. Джек окинул взглядом начинавший заполняться зал.

— Смотрите, оркестр вышел на сцену. Как насчет того, чтобы потанцевать?

— Возможно, позже.

— Держу пари, вы отлично танцуете.

— Ничуть не лучше других.

— Но наверняка специально брали уроки.

— С чего вы взяли?

— Как вам сказать... Просто возникло такое впечатление.

— Вы угадали. Училась танцевать шейк.

— И, конечно, твист?

— Нет. Сразу бросила, едва он превратился в повальное помешательство.

— Пока не придумают что-то новенькое, — усмехнулся Джек. — Какой-нибудь «свист» или нечто в том же духе. А, по-моему, если умеешь танцевать фокстрот, румбу и вальс, больше ничего не нужно. Если вы, конечно, не фанатичная поклонница новомодных танцев.

— Просто люблю иногда расслабиться.

— Я тоже. Но ведь это не стало для вас делом всей жизни.

— Еще не хватало!

— Конни, сколько вы собираетесь здесь пробыть?

— Две недели.

— Какое совпадение!

— Значит, вы тоже...

— Да, две недели... Вам не кажется, что мы могли бы отлично провести время?

— Ну...

— Мне всегда было интересно, отчего это происходит.

— То есть?

— Сами знаете.

— Что именно?

— Такая красавица, как вы, и вдруг одна-одинешенька...

— Я... у меня все в порядке, — в упор посмотрела на Джека Конни.

— Должно быть, скучновато.

— Не слишком.

— По-моему, вы слегка лукавите.

— Я бы этого не сказала.

— Нам было бы довольно весело, — вкрадчиво прошептал Джек, мягко накрыв ее руку ладонью.

На секунду Конни неподвижно застыла, а затем, высвободившись, взяла со стойки бокал.

— Может, вы научите меня танцевать твист? — не унимался он.

— Это запросто способен освоить любой.

— Со стороны кажется, что это легче легкого.

— Так оно и есть.

— Но это лишь со стороны. Мне всегда почему-то кажется, что на танцплощадке я выгляжу так же нелепо, как дрессированный шимпанзе.

— Вообще-то все это очень просто.

— Полагаю, тут самое главное — уловить ритм. Однако по сравнению с этими виртуозами... — Он сокрушенно вздохнул.

Конни прекрасно знала, что за этим последует — типичная сцена обольщения из второсортной мелодрамы, сценарий которой она успела выучить наизусть. На миг она отчаянно взмолилась, чтобы на этот раз — хотя бы на этот раз! — мужчина посмотрел на нее и с нежной улыбкой признался, что он без ума от ее роскошных волос, изящных бровей и прекрасных глаз. Всего лишь один-единственный раз, и тогда бы ее сердце раскрылось, как созревший розовый бутон, и из него фонтаном хлынуло копившееся годами душевное тепло. Всего лишь раз, один-единственный разочек...

Однако, к ее огромному сожалению, Джек свернул на проторенную дорожку:

— Может, согласитесь дать мне несколько частных уроков?

Конни промолчала.

— Кроме того, вам не кажется, что здесь немного душновато?

— Да... пожалуй.

— А у меня в номере кондиционер работает отлично, — с завлекательной улыбкой продолжал он. — Я буду крайне польщен, если такая красавица уделит мне время, так сказать, окажет мне честь. Мы можем заказать напитки...

— Прошу вас...

— Нет, серьезно. Мы могли бы немного потанцевать...

— Послушайте...

— Немного выпить...

— Прошу вас, прекратите!

— А потом... слегка поразвлекся, — смущенно потупившись, закончил Джек.

Конни пристально посмотрела ему в глаза и, криво усмехнувшись, медленно и внятно произнесла:

— Я отнюдь не красавица.

— Еще какая! — с жаром возразил он. — Вы — одна из самых очаровательных девушек во всем этом отеле!

Устало кивнув, Конни обвела взглядом стойку бара и сразу заметила на загорелой коже безымянного пальца его левой руки узкую белую полосу — там, где наверняка еще совсем недавно красовалось обручальное кольцо.

— Вы женаты?

— Да.

Конни тихонько вздохнула.

— Это так важно? — прищурился Джек.

— Нет, — покачала она головой, соскальзывая с высокого табурета. — Совершенно не важно. И вообще ничего не важно. Спокойной ночи. Спасибо за угощение.

— Минутку! А как же насчет частных уроков?

Она не удостоила его ответом и, лишь выходя из бара, поспешно смахнула сбежавшую по щеке слезинку.

Тем же вечером Конни выехала из отеля.

Оставаться здесь дальше не имело смысла. Переодевшись в простой белый льняной костюм, она с нетерпением дожидалась лифта, не в силах отделаться от мрачных мыслей, звучавших, как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор: «Я так и умру старой девой! Все напрасно! Людям больше не нужна любовь».

На глаза вновь навернулись слезы, и она тихонько всхлипнула.

Двери лифта бесшумно разъехались, и Конни в сопровождении портье, катившего тележку с ее багажом, шагнула в кабину. В углу стоял ничем не примечательный человек лет тридцати пяти, судя по выражению его лица, погруженный в невеселые размышления, однако, едва завидев Конни, он вздрогнул, словно от удара током, и буквально впился в нее взглядом. Когда лифт плавно скользнул вниз, мужчина пару раз глубоко вздохнул и робко произнес:

— Не считите за дерзость, мисс, но у вас... прекрасные глаза. Самые прекрасные на свете!

Резко повернулась к нему, Конни сдавленным от ярости голосом прошипела:

— Прекратите! Заткнитесь, черт бы вас всех подрал! Слышите, всех!!!

— Первый этаж, — бесстрастно объявил лифтер.

Конни пулей вылетела из кабины, даже не оглянувшись на ошеломившего незнакомца. Дождавшись, когда портье выгрузит ее чемоданы из лифта, тот следом за ним вышел в вестибюль и застыл, наблюдая, как она подписывает счет, торопливо пересекает тротуар и садится в моментально подкатившее такси...

— С норовом лошадка, верно? — подмигнул вернувшийся портье, пряча в карман долларовую банкноту.

Зачарованно глядя вслед габаритным огням такси, навсегда уносившего девушку, которую он так давно и тщетно искал, мужчина едва слышно прошептал:

— Какие же у нее прекрасные глаза! Просто не верится...

А затем поднялся в свой номер, рухнул на постель и, уткнувшись лицом в подушку, заплакал, проклиная себя за нерешительность, лишившую его последней надежды обрести счастье в любви. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(окончание)

30

В человеческой жизни, быстро меняющейся, как погода на море, порой, к глубокому сожалению, случается так, что даже очень личное событие отступает перед общественными проблемами и со временем как бы и вовсе забывается. На самом же деле — оно только опускается глубоко, на самое дно памяти, и там, словно сухой торф под слоем суглинка, незаметно для души упрямо тлеет. И порой достаточно даже одной искры, рожденной психологическим потрясением, чтобы этому событию, казалось бы, начисто стертому из памяти, вдруг вспыхнув языкастым пламенем, с шорохом вырваться наружу... Ярko замелькать перед глазами, как кадры киноленты. В таком тяжелом случае человек, благодаря своим огромным духовным силам, может лишь загнать его обратно в тайник памяти, но, увы, с этого времени всю оставшуюся жизнь пребывать на этом свете обреченным, то на невыносимое, то на переживаемое с трудом глубоко в душе тяжкое страдание... Да такое сильное, что оно способно как бы парализовать не только мысли, но и физические движения, в том числе при исполнении добрых дел.

Все услышанное от хорошей знакомой жены, словно огромная волна, выбросила из глубины обострившейся памяти Анатолия Петровича несколько случаев, на которые он, к своему неудовольствию, в самом деле обратил внимание и к которым хотел вернуться в разговоре с Марией, но из-за своей вечной страшной загруженности многочисленными важными производственными — да и общественными тоже! — проблемами, всякий раз сурово требующими неотложного решения, так и не нашел времени, а потом и вовсе, как показала жизнь, ошибочно посчитал их совсем не существенными... Зато теперь они, выстроившись в длинный, логический ряд, один за другим проходили перед его глазами так отчетливо, так рельефно, как будто произошли только вчера, — и приносили такие мучительные страдания, что хотелось на весь погрузившийся в глубокий ночной сон поселок кричать, словно это могло быть единственным, от чего хоть на немного, но стало бы легче!

Однажды, где-то с месяц назад, Анатолий Петрович по срочной надобности заглянул в агрономический кабинет. Мария была одна, сидела за своим рабочим столом, стоящим вплотную к подоконнику большого окна. Охотно и живо отвечая на директорские вопросы, требующие быстрого решения, она вдруг повернула свою аккуратно прибранную голову на шум открывшейся двери, тотчас замолчала и лучисто заулыбалась своей пленительной улыбкой. При этом ее большие красивые, с природной легкой грустинкой глаза вспыхнули таким волнующе искрящимся светом, перед которым ни один мужчина не смог бы остаться равнодушным. Не успел Анатолий Петрович даже подумать, кому же это так при нем откровенно обрадовалась его любимая жена, как в кабинет, светло улыбаясь, с горящим взглядом устремленных на нее глаз, стремительно вошел Хохлов... Заметив мужа Марии, вдруг сконфуженно потупился, опустил голову...

Второй случай отложился в памяти Анатолия Петровича тем, что супруга попросилась взять ее с собой в город, чтобы якобы навестить Валентину Сергееву, работавшую главным экономистом управления сельского хозяйства, — сравнительно молодую, жизнерадостную, хотя и довольно располневшую женщину, с которой успела познакомиться и подружиться почти сразу же по приезде в райцентр из Якутска. Вечером, помотавшись по всем обслуживающим совхозы организациям, где удалась решить многие срочные, и не очень, дела, поэтому с глубоким чувством удовлетворения собой, пусть и изрядно уставший, Анатолий Петрович к условленному с женой времени приехал за ней в управление. Однако ни у Сергеевой, ни в приемной Пака ее не было. Для начала пришлось быстро пройтись по всем кабинетам за исключением главного агронома — уж очень не хотелось встречаться лишний раз с человеком, которого явно не уважал.

Но пришлось сделать и это, поскольку ему уже было понятно, что, если жена вдруг не уехала в «Сельхозхимию», еще и навестить Эльзу, то она может быть только у Хохлова, ведь как-никак он являлся в некоторой степени начальником Марии и, значит, у нее к нему могли быть неотложные вопросы по работе...

Не стучась, Анатолий Петрович резко распахнул дверь с табличкой «Главный агроном» — и невольно замер: поскольку верхний свет не был включен, уличного, к вечеру ослабшего, явно не хватало, поэтому в кабинете царил тот интимный сумрак, который, как никакой другой, располагал к теплоте, душевному разговору. В этой лирической идиллии Мария и Хохлов сидели за столом напротив друг друга, с мило расслабленными, романтическими лицами... И, видимо, настолько увлеченно говорили о чем-то приятном для обоих, что даже не заметили, как стало в кабинете темнеть. А между тем, такая картина любого человека, даже случайно вошедшего, не могла не озадачить... Воистину — и пробовать нечего опровергать расхожее мнение: счастливые душой как бы слепнут настолько, что забывают об элементарном чувстве приличия... Обо всем этом Анатолий Петрович думал сейчас, распалившись аж всем телом до того, что могло показаться, оно, полыхая, как дерево, подожженное огневой молнией, сгорало в непроглядном мраке на ходу. А тогда он лишь махнул жене рукой, мол, пора ехать домой, — и, вполне уверенный, что она последует за ним, звучно грохоча каблуками черных туфель по сверкающему паркету, зашагал к выходу.

Был и третий случай, произошедший совсем недавно, можно сказать, на последних днях. Анатолий Петрович уже подъезжал к городу, когда встречный «уазик», с номерами управления сельского хозяйства, вдруг затормозил и несколько раз нервно просигналил фарами. Пришлось в недоумении приказать водителю свернуть вправо, прижаться к обочине и остановиться. Тотчас из салона выскочил Хохлов, несмотря на сырую, грязную погоду, почему-то одетый не по-рабочему, а в черный, с иголки костюм, в какой облачаются только по особому, праздничному случаю. Он бегом, боясь попасть под какую-нибудь бешено мчащуюся, железно громящую на ухабах машину, посмотрел по сторонам и быстрым шагом подошел к левой передней дверце, за которой сидел Анатолий Петрович, — и тому ничего ни оставалось, как только открыть ее и ради приличия сухо поздороваться со своим бывшим подчиненным. Зато Хохлов — улыбающийся, самоуверенный! — как ни в чем не бывало, непринужденно, даже вполне дружелюбно сказал:

— А я к вам в совхоз еду! Надо по заданию райкома с главным агрономом кое-какие вопросы по подготовке уборки капусты обсудить!

— Да ради бога! Только на месте Кокорышкиной нет!

— А Ивановой?

— Тоже отсутствует!..

— Вот как! А где же они?

— Виктория Николаевна еще утром, на весь день — дорога ведь не-близкая — выехала в Беченчинское отделение, а Марию Васильевну я совсем недавно оставил на торфяном карьере «Белоглинка», чтоб договориться с руководством на месте о вывозке заготовленного еще весной компоста на поля, освободившиеся от выкопанного картофеля.

При последних словах Хохлов откровенно просиял лицом, нетерпеливо, словно и правда шибко торопился, как мальчишка, не скрывающий своей большой радости, звонко произнес:

— Так это же рядом! Поеду туда, хотя бы с ней переговорю!..

«...И переговорили!.. Какой — десятый или двадцатый раз?.. — вспыхиво подумал Анатолий Петрович. — И договорились, можно сказать, у меня на глазах до того, что Хохлов готов бросить жену с маленьким ребенком, а Мария, если еще и находится в сомнении: что же ей-то делать, к какому берегу получше да повыгодней пристать, но точно уже на какое-то расстояние отплыла от меня! И кто я теперь есть на самом деле? Самонадеянный индюк? Последний идиот, возмнивший о своей исключительности и как мужчина, и как руководитель, которым вообще-то надо бы, без всякого сомнения, гордиться? А впрочем, какая разница, теперь, когда тебе, пусть пока еще — буду надеяться! — только мысленно, но любимая женщина изменяет с другим? Никакой!»

От острого осознания своих горьких дум Анатолию Петровичу стало в душе так невыносимо горько, что его молодое, здоровое, крепко натренированное за многие годы спортом сердце сильно — до режущей, острой боли сжалась, готовое разорваться!.. Захотелось, как матерому волку, окончательно загнанному в угол мужиками, вооруженными рогатинами, нечеловеческим голосом взвыть на всю округу, как в самом настоящем бешенстве, схватить какую-нибудь жердину, чтобы крушить ею все подряд на пути своем, тем самым как бы расчищая выход из непроглядного мрака, плотно обступившего со всех сторон, — и выйти к какому-то спасительному свету, которой смог бы принести душе, да и сердцу тоже, хотя бы небольшое облегчение!

Тут Анатолий Петрович увидел, что подошел к своему дому, оставалось сделать всего несколько шагов до двери, за которой его нетерпеливо ждала — он был почему-то уверен в этом, как никогда! — любимая жена... Или все-таки его самонадеянная, легкомысленная обидчица? Ответить он не мог, тем не менее, ему страшно хотелось увидеть Марию, чтобы, как грязную воду из стирального таза, выплеснуть из души ей в глаза все,

что он теперь о ней, еще пока своей жене, которой всей душой поверил, кого рассветно любил, о которой порой с тревогой — до темноты в глазах! — напряженно думал. Но в таком предельно нервном — до предела! — состоянии, с кричащей, словно плачущей навзрыд, душой, с сердцем, задыхающимся от суматошного биения, значило бы, как всегда, только одно — изменить своему слову: никогда в смятении не принимать решения, тем более судьбоносного!

И Анатолий Петрович, не чувствуя ни все усиливающегося холода, ни упрямого ветра, никак не унимающегося, а только с каждым часом все холодеющего и холодеющего, пошел по близлежащим улицам кружить и кружить вокруг дома в надежде, что от долгой, дико стремительной ходьбы он, как ни вынослив, все-таки по-страшному устанет — и душой, и сердцем невольно хоть немного успокоится — и тогда можно будет принять единственно верное решение по отношению к Марии, да и к себе тоже... О Хохлове ему почему-то уже больше не думалось — ведь, в конце концов, от женщины зависит тот или другой поступок мужчины, ведь именно она с сотворения мира решает, с кем до конца жизни связать свою хрупкую девичью судьбу. Если она решительно даст любому воздыхателю, так сказать, от ворот поворот, то он никуда не денется — быстро отлипнет, как высохший банный лист.

Сколько времени Анатолий Петрович проходил по поселку, он по часам со светящимся во тьме циферблатом, не следил. Но духовно и физически чувствовал, что с каждым кругом обида на Марию, камнем придавившая душу, как бы отваливается, позволяя все глубже, все размеренней дышать, а тяжелым, горьким мыслям, бурно вскипавшим, как кипятком, — понемногу сгладиться — и потечь, пусть еще не широкими, ровными волнами, но без ветровых взрывов... И уже на пороге напоследок подумал: «А мне, дураку, казалось, — да что там! — самым настоящим образом верилось, что женщина, выбравшая в свои спутники по жизненному пути мужчину с огневой судьбой, должна стать его надежным тылом, чтобы он, понимая это, в полной мере сумел сосредоточиться на отражении роковых стрел, то и дело летящих в его, а значит — и в ее! — грудь. Эх!...» И вошел в дом.

Несмотря на поздний час, Мария, из-за долгого отсутствия мужа уже догадалась, с чем именно он вернется, и поэтому даже не ложилась спать. Еще с вечера одетая в красивое, так идущее ей платье, она находилась в спальне, освещенной лишь лампой под синим абажуром, присев в удобное — с мягкими подлокотниками и спинкой — кресло. В руках, на весу, держала какую-то книгу, которую как будто читала. Но на шум открывшейся двери резко, пусть на миг, подняла голову, потом снова опустила ее, словно боясь страшного удара... Анатолий Петрович, хотя и вроде бы до-

статочно успокоился, все же внутренне сдерживая себя, не спеша снял куртку, но, как замороженный, зачем-то прошел в гостиную, минут пять походил взад-вперед, будто принимал окончательное решение, хотя оно еще на последнем круге вызрело в голове, пусть временно... И гнев перестал полыхать, как костер на ветру... Наконец он, подойдя к дверному проему спальни, из коридора, без лишних предисловий, но с вновь часто-часто забившимся сердцем, напрямую задал вопрос Марии, напряженно вскинувшей голову:

— Значит, все еще никак не можешь решить, что тебе делать со своей симпатией или уже любовью к Хохлову, как разорвать круг, в который сама же в конце весны с радостью вступила?!

И замолчал, думая, что жена, всплыв, тотчас признается в охвативших душу сомнениях... Но она даже слова не проронила, только ее большие глаза стали вдвое грустнее обычного. И ему ничего не оставалось, как вдруг снова резко почувствовав в душе обиду, но в этот раз не на Марию, а на себя, позволившего столько времени считаться в глазах поселъчан мужем, которому молодая жена наставила рога, твердо озвучить решение, принятое на подходе к дому:

— В общем, так... Я, хорошо, как сердечную клятву, помня о своих словах, что ты всегда вольна поступать по своему усмотрению, как бы я тебя ни любил, ни желал, заявляю: с этого момента о том, что мы с тобой — супруги, свидетельствуют лишь брачные записи и штампы в наших паспортах! Как говорится, вот тебе порог, а вот, — Анатолий Петрович поднял руку вверх, — и Бог!.. Конечно, я утром сам уйду, так что уж сделай милость, потерпи меня еще час, другой!..

И, повернувшись, чтобы не разрыдаться, до боли закусил нижнюю губу и вернулся в гостиную, там рухнул в кресло и, убрав до конца громкость, зачем-то включил телевизор, ничего на светящемся ярко экране не видя...

Прошло не больше часа.... Вдруг в спальне, а потом и на кухне раздался какой-то шум, но вскоре во всей квартире снова воцарилась тишина. Лишь было слышно, как в печной трубе гуляет ветер. Пробежало еще несколько времени, позволившего решить, что все-таки Мария, то ли от радости легкого для нее разрешения своего двойственного положения, мучившего душу все последние недели, то ли оттого, что полночное, невольное бодрствование вконец ее утомило, заснула. Если это действительно так, то почему же тогда по-прежнему в спальне горела настольная лампа, от которой свет падал глубоко в коридор?

И тут Анатолия Петровича словно током ударило, да так сильно, что он мигом вскочил на ноги, ветром бросился в спальню. Мария, разметавшись по всей кровати, в самом деле крепко спала. Только ее высокая грудь

при дыхании вздымалось не ровно стелющейся волной, а ломаной, словно легким не хватало воздуха! Бархатистая кожа на лице без единой морщинки была, как всегда, совершенно гладкой, но вокруг глаз с сомкнутыми длинными ресницами подозрительно непривычно посинела, словно на нее легли глубокие сумрачные тени. Взглянув на тумбочку, на которой стоял граненый стакан с недопитой водой, к своему ужасу, увидел две опорожненных упаковки снотворных таблеток. Анатолий Петрович испуганно все понял: Мария почему-то через лекарство, принятие которого в большом количестве значило лишь одно — отравиться — решила свести счеты с жизнью! «Что же ты, глупая, натворила, как только такое могло прийти тебе в голову?! И потом — зачем таким количеством снотворного запаслась?! Неужели от своих сомнений сон потеряла? Скорей всего, так! А услужливая подруга — главный поселковый врач, как настоящей больной, выписала необходимый рецепт!» — тотчас невыносимо горько подумалось ему. И он, может быть, первый раз в жизни растерялся... Все тело словно перестало слушаться его, речь отнялась, хотя язык ворочался во рту, вмиг наполнившемся слюной...

Но что в этот момент надо было срочно делать, он уже знал! Громадным усилием воли стряхнул с себя оцепенение — порывисто взял жену на руки, ногой открыл дверь и, выбежав на улицу, стал искать глазами «уазик». Водитель после заправки горючим поставил его в самый конец ограды, у забора — и сквозь начинающий светлеть предутренний, сизый, как расправленное во всю длину голубиное крыло, сырой воздух, он был хорошо виден. Анатолий Петрович подбежал к нему, второпях несколько грубо положил на заднее сиденье Марию. Но при этом она, продолжавшая пребывать в жутком, можно сказать, смертельном сне, лишь протяжно глухо простонала, как будто ей приснилось что-то очень уж страшное, от которого ей невольно хотелось как можно быстрее и сполна избавиться.

Жалость жгучей, обжигающей кровью, как крутая, прибойная волна, захлестнула сердце — и Анатолий Петрович, молитвенно, чуть ли не в плаче, проговорив: «Ну, потерпи, милая, очень-очень прошу, нет, заклинаю тебя, — потерпи!..» — достал из-под полки ключи зажигания, лихорадочно завел двигатель. Резко сдал назад, развернулся и, сразу включив вторую скорость, надавил педаль газа до упора. «Уазик», как раненый зверь, гулко взревел и, вылетев со двора с ярко горящими фарами, предельно рискованно, хотя и по окружной, но по самой короткой уличной дороге помчался к дому главного поселкового врача, вздымая высоко над землей клубящиеся тучи песчаной густой пыли. Она не стлалась длинным шлейфом за машиной, а, с силой подхваченная ветром, уносилась в сторону лесных деревьев с раскидистыми кронами, с голыми сумрачными ветками, с мед-

нокорыми, ближе к корням бугристыми, стволами, уходящими в предрас- светную высь, и оседала на них, как серый — мышинового цвета! — снег.

У глухой ограды «уазик», намертво схваченный тормозными колодками за колесные диски, проюзил метра три, прорезав в сухом, рассыпчатом грунте две глубокие борозды, и встал как вкопанный. Двигатель заглох, но успел, словно обиженный за суровое отношение к себе, громко стрель- нуть выхлопной трубой бензиновым газом. Калитка, к счастью, оказалась незапертой изнутри. Анатолий Петрович толкнул ее, вбежал на крашенное половой краской крыльцо и стал кулаком нервно барабанить в дверь, пока она не открылась, и не показалось хозяйское заспанное лицо.

— Кто там?! — недовольным голосом спросил мужчина.

— Это Иванов, директор совхоза! Пожалуйста, извините, что ни свет ни заря разбудил вас, но у меня крайне срочное дело к Ирине Дмитриев- не — пусть она как можно быстрее выйдет!

Дверь закрылась. Но буквально через несколько минут открылась вновь, и главный поселковый врач, на ходу застегивая пальто, порывисто вышла на крыльцо.

— Анатолий Петрович, у вас такой угнетенный вид! Что-нибудь плохое случилось?! — тревожно спросила она.

— Да!.. Мария отравилась!..

— Отравилась! Как это так?! — всплеснула руками Ирина Дмитриевна, но тотчас взяла себя в руки. — Чем? Уж не эссенцией ли?!

— Снотворными таблетками!

Едва заметная, но все же светлая тень надежды промелькнула на со- средоточенном лице врача, и она снова задала вопрос:

— Когда?!

— Минут двадцать-двадцать пять назад!

— Нельзя терять ни секунды! А Мария где?

— В машине!

— Срочно поехали в больницу! — и сев в салон, с болью и сострадани- ем взглянув на безмолвно, крайне расслабленно лежащую на заднем си- денье подругу, многозначительно предупредила: — Только, думаю, надо подъехать не к главному входу, а к запасному родильного отделения. Там сейчас никого из рожениц нет! Конечно, шила в мешке не утаишь, но все же нечего чужим людям на глаза в таком случае лезть!

И «уазик» снова, взревев двигателем, понесся дальше сначала по улице Лесной, потом по — Центральной, у леспромхозовского клуба выехал на футбольное поле и, проехав его до конца, подрулил к старому одно- этажному зданию, рубленному из ядреных сосновых бревен, от времени сильно почерневших и изрядно замшелых, с крыльцом под легким тесовым

навесом. Ирина Дмитриевна побежала открывать двери, с чем быстро управилась, а Анатолий Петрович взял на руки Марию, внес в небольшое помещение, почему-то в больнице самое запрещенное для мужчин. Быстрым, острым взглядом выхватил из полумрака кушетку, застеленную прорезиненной тонкой простыней и, осторожно положив на нее жену, вопросительно посмотрел на врача, успевшую за это время снять пальто и уже спешно заполнявшую водой из обыкновенной фляги, в которых обычно перевозят молоко, большой эмалированный кувшин.

— Анатолий Петрович, все — дальше я уже сама!.. — решительно говорила Ирина Дмитриевна. — Езжайте домой! Я вам сразу же, как только окажу Марии всю необходимую помощь, позвоню! — И, видя, что он продолжает стоять в нерешительности, чуть ли ни крикнула: — Ну, уходите же скорей, кому говорю!

— Хорошо! Хорошо! Только...

— Никаких «только»! Все, что в моих силах, сделаю!

31

Обе двери — и на веранду, и в комнату, как были в поспешный отъезд оставлены распахнутыми настежь, так недвижно и висели на своих железных шарнирах. Анатолий Петрович, скорей по привычке, чем осознано, закрыл их за собой. Почему-то ему показался совершенно ненужным, даже тревожно лишним горящий со вчерашнего вечера во всех комнатах верхний свет ламп, — и он, пройдя по дому, выключил его. В гостиной опустился в кресло, как под непомерной тяжестью, согнулся и, упершись локтями в нервно дрожащие колени, до боли сжал ладонями виски, невольно взъерошив и без того взлохмаченные ветром и суматохой волосы. От нетерпеливого ожидания звонка, который мог в равной мере принести как спасительное душевное облегчение, так и непоправимую весть о беде, казалось, что время если не остановилось совсем, то двигалось больно уж мучительно медленно, ну словно по-черепашьи.

Но все больше и больше занимавшийся рассвет уже озарял своими золотистыми лучами не только верхушки деревьев, серебряно зажигал рябь водоемов, понемногу, с оглядкой, как на охоте осторожный зверь, изгонял ночной сумрак из лесных чащ, но и еще слабыми волнами нетерпеливо вливался через незашторенные окна в квартиру, золотисто пятная дощатый пол, лакированную мебель. А в ограде соседского дома красноперый петух взлетел на глухой забор и во все свое небольшое, но звучное горло закукарекал, вдохновенно возвещая на всю улицу о рождении

нового дня, пускай хмуро осеннего, с ожиданием скорых самых настоящих снегов и морозов, когда горячее дыхание при быстрой ходьбе или тяжелой работе раскатисто, как кровельное листовое железо от порывов сильного ветра, тревожно громыкает в ледяном воздухе. Собачий лай, скорее по привычке, чем от злобы, раздававшийся в светлеющем воздухе, и протяжное мычание говорили, что поселковые хозяйки, подоив коров, вооружившись гибкими ерниковыми прутьями, гонят их по дороге на пастбище, за старое русло, пробежавшее по таежной неоглядной глухомани, когда-то величавой горной реки.

Анатолий Петрович, устав ждать звонка, поднялся на ноги и заходил взад-вперед по сумрачному, освещаемому теперь только небесным светом через кухонное окно узкому коридору, бросая с нетерпением и тревогой измученный взгляд на черный, как воронье крыло, телефон. Ему не хотелось думать о плохом, но именно это заполняло все его удрученные мысли, хотя он в помощь своей воле и пытался настроить их хоть на какой-нибудь светлый лад. Наконец пусть и очень ожидаемый, но все-таки, словно грозовой разряд, внезапно на всю квартиру раздался пронзительный звонок. Лихорадочно схватив трубку и обеими руками плотно прижав ее к уху, Анатолий Петрович, готовый к самому худшему, с затаенным дыханием, глухо, как из подземелья, нетерпимо произнес:

— Алло! Алло! Я слушаю вас!

— Это я, Ирина Дмитриевна, как обещала, вам звоню! Сразу же хочу обрадовать: Мария уже вне опасности! В настоящее время лежит под капельницей! Надо хорошенько очистить ее кровь!.. Пока больше ничего сказать не могу!.. До встречи! — и в трубке пошли длинные гудки.

От доброй вести Анатолий Петрович, видимо, потому, что слишком долго ее ждал, словно потеряв дар речи, не успел в ответ ни слова сказать. Стоял, как оглоушенный, минуту-другую, пока, наконец, не стал осознавать, что жизнь, эта страшно капризная дама, в очередной раз лишь горько посмеялась над ним, словно давая возможность, в конце концов, обрести свое настоящее, а не заемное у незнакомых людей счастье. Только это казалось настолько невозможным, что вместо того, чтобы радоваться, вдруг захотелось от обиды, с новой силой вспыхнувшей в душе и, словно ток, больно пронзившей мозг, захлестнувшей сдавливавшей удавкой сердце, завывать затравленным волком, но еще сильнее — увидеть Хохлова, а главное — как можно скорее сполна рассчитаться с обидчиком.

В первый раз Анатолий Петрович понял, как же воздыхатель по Марии ненавистен ему: будь он в эту самую минуту рядом, то, не раздумывая, тотчас убил бы его! Движимый этим, можно сказать, слепым чувством мщения, сорвал с вешалки рабочую куртку и, на ходу надев ее, быстро закрыл двери

на ключ, сел за руль «уазика» и, словно охотник за пустившейся вскачь добычей, помчался в город, с первых же метров тряской дороги увеличивая и увеличивая скорость. Еще никогда в своей пусть еще такой молодой, но уже наполненной до предела хорошими и плохими событиями жизни, даже на кольцевых гонках по льду, желая, во что бы то ни стало, прийти к финишу первым, Анатолий Петрович так рискованно не ездил!

Двигатель, набрав максимальные обороты, с бешеного рева, похожего на звериный, перешел на пронзительно-металлический звон, от которого даже уши закладывало. Коробка переключения передач и ведущие мосты гудели, как реактивный самолет на взлете, — и жестяной кузов на выбитой гравийной трассе трясло так, что оставалось только удивляться, насколько же он крепок... Несмотря на бешеную гонку и опасность, которую она представляла, перед взглядом Анатолия Петровича над дорогой неотвязно маячил ненавистный образ Хохлова. Это никак не позволяло хотя бы на чуть-чуть расслабиться измученной вконец душой. Все большое тело, к счастью, с детства привыкшее к большим физическим нагрузкам, продолжало находиться в диком напряжении, сильно похожем на какое-то жуткое оцепенение. Лишь руки и ноги в результате многолетних тренировок и соревновательных машинных заездах, словно на автомате, успевали вовремя реагировать на постоянно меняющуюся, как в калейдоскопе, дорожную, самим же им до предела усложненную бешеной ездой, ситуацию.

Перед крутым поворотом педаль газа немного отпускалась, но при входе в него снова прижималась до упора — и «уазик» по инерции, без особого риска вылететь в кювет, лихо проскакивал опасный участок. Однако после часа езды, вернее, невероятно тяжелой погоней за судьбой, Анатолию Петровичу стало до того жарко, что пот ручьями потек по лицу, выступил под мышками, залил, как ливневый дождь, мускулистую спину. Чтобы хоть немного остыть, пришлось открыть у обеих дверей окошки. Но вместе со свежим, прохладным воздухом в салон стала врываться густая серая пыль, поднятая встречными машинами. Она быстро покрыла толстым слоем кожаные сиденья, костюм, противно влезала и влезала в рот — и приходилось часто приоткрывать на ходу дверцу, чтобы сплевывать на дорожное полотно. А вот убрать ее из глаз оказалось почти не решаемой проблемой, ибо ладонь только размазывала пыль, провоцировала крупные слезы течь все сильнее!

Все же проведенная без сна ночь, нервное потрясение, словно океанская волна, накрывшая, нет, захлестнувшая душу, и глубокие, порой просто непереносимые переживания за совершившую отчаянную ошибку, но остававшуюся любимой женой, вкупе с дикой ненавистью к обидчику,

притупили разгоряченное сознание и порядком успокоили мятущуюся душу. Уже хотелось просто сделать так, чтобы этот мерзавец Хохлов как можно скорее исчез навсегда из его жизни, и без того ох какой сложной, а порою, когда нервы, как туго натянутые гитарные струны, вибрируя, больно звенят, даже рождающей вопрос: а зачем вообще я появился на свет? И он, это враг, замахнувшийся на его счастье, должен не просто исчезнуть, а, словно провалиться в безвозвратную бездну! С этими непростыми мыслями Анатолий Петрович и въехал в утренний, сравнительно молодой город.

Он уже давно проснулся. На новостройках высокие башенные краны поднимали строительные материалы — и даже в машине были слышны звучные команды: «вира» и «майна». Маршрутные автобусы по улицам, предусмотрительно увлажненным еще на самом раннем рассвете поливочными машинами, останавливаясь на остановках, оборудованных лавочками и защитными козырьками из плексигласа, возили разношерстный люд — кого на работу, кого в больницу, а кого просто в гости. Были и такие — увы, в семье не без урода, — чьи мозги после вчерашней попойки только и смогли настроиться на скорейшее, неважно за чей счет и по какому поводу, похмелье... По тротуарам в оба конца улиц шли пешеходы, но если мужчины в основном налегке, то женщины вели под руку малышей в детский сад или в школу, да еще несли сумки. Эту их вечную ношу, с утра полупустую, а к вечеру нагруженную сполна — чаще всего продуктами. В речном порту многочисленные грузоподъемные краны, издали похожие на огромные цапли, только на длинных, мощных стальных ногах, жужжа лебедками, свистя тросами, проносили по воздуху слегка качающиеся на весу двадцатитонные контейнеры, чтобы погрузить их в трюмы последних в эту навигацию судов.

Поставив свой «уазик» на стоянку с бетонным покрытием перед входом в здание райисполкома, в котором также располагалось на втором этаже и управление сельского хозяйства, Анатолий Петрович посмотрел на часы — они показывали ровно девять часов утра! «Вот и отлично!» — подумал он. — Захвачу Хохлова тепленьким, прямо на рабочем месте!» И, словно перед смертельной схваткой, внутренне собрался, чувствуя, как нервы теперь уже словно вспыхнули, будто электрические провода, от сильного перенапряжения, стальные мышцы тела туго напряглись, словно готовые равно нанести удар и молниеносно отразить его. Кожа, натянувшись на широких скулах, аж побелела, глаза металлически заблестели, взгляд стал острым, как бритва, и глубоко пронизывающим, будто вонзающийся с невероятной силой и точностью нож...

Дверь с табличкой «Главный агроном» Анатолий Петрович решительно распахнул настежь и, не закрывая ее за собой, будто штормовой ветер, сметающий все на своем пути, ворвался в кабинет. Не здороваясь с Хохловым, только что причесавшимся, освежившимся одеколоном и приступившим за рабочим столом к написанию какого-то документа, грохнулся на стул, на котором совсем недавно сидела улыбающаяся, можно сказать, счастливая Мария. Мгновенное, словно вспышка молнии, воспоминание о ней еще больше распалило мозг, заставило стучать по ребрам, как молот по стальной поковке, измученное сердце, кровяными толчками отзываться в висках — и он так зловеще, с такой угрозой посмотрел в ненавистные глаза, что их хозяин испуганно опешил — и ничего другого не смог сказать, кроме как оторопело, словно оглоушенный, поздороваться. Оставив без ответа приветствие Хохлова, Анатолий Петрович откинул резким движением рук полы куртки, ослабил узел галстука и грубо, с вызовом, будто сильно ударил по столу каменно сжатым кулаком, спросил его:

— Ну что, мерзавец, будем делать?

— Я вас не понимаю! Вы это о чем?!

— О том самом, что ты совершил уголовно наказуемое преступление, вступив в сговор с водителем, между прочим, таким же негодяем, как ты, с целью покушения на мою — и не только! — жизнь! Да только подвел он тебя, ох, как подвел, можно сказать, сдал со всеми потрохами, разболтав на весь гараж вашу сокровенную, преступную тайну. Уверен, если следователь прижмет его к стенке, то он, по природе такой же трус, как ты, еще и покаянное признание напишет.

А сельповский шофер, вытаскивающий на своей машине из чертова кювета мой «уазик» без левого переднего колеса — того самого, на котором гайки по твоему наущению были ослаблены! — в деталях поведаст, почему, с чего наущения произошла дорожная авария, в которой я чудом, нет — для того, чтобы тебя, гадину, призвать к справедливому ответу по закону, назло всем смертям, все-таки остался жив! В общем — или ты сейчас же, причем прямо на моих глазах, напишешь заявление на увольнение по собственному желанию, чтобы не позже чем через три дня с концами уехать из района, или я немедленно, прямо из пока еще твоего кабинета, иду в районную прокуратуру подавать на тебя заявление!

И угрожающе замолчал, не спуская жесткого взгляда со своего обидчика. Это позволило Анатолию Петровичу заметить, как при его словах менялось выражение лица агронома — от испуганного замешательства до глубокой паники. Действительно, Хохлов растерянно думал: «Вот подлец этот шоферюга — проболтался все-таки!.. А божился, что он — могила!.. Что сам на директора еще тот зуб имеет! Вот и доверяй людям...

Теперь хоть караул кричи — ведь Иванов, имея крепкие, давние связи в правоохранительных органах, точно добьется если не возбуждения уголовного дела, то уж точно — тщательного расследования аварии. В любом случае — на весь город поднимется скандал, и, чего доброго, меня еще и с волчьим билетом уволят!..» Тяжелый ход его мыслей был прерван яростным окриком Анатолия Петровича:

— Ну что надумала твоя дурья башка?! Говори! Мне тут с тобой разговоры разводить некогда, да и не вмоготу противно, так и хочется — аж кулаки чешутся! — по твоей хохлацкой морде еще раз, да посильней, чем тогда, летом, в кабинете главного ветврача, съездить! А было бы еще лучше и совсем тебя задушить на месте, чтобы ты впредь никому, по крайней мере, на этом свете, ради своего жалкого самолюбия голову высокопарно, а на деле — лживо — не морочил!

— Хорошо! — испуганно сказал Хохлов. — Я сделаю так, как вы угрожаете, извините, просите! — малодушно сдался он, словно последний трус, боясь за свое будущее и, конечно, за семью, которая вдруг при крушении всех его надежд на воссоединение с Марией снова стала для него дорогой, необходимой, словно какой-то небольшой кусок земли попавшему в штормовое кораблекрушение моряку. — Но ведь, вы не можете не понимать, что последнее слово за начальником управления Паком!

— Согласен, за ним! — твердо ответил Анатолий Петрович. — Но он, уверен, сделает, как требует сложившаяся ситуация! Пиши!..

— Сейчас! Сейчас! Только вы даете честное слово, что после моего увольнения все-таки не заявите на меня в прокуратуру?!

— Даю! И будь спокоен — сдержу его!

Понимая, что больше испытывать судьбу опасно, Хохлов взял чистый лист бумаги и, написав на нем нужное заявление, расписался. И так тяжело вздохнул, как будто только что закончил многочасовую, без сна и отдыха физическую работу! Руки у него мелко дрожали, на лбу бисером выступил холодный пот. Анатолий Петрович взял исписанный лист, вслух, чуть не по слогам, прочитал его — и сурово возмутился:

— А почему число, с какого именно просишь уволить, не поставил?! — Вернув заявление, строго потребовал: — Давай, не тяни время, как кот за одно место, ставь сегодняшнее! Тоже мне, писарь хренов!

Выйдя из кабинета с дописанным заявлением, Анатолий Петрович плотно закрыл дверь, успокаивающе думая: «Пусть побудет в одиночестве... Если не раскается в своей подлости, то хотя бы поймет, что иной раз жизнь может так ударить по башке, что и вовек не возрадуешься, еще и смерть молить будешь о скором приходе... А, впрочем, в народе верно говорят: «Горбатого могила исправит!..» И быстро направился к начальнику управления.

Многим людям обычно если везет, то аж по несколько раз подряд. Но к этой человеческой категории Анатолий Петрович, к сожалению, не относился: так уж распорядилась природа, что каждый, даже самый малый, жизненный успех ему давался если не через кровь, то точно — через пот, поэтому он и не удивился, что Пака на месте не оказалось. По словам секретарши, его вызвал к себе первый секретарь — и он, скорее всего, раньше чем через час не вернется. В душевном порыве, все еще никак не отошедший от переживаемого удара судьбы, Анатолий Петрович решил: пусть незвано-негаданно, но все же пойти следом за своим начальником. Но вовремя подумал: «А что, если они со Скоробогатовым не одни... Я со своим вспыльчивым характером только дров наломаю, которых и так уже столько вокруг меня наворочено, что, образно говоря, за всю долгую зиму не перетопить...» Решил: пойду-ка я лучше на реку, там, у воды, на ветерке, глядишь, и поостыну...

И направился к Лене по переулку, в самом начале которого размещалась контора «Нефтеразведки». По припаркованной чуть ли не к самому крыльцу служебной машине руководителя можно было смело предположить, что Рафик Абилович находится у себя в рабочем кабинете. Тотчас подумалось: «А не зайти ли к нему — как-никак с самого конца весны не виделись... Новостей накопилось столько, что и за день не переговорить и не переслушать... А вот надо ли именно теперь, когда еще с текущими проблемами, вдруг, как горная снежная лавина, обрушившимися на мою горячую голову, леденя до огневого жара душу, не разобрался до конца? Скорее всего, нет!»

Пройдя еще каких-то двести метров, Анатолий Петрович оказался у здания гостиницы с тем самым рестораном, в который они с Марией отправились из загса, честно говоря, не утолить голод, а хоть немного по-хорошему опомниться от того судьбоносного шага, который только что так решительно, словно с головой нырнули в светлый, но очень глубокий омут, они сделали. Вспоминать то, что так светло начиналось, но, увы, так горько заканчивается, совсем не хотелось, ибо, кроме боли, это ничего принести не могло. Пришлось прибавить шагу, чтобы скорей миновать здание ресторана — и оказаться на берегу. В том самом месте, куда вышел Анатолий Петрович, он круто нисходил вниз и был матушкой-природой сплошь усыпан огромными гранитными темно-серыми валунами, за века, а может, и тысячелетия, ветрами и дождями словно войлоком, отполированными до лучистого, солнечного блеска.

Лицом к Лене — величественной, как глубокое ущелье с самой горной вершины притягивающей взгляд все глубже и глубже, до самого дна, —

он сел на один из огромных камней и стал пристально, будто в детской игре «Кто кого переглядит», смотреть на ровную, поблескивающую в солнечных лучах, стремительно текущую воду. Ветер к этому времени почти стих, крутые волны понемногу улеглись — и только небольшая морщинистая рябь напоминала о них. Разметанные потоками воздуха свинцовые облака поодиночке быстро просветлели и наплывали с юга — из-за противоположных сопок, отражаясь так глубоко в прозрачной воде, что казались огромными клубками мокрой ваты, а когда проплывал какой-нибудь теплоход, то они вместе со стоящими на якорях прогулочными катерами качались на разбежавшихся по сторонам от острого судового форштевня, довольно высоких, немного гривастых, пусть и пологих волнах.

Чайки почему-то в этот час, как на протяжении всего лета, не летали стремительно над рекой, жадно высматривая плавающих неосторожно у самой ее поверхности рыб, а, сбившись в небольшие стаи, прижав к телу свои белые-белые, как стерильная марля, с черной каймой на концах, крылья, словно озябнув на влажной свежести, говорящей о приближении времени отлета, недвижно сидели на берегу. И то ли отдыхая, то ли думая о чем-то своем, птичьим, с тоской смотрели куда-то вниз по течению, хотя держать многотысячный путь им скоро предстояло совсем в другую сторону...

Чем дольше Анатолий Петрович смотрел на реку, тем все явственней душой чувствовал, как неумолимо спокойней и светлей становились его мысли, пока совсем не потекли, словно речные струи, ровно, даже как бы степенно. И все горькие тревожнения последних суток вместе с водой будто унесло куда-то далеко-далеко на север. Невольно подумалось: «Ладно, в конце концов, в своем мужском разборе с этой сволочью — Хохловым — я сегодня точку поставлю! Да и с Марией, увы, тоже все ясно — пусть катится вслед за ним! А то, что он семейный, совсем не проблема: как часто любит поговаривать мой друг Геннадий, жена не стена, подвинется... Только я сам-то, оставшись один, что теперь буду делать?! Не вопрос! Как с раннего детства, неумолимо заниматься работой, работой и еще раз работой, не жалея живота своего, не считая времени, поскольку только в ней я и нахожу то единственное упоение, от которого сердце поет, глаза, как костер на ветру, полыхают вдохновенным светом! Да, пожалуй, только она ни в чем никогда и не предавала меня!..

И потом, раз уж я вернулся к писанию стихов, то надо и в этом судьбоносном деле неумолимо двигаться все выше и выше, чтобы непременно в поэзии сказать свое веское слово! В том, что это будет именно так, а не иначе, конечно, сомневаться стоит, но ведь талант, если он есть, то его, как говорят в народе, не пропьешь, не растеряешь по жизненной — для одних длинной, для других короткой, но в любом случае — очень тряской дороге.

Главное — надо и своей поэзией, словно любимым делом, жить, как дышать!.. Глядишь, с ее помощью и моя любовь к Марии, как бы она ни была сегодня сильна, понемногу, словно паводковая вода, пойдет на убыль! Да и потом — не зря же знающие люди говорят, что время лечит!..»

Вдруг в мозгу, словно огневая молния, вспыхнули, пророческие что ли, стихи: «Домой — не приезжал давно,/ судьба-работа — не пускала./ Но ты, я верил, все равно/ меня, как прежде, ожидала./ Но, наконец, перед тобой/ стою у растворенной двери,/ стою, смотрю и, Боже мой,/ глазам растерянным не верю.../ В былое время, каждый раз,/ встречала ты улыбкой верной,/ теперь с печалью синих глаз/ молчишь, дрожа губами нервно./ Как будто, напрочь разлюбя,/ ты обо мне навек забыла,/ да так, что не простить себя,/ как бы прощенья ни просила./ Рассветно, сквозь глухую тьму, тревог, сомнений, словно к морю, —/ спешил я к счастью своему,/ а получается, что — к горю».

«Вот даже и стихи подтверждают правильность моего вчерашнего решения! — вновь подумал Анатолий Петрович. — А может, все-таки в этот раз я ошибаюсь?! Нет, сто тысяч раз — нет! Никто, повторяю, никто не имеет права, неважно — по недомыслию или нарочно — топтаться грязными ногами на моих солнечных чувствах, тем более тот человек, кому так свято поверил! Кого пусть в воображении, но вознес до золотых небес!.. Все, хватит! — больше никаких размышлений! Только — вперед и вперед к новой литературной цели!.. И не может быть такого, чтобы небеса, в конце концов, услышав мои страстные мольбы об ответной любви, не послали мне ее! Иначе зачем тогда вообще жить? Незачем!..» И, посмотрев на часы, понял: надо возвращаться — Пак уже должен быть на месте. Так и оказалось.

Он сразу же, почти не держа в приемной, сославшись на срочные, очень уж важные дела, принял Анатолия Петровича, по-отечески улыбаясь, крепко за руку поздоровался с ним и спросил:

— А что такой хмурый, осунувшийся? Неужели на тебя так угнетающе подействовала вся эта волокита с расследованием якобы имевшей место переплаты за возведение стен сельхозхимовского гаража, что впал, как старик, в непроходящую бессонницу?

— Действительно, я этой ночью, скажу так, бодрствовал, только по совсем другой причине, но сегодня, честно признаюсь, вдруг ставшей более важной для меня, чем любая другая!

И решительно, как свое, положил на рабочий стол, перед своим начальником, заявление... Пак тотчас близоруко поднес его к глазам, тем не менее, не спеша несколько раз, словно не веря себе самому, прочитал и, ничего не понимая, удивленно произнес:

— Так эта просьба об увольнении, да еще и с сегодняшнего дня, не твоя, а Хохлова! Ничего не понимаю!.. Все-таки можешь нормальным человеческим языком объяснить, что происходит?..

— Хорошо! Только не спрашивайте меня, какое мне дело до судьбы вашего главного агронома! Просто постарайтесь верно понять, что, может, к сожалению, а, может, и к счастью, жизненные обстоятельства сложились таким образом, что это заявление, можете считать моей глубочайшей просьбой и, извините, требующей немедленного выполнения!

— Не хочешь ли ты, Анатолий Петрович, этим самым сказать, что я должен сделать выбор между тобой и Хохловым?

— Не хочу!.. Но если вам будет в таком случае легче принять решение, то будем считать, что вы правы!.. Но слово даю — в свое время, конечно, если мы еще хоть раз увидимся, исповедоваться перед вами.

На несколько минут в кабинете повисла глубокая тишина, в которой Пак, смотря на молодого директора, сидящего с таким видом, словно его огромной железобетонной плитой придавили — и он из последних сил удерживает ее, чтобы она вконец не сплющила его, проникся к нему тем, пусть непонятно по какой причине, но всколыхнувшем душу сочувствием, которое заставило, наконец, заявление Хохлова завизировать. Потом он вызвал начальника отдела кадров, женщину в возрасте, полноватую, с гладко зачесанными назад и собранными в узел, тронутыми легкой сединой волосами, с умными карими глазами, одетую в вязаную кофту и длинную черную шерстяную юбку, и велел ей срочно подготовить приказ об увольнении главного агронома по собственному желанию. И только после этого спросил Анатолия Петровича:

— Теперь, надеюсь, ты доволен?

Но его молодой товарищ продолжал молча сидеть, словно ко всему происходившему на его глазах он потерял всякий интерес. А ведь почти так оно и было, ибо ему вдруг до боли в сердце вспомнилась все то, что можно сказать, потрясло его судьбу до самого основания. Наконец, увидев вопрошающе устремленные на него глаза своего прямого начальника, он, словно долгожданно вынырнув из морской пучины, виновато произнес:

— Извините, что вы, Владимир Андреевич, сказали!

— Спросил, доволен ли ты?

— Чем?.. Ах, понял — увольнением Хохлова! Честно говоря, даже и не знаю! Нет — да-да! — именно так! Но в любом случае лучше не иметь рядом такого подлого человека! И, поверьте, я знаю, что говорю!

И снова ему с невыносимой тревогой подумалось о Марии. И он, словно окончательно приходя в себя, попросил Пака:

— А можно я по вашему телефону позвоню?

— Куда, если не секрет?

— По делам!

— Понимаю: хозяйство, особенно такое, как у тебя, — больно уж хлопотное, оставленное без догляду даже на день, тревожит! Звони, конечно! Я же пока к председателю райисполкома зайду!.. — И ушел...

Анатолий Петрович, движимый порывом скорее узнать, как обстоят дела со здоровьем Марии, даже не заметил, как, словно на автомате, сел в начальственное кресло и с замиранием сердца набрал номер родильного отделения поселковой больницы. В трубке долго раздавались продолжительные, томительные гудки, наконец в ней сквозь какую-то трескотню плохой телефонной связи, словно из морозной зимней пурги, послышался слегка дрожащий голос Ирины Дмитриевны:

— Алло! Алло! Больница на проводе!.. Не молчите, я слушаю вас!

— Это Анатолий Петрович!

— Наконец-то! А то я уже и за вас волноваться стала! Откуда звоните?

— Из города! — быстро ответил он.

— С какого номера? — И, узнав, сказала: — Я вам сейчас перезвоню.

— Жду!

Где-то через минут пять Ирина Дмитриевна действительно перезвонила и сообщила об улучшающемся самочувствии Марии и о том, что она уже этим вечером вернется домой. А при ней не стала разговаривать потому, что не хотела ставить ее в неудобное положение — ведь он обязательно задал бы и другие вопросы... И чтобы ответить на них как на духу, она перешла в ординаторскую, где обычно в это время никого нет, поскольку все медсестры делают в процедурной палате больным уколы, перевязки, оказывают другую медицинскую помощь.

— Все это понятно! — перебил нетерпеливым голосом врача Анатолий Петрович. — Вы мне ответьте: Мария в состоянии говорить здраво, рассудительно мыслить, а главное, отдавать отчет своим действиям?

— Ну конечно!

— Тогда у меня к вам, извините, прямой вопрос: а вы ее не спрашивали, что именно ее заставило или вынудило — какая разница! — пойти на уж слишком крайний шаг?..

В трубке на некоторое время возникло тягостное молчание, лишь было слышно ворчливое потрескивание. Видно, ответить сходу, без обдумывания, с подбором конкретных, верных слов, выражающих суть случившегося ночью, оказалось для Ирины Дмитриевны делом непростым. Наконец она, словно «через не могу», проговорила:

— Как ни странно, но несомненное знание вашего непримиримого, железного характера, способность всегда и во всем: малом и большом — держать свое слово. Наверно, так...

— Вы что, сговорились там, что ли? — вспыхнул Анатолий Петрович. — Решили на меня такой страшный грех, как попытку самоубийства, повесить! Или я что, по-вашему, должен был и дальше, как таежный лось ветви деревьев, наставленными мне какими-никакими, но рогами, сшибать язвительные взгляды посельчан? Знаете, по одному из таких поводов Михаил Лермонтов в одном своем великом стихотворении, словно кровью, написал: «Все это было бы смешно, / когда бы не было так грустно...»

— Да успокойтесь вы, Анатолий Петрович! Хотя бы до конца, чисто из уважения ко мне, выслушайте человека, желающего вашей семье добра!

— Ну-у! Слушаю!

— Так вот, когда вы в жесткой манере, похожей на самый настоящий ультиматум, указали ей на порог, да еще и как бы к Богу отправили, она, словно перед бездной, в которую вот-вот сорвется, вдруг пронзительно до боли поняла, что никого не любит, кроме вас, что некоторое увлечение Хохловым является не чем иным, как ее очередным взглядом на жизнь сквозь розовые очки. Но поскольку вы никогда ей даже этого не простите, то для нее жить дальше не имеет никакого смысла!

— Что, что вы такое сказали?! Или я ослышался?! Она любит меня?!.. Из-за этого?!.. Быть не может, ну хоть на куски режьте! — И, впад в глубокое смятение, Анатолий Петрович положил трубку на аппарат.

Через минуту, вспомнив, что он оторвал от важной работы уважаемого человека, встал, подошел к окну, устремил горький взгляд в осенние, просветленные небеса и, словно надеясь оттуда получить на свой вопрос точный ответ, растерянно спросил себя: «После того как я простился со своей женщиной, которую страстно любил, но узнал, что и сам ею любим, что же мне делать-то, что?!» Но, сколько он с надеждой ни ждал, ответа — ни в душе, ни в мыслях не было. Тогда он вышел в приемную, посмотрел невидящими глазами на секретаршу, женщину пенсионного возраста, всегда жизнерадостную, с искрящимися светом внимания синими глазами, с крашенными в каштановый цвет волосами, спадающими на вязаную серую кофточку. Она при его появлении тотчас, то ли из уважения к нему, то ли потому, что ее начальник на планерках хорошо отзывался о нем, даже иной раз ставил в пример другим, более старшим по возрасту, обладающим большим опытом руководства хозяйствами директорам, встала из-за стола и, не говоря ни слова, смотрела, как он, словно вконец уставший, не спеша надел куртку и вышел в коридор, даже не закрыв за собой дверь.

Ветер, дувший с севера несколько дней подряд, принося угрюмые тучи, готовые пролиться ливневым дождем, наконец, почти стих. По крайней

мере, на улице, защищенной с двух сторон жилыми и административными, построенными из кирпича и стекла пятиэтажными домами и густыми кронами парковых деревьев с вечно зеленой, длинной хвоей, источающей терпко-горьковатый запах, настоящий на смоле, солнечном тепле, дождевой влаге. О своем присутствии ветер напоминал лишь бессмысленной игрой с какими-то цветными бумажными обертками, желтой, уже успевшей пожухнуть, занесенной из городского парка, березовой и тополиной листвой, то лениво взметая их и пронося несколько метров вдоль тротуаров, то медленно, как на парашютиках, опуская, только уже на другое место. Еще утром по небу сплошным фронтом плыли плотные облака, теперь же они значительно поредели, розовато просветлились и служили лишь своеобразным стаффажем на огромном природном полотне пронзительно чистой синевы.

Анатолий Петрович сел за руль своего выдавшего виды «уазика», не спеша, развернулся и, верно заняв крайнюю правую дорожную полосу, чтобы не мешать медленной езде другим машинам, поехал назад в поселок, по воле судьбы как бы ставший ему родным... Теперь, когда он был один на один с собой, вопрос, вспыхнувший в воспаленных от бессонной ночи, от треволнений, свалившихся ему на голову, как ледяной снег с крыши, возник снова. И неспроста, ибо без полного ответа на него не имело никого смысла возвращаться домой...

И, охваченный, как мятежным пламенем, неутомимым поиском его, он вдруг стал размышлять: «Да, Мария легкомысленно поставила меня в дурацкое положение, прежде всего в глазах моих подчиненных, привыкших видеть во мне пример негибимой воли, жажды жить и творчески подходить к решению тех или других производственных вопросов, да и не только... Но поскольку, честно говоря, им по большому счету дела нет до моей личной жизни, я из-за случившегося этой ночью происшествия с Марией не должен пасовать перед ними, ходить на работу, словно в воду опущенный. Конечно, не совсем хорошо, что в отношениях с любимой женщиной вышло по известной народной пословице: «Нет худа без добра...» Но поскольку худо, пусть больно взорвав душу, как порох ядреный пень, миновало, а добро по-настоящему заговорило в полный, звонкий голос, разумно ли продолжать потакать ущемленному, проклятому мужскому самолюбию? Позволять ему травить и травить и без того уставшую душу? Скорей всего, нет! А коли так, то что же я, черт окаянный, к своему счастью, да-да, именно — к счастью! — еду, как на самых настоящих похоронах?!

Однако не торопись, иначе, как говорится, людей насмешишь! Ведь Мария, считай, чудом вернувшаяся с того света, захочет ли сама, пусть и любя, не то что жить со мной дальше, но и вообще видеть меня? Не зря же

она призналась, что ей со мной тяжело... А теперь, после всего пережитого, может быть, и вовсе — невыносимо! Нет, это вложиться в рамки разумного ну никак не может. Потому что она, ее величество женщина, наконец, по-настоящему полюбив, по своей воле, вполне сознательно, поставила на одни весы судьбы окончательный разрыв с дорогим человеком и саму смерть, которая пусть временно, увы, перевесила, но благодаря небесам, к счастью, не сняла свой скорбный урожай и подтвердила, что Марии жизни без меня нет! Поэтому не забивай-ка, и без того кипящую от тревожных последних суток дурацкими сомнениями башку, а жми, да пошибче, на педаль газа!»

Анатолий Петрович, высоко вскинул голову, резко мотнул ею несколько раз, словно хотел разогнать последние сомнения, грозовой тучей нависшие над душой. И стал, как несколько часов назад, только уже светлым-светлым сознанием из-за того, что и в этот раз ему удалось ценой невероятных духовных сил устоять перед ударом судьбы, разгонять служебный «уазик» до предельной скорости, как будто вдохновенно хотел вместе с ним, как стремительный сокол, крылато взмыть в бескрайние небеса, где всю разгоралась его страстной любви бессмертная звезда. И понял, что нестерпимо жгуче желает, как можно скорей, увидеть здоровой свою ненаглядную женщину, чтобы, обняв ее, задохнуться от чувства расцветной нежности к ней.

Но хорошо зная свою очень ранимую душу, глубоко переживающую даже небольшие горестные изменения в этой быстротекущей, быстролетной жизни, тем более глубоко личной, Анатолий Петрович не мог не понимать, что вонзившаяся, как острая заноза, в сердце, пусть случайная, но, тем не менее, горькая обида — больше на себя, чем на Марию, — будет до конца дней его, в зависимости от разных обстоятельств, то усиливаться, заставляя снова и снова страдать, то как бы забываться, но и в этом случае саднить и саднить... Но разве тогда, да и много позже, у него, готового ради любви на невиданно благородные поступки, был хоть какой-нибудь выбор? Нет!.. Да и кто знает — есть ли он вообще, ибо не человек выбирает любовь, а любовь выбирает человека. И Анатолий Петрович, лишь на мгновение омрачившись, выдохнул: «Вот и ладно... В конце концов, никто в полной мере не принесет человеку ни огневой любви, ни светлой радости, увы, и горя, кроме него самого! На этом мир наш стоял и, надо упрямо, нет, стоически надеяться, что стоять будет до конца последних времен!» □

Алла Зубкова

ПЕВЕЦ МОСКВЫ

В.А. Гиляровский

Полвека проработал он московским хроникером и бытоописателем. Его знала вся Москва — писатели и журналисты, артисты и художники, полицейские и воры с Хитровки, миллионеры и нищие попрошайки — так называемое «дно» города и так называемый «свет». Владимир Алексеевич Гиляровский поражал удивительной цельностью и своеобразием своей натуры. Он был необычен во всем — в своей биографии, внешности, в своей разносторонней бурной талантливости. Силач, способный завязать узлом железную кочергу и свернуть в штопор серебряную ложку, он обладал тонким умом, большими знаниями во всех областях жизни, пером, сильным и верным, которое неизменно привлекало к его репортажам, корреспонденциям и книгам внимание читателей.

Дядя Гиляй, как его все называли, дружил с Чеховым, Куприным, Бунным, Шаляпиным, многими актерами и художниками. Он был обаятелен своей мужской красотой и статью. Репин написал с него одного из казаков своей знаменитой картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Скульптор Андреев лепил с него Тараса Бульбу для барельефа на памятнике Гоголю. Таков был этот человек.

Владимир Алексеевич Гиляровский появился на свет в ноябре 1853 года на хуторе неподалеку от Кубинского озера среди дремучих вологодских лесов. *«Самое мое рождение было приключением, — рассказывал писатель. — Я родился в хлеве, куда мать пошла доить свою любимую корову, и меня, всего занесенного снегом, принесла в подоле в кухню».* Отец будущего «короля репортеров», Алексей Иванович Гиляровский, после окончания курса духовной семинарии служил помощником управляющего лесным имением гра-

фа Олсуфьева в Вологодской губернии. Был он новгородцем с Белозера, потомком местных охотников и рыболовов и одним из лучших медвежатников на всю округу, выходившим на медведя с одной рогатиной. Его прямой начальник, управляющий имением, бывший кубанский казак Петр Иванович Усатый, приехав с женой и дочкой на Вологодщину, сменил фамилию на Мусатова. Его дочь, Надюша, пришлась по сердцу молодому Гиляровскому, и вскоре он женился на ней. Семья жила очень дружно. Надежда Петровна

В.А. Гиляровский — юнкер

по вечерам пела протяжные песни кубанских и донских казаков, иногда читала вслух Пушкина и Лермонтова, к тому же и сама писала стихи.

Володе исполнилось восемь лет, когда она умерла. Вскоре отец получил место чиновника в губернском правлении, и им пришлось переехать в Вологду. Там он снова женился. Второй женой его стала родовитая дворянка Мария Разнатовская. После смерти матери жизнь мальчика резко изменилась. На хуторе он при-

вык к простой привольной жизни, а мачеха, женщина светская, полюбив Володю как родного сына, считала своим долгом отучить его от «деревенских манер» и с первых же дней начала заниматься с ним французским языком, щедро одаряя во время занятий конфетами. Мальчик быстро освоил французский и легко поступил в первый класс гимназии.

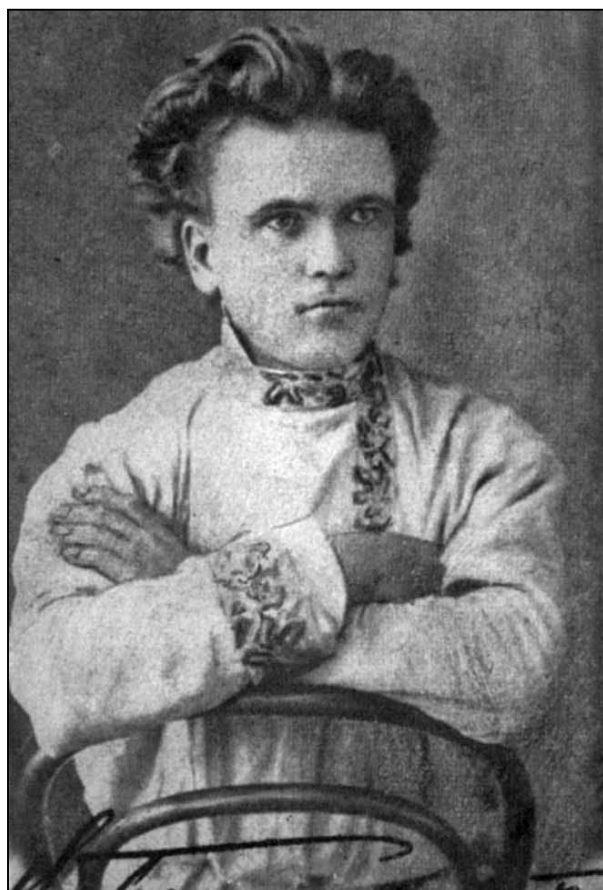
С хутора в Вологду вместе с Володией и его отцом переехал их родственник, бывший матрос Китаев. Настоящая фамилия его была Югов. Фигура необычайно колоритная. Китаевым его прозвали, потому что несколько лет он, находясь в бегах, провел в Китае и Японии. Человек геркулесового сложения, он обладал чудовищной силой. Как вспоминал Гиляровский, десяток мужиков не мог с ним сладить: он их брал как котят и отбрасывал от себя далеко, неистово ругаясь не то по-японски, не то по-китайски. Володя смотрел на Китаева, как на сказочного богатыря. Тот тоже его очень любил, обучал гимнастике, атлетике, плаванью, лазанью по деревьям и некоторым невиданным тогда приемам борьбы, которые, как Гиляровский позднее узнал, входили в арсенал знаменитой японской дзюдзюцу. Начитавшийся Купера и Майн-Рида Володя был в восторге от Китаева, перед которым блекли все американские герои. Он и сам креп не по дням, а по часам. Еще со второго класса мальчик увлекся цирком и за две зимы стал неплохим акробатом и наездником. Разумеется, все это ска-

зывалось на занятиях. Учился Володя, в общем, неплохо, но математика ему давалась с трудом, из-за нее даже пришлось остаться на второй год.

Как-то в руки ему попался роман Чернышевского «Что делать?», и один из его персонажей, Рахметов, который, чтобы закалить себя, спал на гвоздях и пошел в бурлаки, стал его кумиром.

Владимиру исполнилось восемнадцать лет, когда он решил тайком покинуть отчий кров и податься в бурлаки. Он пешком отправился в Ярославль, без копейки денег, без документов, рассчитывая только на самого себя.

1871 год вошел в историю Поволжья как холерный год. Сильнее всего от болезни страдали бурлаки. Смертность среди них была чудо-

Он был необычен во всем — в своей биографии, внешности, разносторонней бурной талантливости. Силач, способный завязать узлом железную кочергу и свернуть в штопор серебряную ложку, он обладал тонким умом, большими знаниями во всех областях жизни и сильным, верным пером

вищная, и найти работу в «ватаге», как назывались артели бурлаков, не составляло труда. Алексей Иванов (этим именем Владимир назвался в честь отца, Алексея Ивановича) отлично вписался в «ватагу», тащившую баржу в Рыбинск. Несмотря на молодость, силой он превосходил едва ли не всех своих товарищей,

а бесстрашием, ловкостью и разными «отчаянными» фокусами, которым научил его Китаев, заслужил у своих новых приятелей прозвище «Алеша Бешеный».

В лямке Володя провел около двадцати дней. Это была уникальная школа жизни. Никакие университеты и книги не заменили бы ста

пятидесяти верст бурлацкого пути по берегу Волги. В Рыбинске рабочие руки требовались везде, и Алешу Бешеного сразу взяли в артель грузчиков. По пятнадцать-шестнадцать часов длился рабочий день — все время бегом по прогибающимся деревянным сходням с многопудовым мешком на спине. Сила здесь ценилась выше всего, и «Алешу», без труда сгибавшего пятиалтынный пирожком, уважали все его товарищи. Кстати, именно здесь в Рыбинске Владимир Гиляровский написал

свое первое стихотворение «Крючник» — так называли на Волге грузчиков.

Неизвестно, как дальше повернулась бы его судьба, не отправь он письмо отцу, в котором кратко рассказывал о своей жизни и сообщил свой адрес. Отец немедленно приехал к нему в Рыбинск и уговорил вернуться домой. Он очень хотел, чтобы Владимир прошел военную службу, и тот поступил вольноопределяющимся в Нежинский пехотный полк, стоявший под Ярославлем. Вскоре

Владимир приобрел славу лучшего строевика, и его направили в Московское юнкерское училище. Пробыл он там, однако, недолго. Как-то после веселой попойки с товарищами юнкерами в одном из трактиров, он, возвращаясь в казармы, решил немного прогуляться по Лефортовскому парку и на одной из аллей обнаружил брошенного кем-то младенца. Гиляровский отнес ребенка в казармы, но этот благородный поступок принес ему лишь неприятности. По приказу начальства Владимир был отчислен из училища «без указания причин». Он вернулся в Ярославль, но в полк не явился, решив, что военной службы с него достаточно.

Ни денег, ни постоянной работы не было — везде, куда он ни обращался, получал отказ. Кое-как перебивался временными заработками, чаще всего колкой дров. Жил впроголодь, но отцу из гордости не писал. Чтобы не сгнить в холодные месяцы, поступил на местный завод свинцовых белил. Он полагал, что вырвался из ада, а получилось наоборот. Всю смену приходилось дышать ядовитой свинцовой пылью, рот повязывали тряпками, но они не спасали. Свинец попадал в легкие и оседал там, сначала терялся аппетит, потом наступала слабость. Через год-полтора большинство рабочих погибало. Владимира спас от смерти бывший волжский атаман, знаменитый Репка, которому юноша пришелся по сердцу. Он посоветовал ему все свободное время рубить дрова на улице, помогая заводскому

сторожу. Четыре-пять часов на чистом морозном воздухе спасли легкие от свинцовой пыли, сохранили здоровье и силу.

Потом была работа на нижегородской ярмарке, путешествие к Жигулям, тяжелый труд плотовщика. Владимир прошел на плотях от Царицына до Астрахани. Так у берегов Волги пролетели три первых года скитаний молодого Гиляровского — они прошли среди тех, кто вел ежедневную жестокую битву за жизнь.

После Волги он попал в задонские степи и около года жил на зимовнике. Здесь также жизнь не баловала его и требовала большой физической силы, выносливости, ловкости. Иной раз, охраняя табун, он по несколько суток проводил в седле. Особенно трудно приходилось во время снежных буранов. Гиляровский страстно полюбил степи. Полюбил на всю жизнь. Должно быть, сказалась дедовская кровь. Местные уважали его за знание лошадей, разные выкрутасы джигитовки и вольтижировки, за ловкое владение арканом.

Из степей жизненная дорога привела Владимира на арену цирка. Он стал выступать с номером «Алексис на неоседланной лошади». Иностранное имя привлекало публику. Гастроли в Ростове, Воронеже, Тамбове.

А потом — новый жизненный кулбит. Во время гастролей он встретил труппу бродячих актеров и остался с ними. Молодому актеру-любителю повезло: он попал в первоклассную труппу. Его близкими друзьями стали знаменитые в будущем русские

актеры — Далматов, Давыдов, Андреев-Бурлак. Разумеется, ему поручали лишь роли второго плана, но он все равно был безгранично счастлив.

Актерскую карьеру Гиляровского прервала русско-турецкая война 1877–78 годов. Владимир ушел в армию добровольцем. Военные действия проходили на Кавказе, и Гиляровский навсегда влюбился в этот край и его обитателей. Он служил в

ее из рук отца и, не торопясь, завязал в узел. Алексей Иванович не проронил ни слова, пока Володя трудился над кочергой. Потом забрал ее у сына, спокойно развязал и, поставив на место, сказал: «Не порть отцовского имущества».

В Пензе Гиляровский с рвением и старанием взялся за работу. Далматов зачислил его в труппу под псевдонимом «Владимир Сологуб». Осо-

и денег, ни постоянной работы не было. Володя кое-как перебивался случайными заработками, чаще всего, колкой дров. Потом была работа на нижегородской ярмарке, поездка к Жигулям, тяжелый труд плотовщика. Там, у берегов Волги и пролетели три года скитаний молодого Гиляровского

отряде пластунов, так называли тогда разведчиков, людей лихих и отчаянных. За храбрость в боях Гиляровского наградили солдатским «Георгием». Но мыслями он уже был в российской глубинке, куда его звали друзья по театру...

По дороге в Пензу, где выступала труппа Далматова, Владимир ненадолго заехал к отцу. Там и произошел случай, который затем в некоторых вариациях рассказывали и передавали как легенду. Как-то вечером они с отцом сидели у печи и беседовали. Жарко пылали дрова, и отец время от времени помешивал их большой кочергой. Володя взял

бой ценности как актер молодой человек не представлял, но своей добросовестностью и преданностью театру мог служить примером любому актеру. Одновременно Гиляровский писал эпиграммы на друзей по сцене, стихи, небольшие кусочки прозы — все в тетрадь, которую называл «Бредни Сологуба».

Сцена свела молодого Гиляровского со многими людьми не только артистического, но и литературного мира. 1881 год положил конец его бродяжнической жизни. Перед Пасхой Владимир приехал в Москву в поисках ангажемента и, получив вскоре работу в театре Бренко, окон-

*Жена
Гиляровского —
Мария Ивановна
Мурзина*

чательно решил, что Москва — лучшее место на Земле. Товарищ по сцене В.Н. Андреев-Бурлак познакомил его с редактором юмористического журнала «Будильник» Кичеевым, представив Гиляровского не только как актера, но и как поэта. По просьбе журналиста Владимир прочитал ему свои последние стихи, которые Кичееву очень понравились. Через неделю стихотворение «Все-то мне снится Волга широкая ...» появилось в «Будильнике» за подписью «Вл. Г-ий». Радости автора не было границ.

Первый литературный успех настолько его окрылил, что он решил

бросить театр и всецело посвятить себя литературной деятельности. Именно в это время Гиляровский писал своей невесте Марии Ивановне Мурзиной (он познакомился с ней в Пензе): «Я много видел горя людского и с миром хочется потолковать о нем». Действительно, десятилетние скитания многое дали ему. Как и Горький, он с полным правом мог сказать: вот «мои университеты».

Теперь бродяжническая жизнь сменилась на обязанности летучего корреспондента и вездесущего столичного репортера — к примеру, днем он завтракал в «Эрмитаже» или у знаменитого Тестова, ночью,

добывая материал, бродил по притонам Хитрова рынка. То по поручению редакции пил шампанское на генерал-губернаторском рауте, то, быстро собравшись, ехал осматривать задонские зимовники, занесенные снегом табуны.

Картины его жизни мелькали, как в калейдоскопе. Сегодня, например, Николай Рубинштейн дирижирует в Большом театре на сотом представлении «Демона», на кото-

ром присутствует вся Москва в бриллиантах и фраках — и Владимир описывает обстановку этого торжественного спектакля. А уже через неделю — Кавказ, знакомые по войне места, Чертова лестница, заоблачный аул Безенги, а еще выше, под снежной шапкой — Коштан-Тау, на стремнинах ледяного поля бродят чуткие туры ...

Гиляровский присутствовал всюду, все знал, везде поспевал. Ма-

стер великолепных стихотворных экспромтов, он в веселой компании исписывал ими скатерти. Потом эти стихи гуляли по всей Москве, а нередко и за ее пределами. Дядя Гиляй, как его стали называть с начала восьмидесятых, обладал свойством быстро сходиться с самыми разными людьми. Всюду у него были приятели и друзья. Он был своим человеком среди обитателей знаменитого Хитрова рынка, которые видели в нем защитника и покровителя, за просто появлялся в самых зловещих притонах, и никто не смел тронуть его пальцем. Лучший охранной грамотой было его великодушие. Оно смирало даже самые ожесточенные сердца. Он не знал, что такое страх.

Журналистская жизнь заставляла его то подниматься под облака, то опускаться в адские клоаки. Это отнюдь не преувеличение. Вместе с аэронавтом Бергом он совершил полет на воздушном шаре — по тем временам это было дело нешуточное, — заменив собой помощника аэронавта, который запил и не явился к назначенному сроку. Вскоре после полета Гиляй забрался в «преисподнюю» Москвы, на дно реки Неглинки. Где-то около Самотеки он со своим помощником спустился в сточный колодец и прошел в бурлящей воде под Цветным бульваром до Трубной площади. В сильные дожди Неглинка заливала подвалы близлежащих домов, и люди задыхались от чудовищной вони. Это было настоящим бедствием. После этой «экспедиции» Гиляровский

написал разгромную статью, и власти тут же распорядились очистить Неглинку.

Он был единственным журналистом, ставшим непосредственным свидетелем страшной Ходынской катастрофы. Давка на Ходынке произошла в 1896 году в день коронации Николая II. Из-за преступной халатности властей в чудовищной давке погибли тысячи людей. Только благодаря своей богатырской силе Гиляровский сумел выбраться из толпы, практически из тисков смерти. Рухнув в изнеможении около ограды беговой аллеи, он стал рвать и жадно есть траву, чтобы утолить нестерпимую жажду, а потом на некоторое время впал в беспамятство... На следующий день только в «Русских ведомостях» появилась статья Гиляровского о Ходынской катастрофе. Другим газетам потом запретили писать об этом. Автор статьи стал героем дня.

За годы своей журналистской деятельности Гиляровский сотрудничал кроме «Русских ведомостей» еще и с «Московским листком», «Россией», «Русской мыслью», «Будильником» и другими изданиями. Многие известные писатели того времени высоко оценивали литературный талант Гиляровского и полагали, что его рассказы и очерки вполне достойны, чтобы их выпустили отдельной книгой. В 1887 году он последовал совету Глеба Успенского, собрал пятнадцать рассказов и очерков, опубликованных в разных изданиях, и свел их в книгу, дав ей название «Трущобные люди». Книгу

напечатали в одной из московских типографий, и автор был безмерно счастлив. Но цензура, пропустившая в печать эти произведения по отдельности, решила, что все вместе они произведут на читателя «гнетущее впечатление» и могут вызвать нежелательные мысли. Было принято решение сжечь весь тираж. Однако рабочим типографии удалось собрать из бракованных листов один экземпляр, который и был преподнесен автору. Спустя много лет оказалось, что сохранилось еще три экземпляра.

В 1884 году Владимир Алексеевич вступил в брак с уже упоминавшейся Марией Ивановной Мурзиной. Венчались они в январе в церкви Спасского дворца, что у Красных ворот. На церемонии народу было немного. Со стороны жениха присутствовали только репортер Русаков и Антон Павлович Чехов.

Маша, хотя и росла без матери, получила прекрасное воспитание и образование. Она имела диплом учительницы, свободно говорила по-французски, отлично владела немецким, была необычайно искренней и доброжелательной, а хозяйкой просто образцовой. Мария Ивановна стала неутомимым, бдительным и никем не заменимым стражем благополучия своего беспокойного мужа.

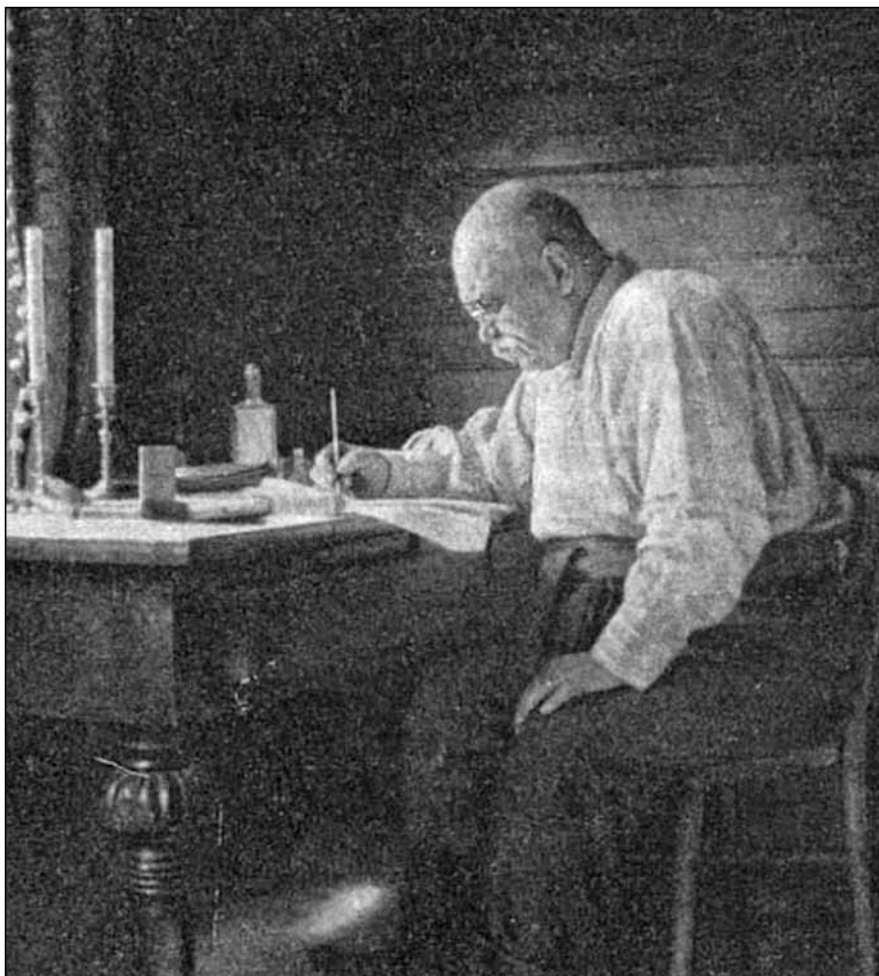
После свадьбы Гиляровские поселились на 2-й Мещанской (ныне улица Гиляровского), потом недолго жили в Хлыновском тупике, а затем в Столешниковом переулке, который они сами и их многочисленные

друзья называли «Столешниками». Кто только не перебивал в их гостеприимном хлебосольном доме за долгие годы жизни там! Человек масштаба Гиляровского, обладавший к тому же такой широтой натуры, как магнит притягивал к себе лучших и наиболее талантливых представителей русской интеллигенции. В передней квартиры стоял большой желтый деревянный диван, на котором любил сидеть Лев Николаевич Толстой. Обычно он заходил в Столешники по пути домой в Хамовники из училища живописи на Мясницкой, где занималась его дочь Татьяна.

Еще на заре своей литературной деятельности в редакции юмористического журнала «Будильник» Гиляй познакомился с молодым, еще не известным публике писателем Чеховым. Там и началась их дружба, которая потом перешла в более тесную — домами. Гиляй относился к Антону Павловичу с трогательной нежностью, и тот отвечал ему взаимностью. Хотя Владимир Иванович и отличался богатырским здоровьем, но иногда и он нуждался в помощи доктора. Чехов лечил друга, когда он обжегся на пожаре и когда сломал ногу. Порой, в случае необходимости, Гиляй отправлял Антону Павловичу записки с просьбой прийти, иногда в стихах:

*Здоровей, чем рыцарь в латах,
Не боялся я простуд.
39,3! Что мне делать тут?
Не был ты врачом богатых,
Значит, мне и помогай.
39,3! Твой всегда Гиляй.*

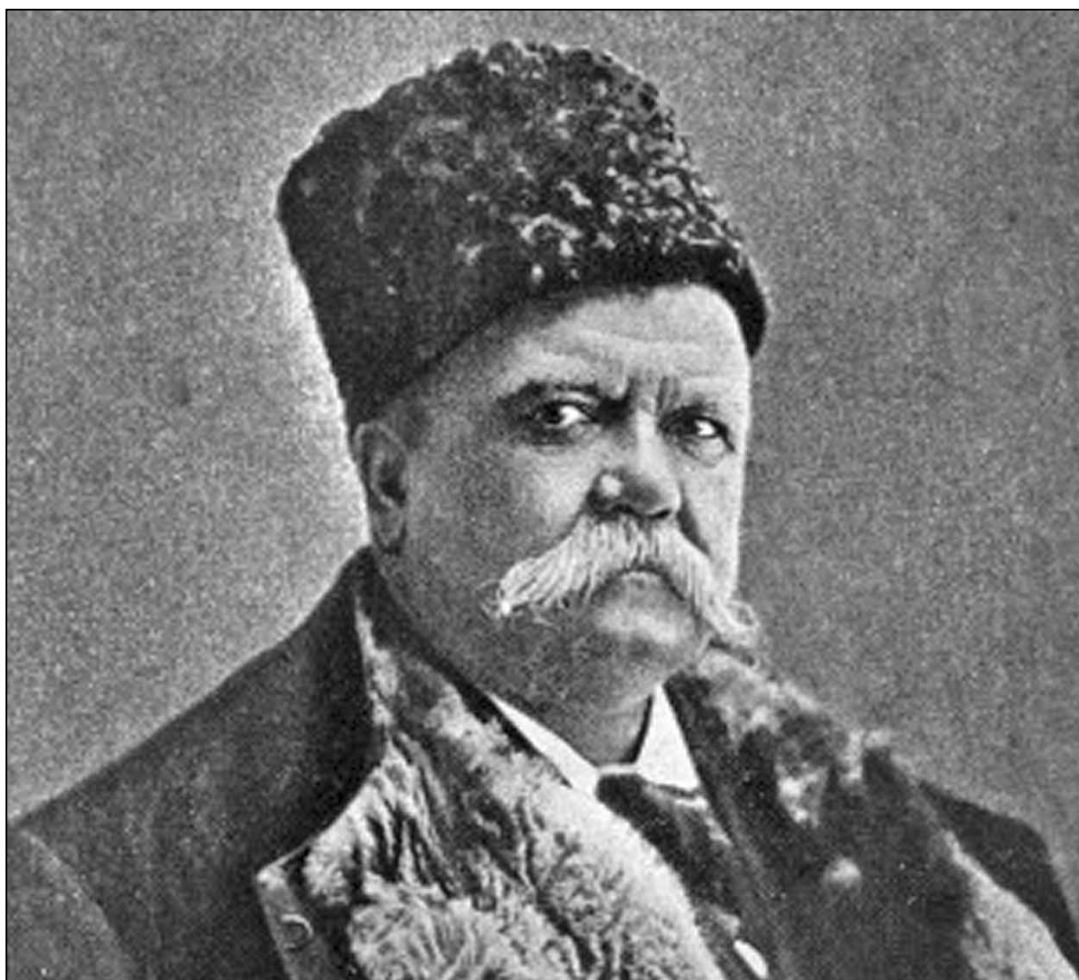
*Гиляровский
за работой*

С особой заботливостью и вниманием следил Чехов за здоровьем дочери друга, Надюши. Приходя в Столешники, он решал с девочкой арифметические задачи, объяснял ей ошибки в диктантах, занимался географией. Часто бывал он и на даче Гиляровских в Красково. Владимир Иванович как-то познакомил его с местной «знаменитостью» — крестьянином Никитой Пантюхиным, который на Казанской железной дороге отвинчивал гайки для рыболовных грузил. Чехов не раз беседовал с ним, стараясь объяснить, что его действия могут привести к крушению, но Никита в ответ только пожимал плечами: *«Нешто я все гайки-то*

отвинчиваю? В одном месте одну, в другом — другую ... Нешто мы не понимаем?..» Чехов вывел Пантюхина в своем рассказе «Злоумышленник».

Что касается Гиляровского, то он не раз говорил, что при чтении сочинений Антона Павловича встречается в них немало своих собственных выражений. Связи друзей не обрывались и после переезда Чехова в Ялту. Если Гиляй не мог навестить друга, он посылал ему телеграммы, сообщая об успехе его пьес в Москве, в Художественном театре. Уже незадолго до смерти великого писателя Гиляровский навестил его. Он старался, как мог, поднять настроение приятелю. *«Гиляй, знаешь*

что, — неожиданно сказал Антон Павлович, — *оставайся у меня жить. С тобой и умирать некогда*». Гиляровский видел Чехова буквально перед самым его отъездом в Германию, где тот скончался. И, разумеется, он провожал друга в последний путь на Новодевичьем кладбище.

Заглядывал в Столешники и Исаак Левитан. Однажды он принес с собой завернутый в холст этюд в подарок Надюше. Художник был тогда молод и очень беден. *«Ты с ума сошел, — сказал ему Гиляй, — заверни его опять в холст и вези в Замоскворечье. Павел Михайлович Третьяков тебе за него пятьдесят рублей заплатит»*.

Еще молодым юнкером встретился с Гиляровским Александр Куприн, ожидая поддержки и одобрения первым своим литературным опытам. Дядя Гиляй поддержал его, и писатель никогда не забывал об этом. Как-то он оставил в его альбоме такую запись: *«Дорогой дядя Гиляй, крестный мой отец по литературе и гимнастике, скорее я вообразу Москву без царь-колокола и царь-пушки, чем без тебя. Ты — пуп Москвы. Твой непокорный сын А. Куприн»*.

Порой они любили подшутить друг над другом. Как-то Гиляй встретил Александра Ивановича, выходявшего из дверей какого-то ресторана.

Куприн был сильно навеселе. Словно оправдываясь, он процитировал латинскую пословицу: «In vino veritas» — «Истина в вине». Мастер экспромта лукаво подмигнул ему: «Если истина в вине, то сколько ж истин в Куприне?»

ставления. А случилось, после бессонных ночей он, дожидаясь друга, засыпал в театре на маленьком диване. Однажды, выпавшись на двух последних актах «Евгения Онегина», Гиляй сказал певцу: «Федя, ты пел, а я храпел». Впрочем, разу-

о времени бродяжническая жизнь сменилась на обязанности вездесущего столичного репортера. К примеру, утром Владимир завтракал в «Эрмитаже», а ночью, добывая материал, бродил по притонам Хитрова рынка, пил шампанское на генерал-губернаторском рауте, а потом, быстро собравшись, отправлялся осматривать задонские зимовники. Картинки его жизни мелькали как в калейдоскопе

Александр Иванович преклонялся перед своим другом и учителем. В альбоме дяди Гиляя сохранилась и такая запись: «Да святится имя твое!» Позднее писатель включил эти искренние трогательные слова в свою повесть «Гранатовый браслет».

Теплые приятельские отношения связывали дядю Гиляя и с Федором Шаляпиным. Шаляпин начал бывать в Столешниках с первых же дней своего пребывания в Москве. После того как он стал знаменит, билеты на его спектакли можно было достать с трудом. У Гиляя на все представления великого певца был абонемент. Правда, нередко он приезжал лишь к концу пред-

меется, это был исключительный случай.

Иногда после спектакля ехали к Гиляровским домой. Мария Ивановна суежилась с поздним ужином, и порой из открытых окон квартиры чуть ли не на все Столешники раздавался феноменальный бас заждавшегося ужина певца: «Е-есть хо-о-чуу!»

Первый раз Гиляровский встретился с Алексеем Максимовичем Горьким у Чехова. Потом они часто встречались в Москве, виделись и в Нижнем Новгороде. Гиляровский послал Горькому свой сборник стихов «Забятая тетрадь», где были напечатаны две главы его поэмы

«Стенька Разин». «Разин — здорово и красиво!» — писал ему в ответ Горький. Когда уже в начале 1900-х Горький ставил в Художественном театре свою пьесу «На дне», Гиляровский, по просьбе К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, водил артистов труппы по притонам Хитрова рынка. Благодаря мужеству, присутствию духа и богатырской силе, он спас художника В.А. Сомова от пьяного озверевшего обитателя притона, едва не раскроившего художнику голову бутылкой. Рифмованная тирада, почти сплошь состоявшая из ненормативной лексики, которой Гиляй владел в совершенстве еще со времен своих странствий с бурлаками и крючни-

сто непостижимо, как может память одного человека сохранить столько характерных историй о Москве и ее обитателях. Он мечтал осветить этот мир во всех подробностях. И многое успел. В 1926 году вышла в свет его знаменитая книга «Москва и москвичи», в 1931 году — «Записки москвича». Потом появились «Мои скитания», «Москва газетная» и, наконец, «Люди театра». Все эти книги, которые были итогом бурной и деятельной жизни Гиляровского, имели большой и заслуженный успех. Но работа над ними давалась ему с немалым трудом. Стало сдавать несокрушимое прежде здоровье. Слабело зрение, он почти потерял слух. Глухота явилась у него следствием

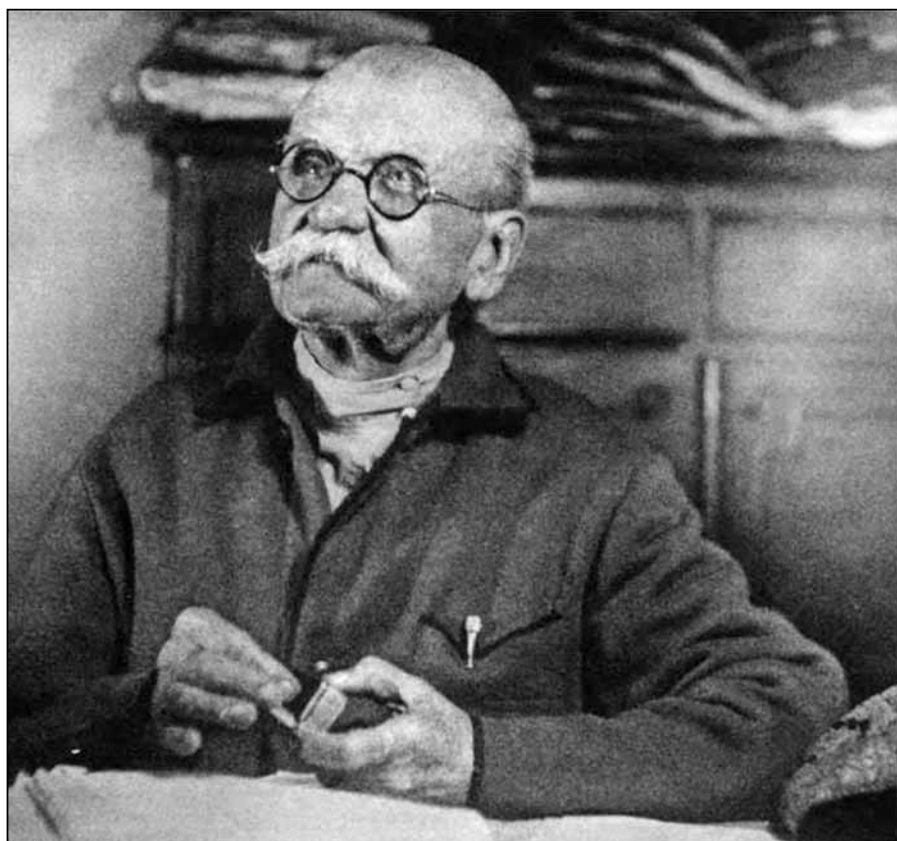

Никто из русских писателей не знал Москву так всесторонне и блестяще, как «дядя Гиляй». Просто непостижимо, как память одного человека могла хранить столько характерных историй о Москве и ее обитателях. Он мечтал осветить этот мир во всех подробностях, и ему удалось очень многое...

ками, заставила оцепенеть даже издавших виды босяков. Позднее Москва восторгалась пьесой Горького и великолепными декорациями Сомова, являвшимися точной копией Хитровской ночлежки.

Никто из русских писателей не знал так всесторонне и блестяще Москву, как «дядя Гиляй». Было про-

простуды. В 1926 году, на восьмом десятке лет, писатель узнал, что на Неглинке снова ведутся какие-то работы по исправлению русла. Пройдя сорок лет назад эту зловонную клоаку от Самотеки до Трубной площади, он решил тряхнуть стариной — спустился вновь под камни мостовой у Сандуновских бань, а потом о сво-

их впечатлениях написал статью и сдал ее в «Вечернюю Москву», но в подzemелье простудился и слег в постель.

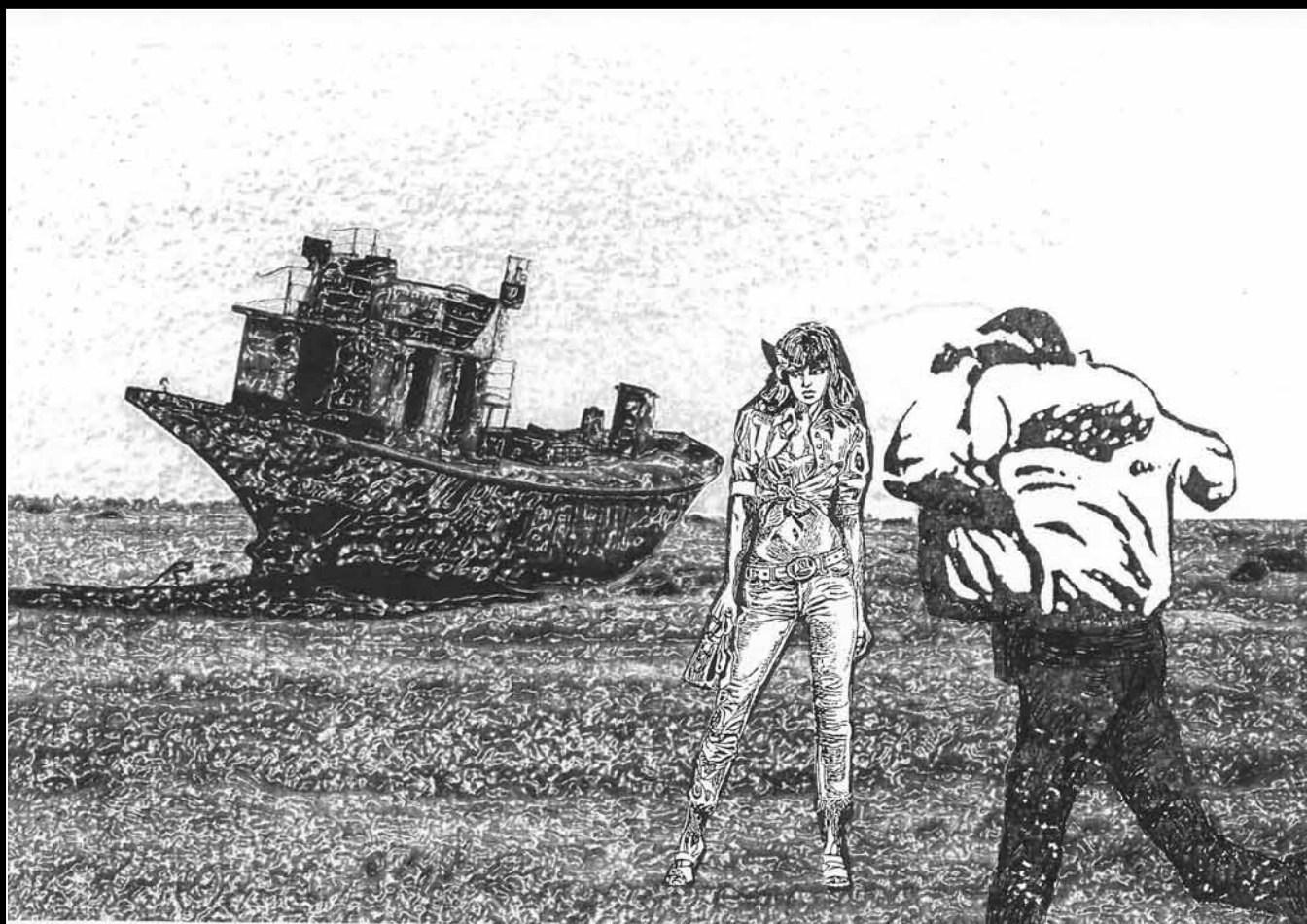
«Банки прописали, — не без горькой иронии жаловался он посетившему его приятелю. — Дожил. Сколько было силищи, и какой! Думал, что памятник Минину и Пожарскому раньше меня развалится».

Истинный богатырь, 82-летний Гиляровский, страдая жестокими недугами, глухой и полуслепой, упорно боролся со смертью.

Уже незадолго до конца он во время беседы с близким другом показал рукой на стоящий рядом с постелью небольшой шкафчик и сказал: *«В нем хранится у меня давнишняя бутылка замечательного шампанского "Аи". Я берегу ее на*

самый торжественный случай. Когда мне станет еще хуже, я соберу вас всех, близких мне, сам открою спрятанную бутылку, налью каждому по бокалу шампанского, скажу каждому по экспромту и с поднятым искристым бокалом весело, радостно сойду на нет. Довольно было пожито!..»

Увы, желания человека, даже самые скромные и благородные, не всегда сбываются. В конце сентября 1935 года врачи признали его состояние крайне тяжелым. Он уже не смог, как того хотел сам, открыть сосуд искрометной влаги и в окружении друзей пригубить прощальный бокал. В хмурую осеннюю ночь первого октября замечательного журналиста и писателя Гиляровского не стало. □

Пролог

«Звезды не ждут»

«Феррари» черного цвета припарковался на стоянке рядом с киностудией. Максим Бегунов сам сидел за рулем — он любил водить «феррари». Разумеется, для представительства у него имелся и солидный лимузин с водителем, но Бегунов пользовался им редко.

Деловые интересы Максима Алексеевича Бегунова простирались далеко и широко, но в данном случае его вернее всего было бы назвать кинопродюсером. Он решил вложить деньги в производство фантастического фильма, который снимал режиссер Илья Карсавин, под рабочим названием «Звезды не ждут». Конечно, такое название для проката не годится... Потом придется придумать что-нибудь эффектнее, но пока так.

Максим был одет без претензий: синие джинсы (из очень дорогого бутика), коричневая замшевая куртка (оттуда же) и даже какая-то заливхватская кепка, выглядевшая на лысеющей голове сорокалетнего предпринимателя довольно нелепо. Энергично пробежавшись по территории студии, он поднялся на второй этаж белого здания. В приемной его почтительно приветствовала секретарша.

— Илья Андреевич еще не вернулся? — спросил Бегунов.

— Звонил, что едет. Вот-вот, Максим Алексеевич.

— Хорошо...

Карсавин вошел, точнее, ворвался в приемную сразу после этого обмена репликами и буквально затащил продюсера в свой кабинет. На первый взгляд кабинет содержался в полнейшем беспорядке, но хаос этот был того же свойства, как и в квартире Шерлока Холмса на Бейкер-стрит — для глаза непосвященного. Сам же Карсавин отлично ориентировался в обстановке. Он погрузил свое немалых габаритов тело в обширное кресло, небрежно закурил. Немногие смогли бы угадать в этом простоватом на вид человеке режиссера, снимавшего успешные ленты с регулярностью железнодорожного расписания. А если и случались неудачи (а они случались), Карсавин с легкостью списывал их на издержки. Невозможно пройти по лесу и не споткнуться о пару сучьев — таково было его излюбленное изречение.

— Не тяни, Илья, — нетерпеливо поторопил продюсер.

— То, что надо, Максим, — выложил Карсавин главную новость и открыл кейс. Раскладывая перед Бегуновым большие цветные фотоснимки, он не переставал говорить: — Я даже боюсь поверить в такую удачу. Чуть ли не весь бывший Советский Союз объехал в поисках подходящей натуры. На Дальнем Востоке был, до Камчатки добрался! И где же я нахожу идеально похожую на нашу планету Делион местность? В Казахстане! С ума сойти можно!

Продюсер с видимым удовольствием пожирал фотографии глазами.

— Поразительно, — согласился он. — Словно ты побывал прямо на этом самом Делионе. Сумасшедший пейзаж! Но где именно находится это место?

Карсавин подошел к огромному книжному шкафу, занимавшему полстены, с трудом вытащил тяжеленный атлас мира и нашел нужную страницу.

— Вот, взгляни, — ткнул он пальцем в точку, расположенную градусам в шестидесяти двух к востоку от Гринвича. — Побережье так называемого Аральского моря. Только никакого моря там давно нет — оно пересохло и отступило, а есть то, что запечатлено на этих чудесных снимках. Ближайшие более-менее крупные населенные пункты — городишко Джалагаш на востоке, километрах в ста сорока, Караколь и Аральск на юге — до них чуть ближе, километров сто десять. Запад — бывшее море, к северу — пустыня... Сколько же тут? Масштаба карты не хватает... Съёмочный лагерь я планирую расположить здесь. — Ноготь режиссера отчеркнул на карте короткий штрих.

— Однако, — заметил Бегунов, — Казахстан давно уже другое государство...

— Ну и что? Какая разница? Что они, не сдадут нам в аренду бесполезный клочок мертвой пустыни? Да кто угодно в любом государстве в ноги нам поклонится за такое предложение. Но это уже твоя забота, Максим... Я нашел натуру, а ты сумеешь заполнить ее на съемочный период.

Бегунов кивнул, еще раз с живейшим интересом вглядываясь в причудливые нагромождения на снимках.

— Но как тебе вообще пришла в голову мысль туда лететь? — любопытно спросил он. — Ты же не мог знать заранее...

— Святая случайность, покровительница художников! — засмеялся Карсавин. — Конечно, не мог. Когда мы с Леной Смолиной исколесили все эти треклятые романтические дали, я совсем было отчаялся — чуть не решил возвращаться и снимать на компьютерах...

Продюсер недоверчиво фыркнул. Кому-кому, а ему было известно железное, никогда не нарушаемое правило Ильи Карсавина, на коем не в последней степени зиждилась его высокая репутация и доверие зрителей: никаких компьютеров, съемки только живьем, на натуре. Конечно, в стадии доводки ленты без компьютерных спецэффектов не обойтись, но основа фильма обязана быть живой. Карсавин глубоко презирал тех режиссеров, которые и обыкновенный закат солнца не могут снять без того, чтобы не заглянуть к электронщикам и не попросить их подобрать «что-нибудь поэффектнее из видеоархива».

— И вот, — воодушевленно повествовал режиссер, — в какой-то гостинице мне на глаза попался прошлогодний номер журнала «Путешествия и приключения» со статьей о высыхающем Арале, а в нем — снимки наподобие этих. Я как увидел, забыл обо всем. Мы спешно выправили документы и рванули туда... Случайность, сэр!

— Случайностей не бывает, — веско возразил Бегунов. — Счастливая случайность посещает только того, кто долго и упорно ищет ее... В общем, сдавай финансовый отчет о поездке...

— Скитаниях, — поправил Карсавин.

— Да, — улыбнулся Бегунов, — и полным ходом за подготовку. Все системы должны работать как можно скорее. К тому времени я надеюсь уладить бюрократические проволочки.

Все уладилось даже быстрее и проще, чем рассчитывал продюсер. Никто и не думал чинить препятствия съемкам фильма в пустынных районах бывшего Аральского побережья, тем более что эта культурная инициатива весьма щедро оплачивалась.

Гораздо больше хлопот причинили трудности технические. Предстояло перебросить в Казахстан многие тонны съемочного оборудования, громоздкие декорации, реквизит и все, что необходимо для жизнеобеспечения

немаленькой группы в бесплодной пустыне. Сложность задачи усугублялась тем, что ближайший к месту съемки аэропорт, где могли приземляться большие самолеты, располагался в трехстах километрах к северо-западу, в соседнем Узбекистане, в городе Нукус. А дальше все хозяйство Карсавина приходилось либо перевозить через границу на двух вертолетах, арендованных Бегуновым, либо тащить триста километров на тягачах. Карсавина утешало то, что после небольшого камуфляжа вертолеты превратятся в десантные шлюпки земного космического корабля, а тягачи — в боевые машины злодеев с Делиона, так что пользу средства доставки принесут двойную, сократив, тем самым, и расходы вполтину.

Вдобавок Карсавину не требовалось сразу все оборудование — по ходу съемок его будут подвозить с также арендованного Бегуновым склада в Нукусе. Проект «Звезды не ждут» раскручивался на поистине космических скоростях. Заразившись энергией и энтузиазмом Карсавина, люди работали на износ (конечно, не забывая об оплате сверхурочных). Карсавин был полон решимости если и не посягнуть на лавры Джорджа Лукаса, то, во всяком случае, создать свой лучший фильм...

Часть первая

Под подозрением

1

В дверь позвонили в пять утра. Чертыхнувшись, Антон Клинский выбрался из постели и набросил халат. Он отлично знал, кто пришел, и открывать ему совсем не хотелось. Но если сейчас не открыть, потом будет еще хуже...

Антон распахнул дверь, и в прихожую шагнул широкоплечий парень. Вместо приветствия он несильно стукнул кулаком в солнечное сплетение хозяина и равнодушным тоном проговорил: — Тебе привет от Дремова.

— Да я знаю, Саша, — пробормотал Клинский, путаясь в завязках халата. — Я бы и так все отдал, зачем ты... Вечером...

— Никаких вечеров, сию минуту! — Саша бесцеремонно прошел в комнату, открыл бар и налил себе рюмку виски.

— Сейчас... — опустив голову, прошептал Антон.

— Вот-вот, поторапливайся.

Клинский открыл секретер, достал деньги. Дожил, с горечью подумал он, избивают в собственном доме... Лет пять назад я бы из этого Саши отбивную сделал. Заперев секретер, он протянул деньги развалившемуся

в кресле утреннему гостю. Тот тщательно пересчитал их и миролюбиво сообщил:

— Здесь долг. А где проценты за просрочку?

— Да я клянусь, сейчас больше нет! — замахал руками Клинский. — Обещаю, днем займу и вечером сам привезу Дремову, поверь...

Саша допил виски, вздохнул и поднялся с кресла.

— Черт с тобой, до вечера. — Он огляделся по сторонам, заметил на столе мобильный телефон и, слегка улыбнувшись, добавил: — Хороший у тебя мобильник, навороченный. Беру в залог. Не хнычь! Рассчитаешься — получишь обратно. — Резко повернулся и, не сказав больше ни слова, покинул квартиру.

Антон обессилено опустился на стул возле бара. Теперь ему самому срочно требовалось виски. С рюмкой в руке он подмигнул своему отражению в зеркале:

— Мы разорены, приятель. Вот так! Ты это знаешь не хуже меня.

«Разорены — слишком сильное слово, — подумалось ему, — но тут оно близко к истине». Проклятая привычка к широкой жизни! Кругом в долгах! Пара визитов таких вот парней — и у меня не останется ничего. А ведь были времена, когда... Да что теперь вспоминать...»

Самое скверное, что совсем мало надежд получить приличную роль. Антон Клинский, хоть ему нет и сорока, вышел в тираж, все это знают... Шепчутся, что бездарный алкоголик и все такое... Это еще удача, что Илья Карсавин по старой дружбе предложил небольшую роль в своих «Звездах». Полученных за нее денег хватит, чтобы расплатиться с долгами и просуществовать с полгода, если не зарываться... Но дальше, как жить дальше?! Черт его дернул вообще стать актером... Будь оно все неладно!

2

Что можно назвать самым скучным и нудным времяпровождением в мире?

Тот, кто хоть раз застревал в московской автомобильной пробке, без колебаний ответит на этот вопрос.

Баргин сидел за рулем в глухой тоске, тупо уставившись на багажник красного «форда» впереди. То, что машина была красной, раздражало почему-то невыносимо. А слева вдобавок приткнулся удивительно вонючий грузовик... Тухлую рыбу они везут, что ли?!

Поток машин все же двигался — медленно, как язык разлитого меда из опрокинутой банки, но двигался. За перекрестком Баргин увидел для себя шанс — «форд» ушел чуть вперед, и образовался небольшой просвет. Баргин резко дал задний ход, едва не врезавшись в пристроившуюся сзади

обшарпанную «шестерку», круто вывернул руль и выскочил в узкий переулок. И всего-то... Трюк для начинающих. Само собой, стоянка здесь запрещена, а где она разрешена, интересно? Это лучше, чем торчать в машине посреди улицы подобно Винни-Пуху в кроличьей норе.

Заперев дверцу, он сунул ключи в карман и неторопливо побрел мимо отблескивающих тяжелым медным светом закатного солнца витрин в поисках кафе или бара — скоротать пару часов, пока не рассосется пробка. Заведение обнаружилось в конце квартала, и называлось оно «Красный вагон». Нет, сегодня Баргина прямо-таки преследует красный цвет!

Он толкнул жалобно занывшую дверь и вошел. Увидев пустой столик у окна, пристроился за ним в ожидании официанта. Когда тот подошел, Баргин попросил кофе, достал мобильный телефон и позвонил домой.

— Привет! — сказала Таня.

— Привет! — отозвался он. — У меня для тебя две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

— С плохой.

— Я задержусь часа на два-три. Опять попал в пробку.

— Где ты?

— В некоем заведении под названием «Красный вагон». Наслаждаюсь кофе.

Таня негромко засмеялась.

— А сколько в этом кофе градусов? Не надирайся там очень уж... А хорошая новость?

— Я люблю тебя.

— Ну да? Всем новостям новость! Это будет вечером по телевизору?

— Нет. Это конфиденциальная информация, пока не для прессы.

— Поняла. Ну, до встречи, кофеман!

— Увидимся как-нибудь. Пиши, звони!

Таня хмыкнула и положила трубку. Рассеянно потягивая кофе, Баргин оглядывал интерьер. Он пожалел, что не захватил сценарий из машины, полистал бы сейчас...

Актеру Борису Баргину было тридцать два года. В число знаменитостей он не входил, но не потому, что не хватало таланта. В сегодняшнем кино одного таланта мало, нужно уметь работать локтями... А вот этого он не то чтобы не умел, но как-то сторонился. И хотя режиссеры охотно приглашали его, приходилось довольствоваться ролями второго-третьего планов. Зато Бориса ценили за отличную физическую форму, спортивную подготовку. Все знали, что любой трюк он выполнит сам. Каскадеры шутили, что он отнимает у них хлеб. Но шутки шутками, а с этими отличными парнями Баргин действительно дружил.

— Да никак это сам мистер Баргин? — вдруг раздался за его спиной сочный баритон.

Борис обернулся, но еще до того, как увидел парня в клетчатой рубашке и потертых джинсах, уже знал, кто это — Олег Карпин.

— Легок на помине, — пробурчал он.

— А ты что, вспоминал меня?

— Не тебя, не обольщайся. Просто почему-то подумал о каскадерах вообще.

— А, вообще... Ну а я здесь конкретно! Какими судьбами?

— Да вот, в пробке застрял...

— Надо же! Как и я. Выпьем за совпадение?

— Вроде за рулем...

— Пустяки, нам можно. Что не позволено кондитеру, то позволено Юпитеру!

Олег плюхнулся на затрещавший под его весом пластиковый стул и заказал коньяк.

— Я слышал, — сказал он, — ты тоже в этом карсавинском шедевре «Звезды не ждут»?

— Да, небольшая ролька. И ты там?

— А как же! Вся наша каскадерская команда в деле. Никита, Герман... Еще новый парень, Стас Волин...

— А Паша Греков?

— Ты ничего не знаешь... — помрачнел Карпин.

— Что с ним?

— Несчастный случай. Мы снимали рекламу... Паша выполнял сложный вертолетный трюк... И сорвался. Он долго пролежал в реанимации, и никто не знал, выживет ли вообще. Но теперь, к счастью, начал понемногу возвращаться. Уже открывает глаза, хотя говорить еще не может...

— Но как это могло случиться? Как, Олег?!

— Виноватых нет... Кроме самого Паши. Выяснилось, что он забыл застегнуть страховочный замок...

Баргин посмотрел на Олега как на сумасшедшего и медленно повторил:

— Забыл застегнуть страховочный замок? Суперпрофессионал Павел Греков, помешанный на безопасности для себя и других, ЗАБЫЛ ЗАСТЕГНУТЬ СТРАХОВОЧНЫЙ ЗАМОК?!

Карпин, пробуравив Бориса пронзительным взглядом, покачал головой:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Поначалу мы все думали об этом. Но у Паши Грекова не было врагов. У него не могло быть врагов. Ты же его знаешь.

«Знаю, — мысленно проговорил Борис. — Я отлично знаю Пашу Грекова. И это хорошо, что я еду в Казахстан на эти съемки, где будет так много людей, которые его тоже знают. Оказавшись среди них, я смогу попытаться разгадать загадку этого несчастного случая...»

Ибо загадка действительно существовала.

3

В щедром солнечном свете белый фюзеляж нанятого Бегуновым самолета слепил глаза. Стоя у трапа, Баргин и Таня (она была гримершей и тоже работала в этом проекте) наблюдали за суетой прочих киношников. С ними летели около тридцати человек, а всего таких рейсов намечалось пять. Оператор Эдик Лакшин суетился с видеокамерой, запечатлевая отягощенный здоровенными сумками и чемоданами «табор». Он снимал для себя и своих друзей на память «фильм о фильме». В основном этим рейсом вылетал технический персонал, из актеров были миниатюрная блондинка Светлана Яркая и Антон Клинский. Таня видела Антона впервые, и он ей не понравился.

— Он какой-то холодный и... скользкий, — сказала она Баргину.

Борис не стал спорить: скользкий так скользкий. До Клинского ему не было решительно никакого дела.

Один за другим киношники поднимались в самолет. Так как людей было немного, все разместились в первом салоне, а во втором огромной горой нагромождали багаж. В эту гору отправился и чемодан Баргина, и разноцветная сумка Тани, симпатично контрастировавшая с ее легким белым платицем.

Когда они расположились в креслах, к ним подсел Олег Карпин. Каскадер вынул из кармана и расстелил на столике подробную схему района съемок и стал показывать:

— Наш лагерь вот здесь. Город не так далеко, но вряд ли нам придется ездить туда в ночные варьете. Там до этого, скорее всего, еще не додумались. Пожалуй, там и медведи водятся. Водятся там медведи, Баргин?

— Сколько угодно, — заверил Борис. — Особенно много их на центральных улицах, иногда приходится перекрывать движение... Но главная проблема там другая — жирафы проходу не дают.

— А это что? — с интересом спросила Таня, указывая на белый кружок между съемочным лагерем и селением Караколь.

— Заброшенная деревня, — объяснил Карпин. — Скоро и остальные постигнет та же судьба. Эти места вымирают, Таня, — нет воды. Видите, вот пунктирная линия? Это река Жандарья. Когда-то она питала водой Аральское море, а теперь высохла.

— Откуда вы все это знаете, Олег?

— Заглянул в Интернет... Полезно знать, куда летишь.

Первые полчаса полета прошли под оживленное щебетание киношников, но один за другим люди устраивались на отдых — кто дремал, кто крепко уснул, кто меланхолично перелистывал журналы или слушал музыку в наушниках. Таня тоже уснула, положив голову Борису на плечо. Когда началась «болтанка», никто из спящих даже не пошевелился. Зато побледневший Клинский вдруг вскочил и побрел к туалету.

Антон не возвращался, пожалуй, слишком долго. Само по себе это не казалось странным, но Борису очень хотелось курить. Черт, уснул он там, что ли?!

Наконец Баргин не выдержал. Удобно устроив в кресле спящую Таню, поднялся и направился в хвост самолета. Но не успел дойти до второго салона, как появился Клинский. Актер выглядел больным и бледным, но это было естественно, а вот выражение... Борис готов был поклясться, что с Клинским только что произошло нечто такое, что, по крайней мере, выбило его из колеи. Антон нервно покосился на Бардина... Что могло так взволновать его? Гадать не имело смысла, но для себя Борис отметил, что не худо бы за ним понаблюдать.

Его поведение после посадки было не менее загадочным. Когда все разобрали сумки, чемоданы и спускались по трапу, Клинский, вышедший едва ли не первым, пристально ощупывал взглядом каждого человека, причем смотрел он преимущественно на багаж.

Но у Бориса не было возможности и дальше следить за действиями Клинского, так как рядом с поджидавшим их автобусом остановился джип, из которого выскочил каскадер Никита Матвеев, прибывший днем раньше. Он подбежал к Олегу, Борису и Тане и, улыбаясь, проговорил:

— Этот автобус будет ползти целую вечность, а я домчу вас часа за полтора.

— Так уж? — прищурился Олег.

— Пари! — Азарт из Никиты бил ключом.

— Идет! Полтора часа — бутылка коньяка. Секундантом назначаю Бориса.

И все четверо дружно погрузились в джип.

— Старт! — засекая время, скомандовал Баргин.

Экипаж снаряда Жюль Верна, пущенного из пушки на Луну, наверное, чувствовал себя комфортнее. Таня не раз зажимивалась на безумных выражах Никиты. Джип мчался по извилистой дороге, а то и вовсе без дороги, по местности, и впрямь, словно созданной Господом Богом для съемок фантастических фильмов. Пустыня, но какая! Там и здесь из растрескавшейся

почвы вырастали причудливейшие скальные образования, изъеденные эрозией, рельеф то становился плоским, как стол, то горбился странными крутыми горами с гладкими склонами и отвесными обрывами. Одним словом, Илья Карсавин не ошибся.

Вдали показались ряды трейлеров — жилой сектор съемочного лагеря. Никита озабоченно взглянул на часы и поднажал еще.

И все же он проиграл. Баргин, как секундант, вынужден был объявить его поражение: две минуты сверх оговоренного времени.

Едва Олег, Борис и Таня устроились в трейлерах, Никита повел их на экскурсию. Он решил показать им владения Карсавина с вершины решетчатой конструкции — будущего звездолета инопланетян — и с удовольствием выступал в роли гида.

Что ж, панорама лагеря вполне соответствовала замыслу проекта. Справа и слева на внушительных платформах, укрепленных глубоко уходящими в грунт стальными лапами, рокотали мощные дизели, непрерывно вращающие валы генераторов. Энергоснабжение было автономным — тянуть кабели через пустыню посчитали делом долгим, дорогим и неэффективным. Трейлеры, предназначенные для жилья, а также собранные из алюминиевых секций технические ангары расположились у подножия сюрреалистической скальной гряды — частью естественной, а частью созданной фантазией декораторов Карсавина и усилиями его рабочих. Далее тянулись сплошные заросли пластиковых инопланетных джунглей. Сработаны они были на совесть — сам режиссер ухитрился заблудиться, когда впервые решил прогуляться по ним.

Возле левой дизельной платформы возвышалась цилиндрическая будка — станция телефонной спутниковой связи. Спутниковые телефоны полагались всем, и каждый мог в любой момент позвонить домой или куда угодно.

Когда они спустились вниз, Никита обратил внимание остальных на красивую брюнетку в обтягивающем изумительную фигуру коричневом комбинезоне, разговаривавшую по телефону.

— Это Лена Смолина, ассистент, правая рука Карсавина. Побольше почтения к начальству, господа!

Он отсалютовал брюнетке, в ответ она показала великолепные зубы.

— Ну-ну, — пробурчал Борис.

Таня дала ему нешуточного пинка.

4

Сидя в автобусе у окна, Клинский снова вспоминал то, что произошло с ним в самолете.

Едва ли не сразу после взлета он приналег на виски из захваченной с собой фляги. Здесь, в воздухе, мрачные мысли о долгах и неудачах слегка отпустили его, но не оставили окончательно. Он глотнул еще виски, перевел спинку кресла в полулежачее положение и закрыл глаза.

Лайнер вдруг резко накренился вправо, затем влево. Черт, начинается «болтанка»... Антона затошнило. Зачем он выпил столько виски? Вскоре ему стало совсем плохо. Он выбрался из кресла и нетвердым шагом направился в сторону туалета. Голова кружилась, будто помещенная в центрифугу, ватные ноги не держали. Когда Антон проходил по второму салону, лайнер в очередной раз сильно тряхнуло, и он, потеряв равновесие, повалился на груды сумок и чемоданов. Тщетно пытаясь удержаться на ногах, Клинский инстинктивно ухватился за подвернувшуюся сумку. Застежка-молния с противным треском расстегнулась, и посыпались какие-то свернутые куртки, пижамы, полотенца и прочая дребедень. В довершение всего, вывалился полиэтиленовый пакет, а из него вылетели и разъехались по полу небольшие, продолговатые темные предметы. Антон выругался и, стоя на четвереньках, начал собирать эти штуки и запихивать обратно в пакет...

Вдруг он замер. Хмель как рукой сняло. В немом изумлении Клинский вытаращился на предмет, далеко не отлетевший, в отличие от прочих.

— Ни хрена себе! — пробормотал он.

Это был пистолет. В свое время, снимаясь в боевиках, Антон поднаторел в обращении с самым разным стрелковым оружием, да и просто для себя увлекался, немало прочел об оружии, поэтому сразу узнал «Беретту М-92», мощный итальянский пистолет военного образца. «Сцепленный затвор, самовзводный ударно-спусковой механизм, магазин с двухрядным расположением пятнадцати патронов, — вспыхнуло в его памяти, — калибр девять миллиметров... М-да... Интересные дела...»

Он извлек магазин и убедился, что пистолет заряжен. Затем внимательнее присмотрелся к одной из продолговатых штук. Ну, конечно... Да, такие фигурировали в одном из боевиков, и консультант подробно о них рассказывал. Перед ним была компактная рация «Райдер Р40» американского производства, обеспечивающая устойчивую связь в небольшом радиусе при посредстве кодированного импульсного сигнала. Такую штуковину очень трудно засечь в эфире. Оперативное снаряжение спецназа. В стандартный комплект входило шесть штук, а здесь... Тоже шесть. Полный набор.

Кладя оружие обратно в пакет, он вдруг наткнулся на плотную бумагу и, вынув сложенный вчетверо лист, развернул его. План-схема съемочного района, по распоряжению Карсавина их напечатали для всех. Такой же был и у Клинского, но... этот план был дополнен от руки. Нанесены какие-то

параллельные линии (дорога?), и к ним тянулся перпендикуляр от лагеря. Множество непонятных условных значков, стрелок, обозначения дат, времени. В углу — краткие записи, сокращения из букв и цифр.

— Дьявольщина! — выдохнул Антон.

Все три находки, взятые по отдельности, не вызывали особой тревоги. Рации? Ну и что, почему не переговариваться в полевых условиях съемок? Это удобно. И даже то, что они американские и спецназовские... Сейчас все можно купить, были бы деньги. Пистолет? Для самозащиты. Мало ли что может случиться в этой дикой пустыне... Незаконно, конечно, но понять можно. Обычным авиарейсом не провезти бы, а так — другое дело... Схема? Вот тут сложнее... Хотя... Актеров в самолете только трое, и ни у Баргина, ни у Светы Яркой он этой сумки точно не видел. Значит, она принадлежит кому-то из работников технических служб. А раз так, все эти значки и стрелочки могут быть связаны с технологией съемок. Расположение и движение камер, объектов или еще что — Клинский в этом совсем не разбирался...

Он свернул схему и сунул в карман. После этого уложил пакет на дно сумки, погрузил в нее сверху остальные вещи, застегнул молнию и, вернувшись в первый салон, снова занял свое место. Тошнота и головокружение прошли как по волшебству. От осознания открывшихся перспектив его бросало то в жар, то в холод. Антон был игроком по натуре и теперь размышлял о возможности извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Если он сумеет повести себя правильно... Если не испортит все сам... Тогда все его проблемы разрешатся!

Но первым делом — необходимо проследить после посадки, кому принадлежит сумка.

5

Антон постучал в дверь трейлера.

— Войдите! — послышалось изнутри.

Клинский последовал приглашению и сразу увидел ту самую сумку под столом.

— Привет! — поздоровался он.

— Добрый вечер, — несколько удивленно отозвался сидевший на раскладном стульчике человек с бледным шрамом на щеке. — Вернее, доброй ночи... Мы как будто лично незнакомы... Хотя, конечно, я вас знаю, Антон...

— Георгиевич.

— Рад вас видеть у себя в гостях, Антон Георгиевич. Хотите выпить?

— Хочу, — кивнул Антон. — А вот рады вы меня видеть или нет, выяснится через пару минут...

Хозяин трейлера нахмурился, проницательно взглянул на гостя, но ничего не сказал и налил в небьющиеся стаканчики коньяк до краев. Антон выпил, достал сигареты и закурил.

— Итак? — немного насмешливо произнес хозяин.

— Когда вы распаковывали багаж, кое-чего недосчитались, нет? Вот в этой сумке. И даже не в самой сумке, а в полиэтиленовом пакете.

— Вот оно что... Значит, это вы... — после непродолжительной паузы протянул хозяин.

— Да, это я. — Антон сильно затянулся и погасил сигарету. Он нервничал и прилагал все усилия, чтобы не показать этого. — Видите ли, я не знаю, зачем вам эти штуки и что вы собираетесь с ними делать. Я наткнулся на них совершенно случайно... Вышел в туалет, упал, ваша сумка раскрылась... Меня не интересуют ваши планы. Я не намерен мешать вам, что бы вы там ни задумали. Небольшой взнос — и от меня вы свободны. В случае же отказа, я передам вашу схему, куда следует, расскажу про остальное, а уж там-то наверняка всем этим заинтересуются. Но вам, думаю, это вовсе ни к чему.

Хозяин трейлера подошел к окну и, не оборачиваясь, проговорил:

— Небольшой взнос — это для начала, а что дальше? Шантаж — дело такое, Антон Георгиевич. Заплати вам раз, вы всю жизнь не отвяжетесь.

Антон мысленно усмехнулся. Именно так он и представлял себе будущее. А вслух сказал:

— У вас нет выхода. Убить меня вы не можете. Здесь слишком мало людей, все на виду. Начнется расследование. Если вас и не уличат в убийстве, действовать вам не дадут, все ваши замыслы сорвутся.

— Убить вас? — изумился хозяин. — Да помилуйте, зачем же? Вы преувеличиваете серьезность ситуации. Вынужден признать, что я проворачиваю не совсем законный бизнес, но ничего зловещего, уверяю вас. Сколько вы хотите?

— Пустяк. Десять тысяч... В долларах или евро, что вам больше по вкусу. Мне лично и то, и другое нравится. И вы получаете схему обратно.

Хозяин трейлера поднялся со стула, подошел к двери, открыл ее, выглянул наружу, снова закрыл. Потом снова сел, наполнил свой стаканчик коньяком и мелкими глотками выпил до дна.

— И не трудитесь творить чудеса вроде обыска в моем трейлере, — продолжал между тем Клинский. — Схемы там, разумеется, нет. Она у надежного человека, в запечатанном конверте, с кое-какими пояснениями и нужным адресом. И если со мной что-нибудь случится, даже и без вашего, боже упаси, вмешательства, конверт пойдет к адресату...

Человек со шрамом хмуро молчал, а Клинского уже распирало от скрытого торжества.

— Итак, когда я получу мои деньги?

— Надеюсь, вы не думаете, что я вожу с собой такие суммы? — зло бросил человек со шрамом. — А чтобы доставить их, нужно время.

— Двадцать четыре часа, — твердым тоном потребовал Антон.

— Это невозможно. Это физически невозможно, понимаете?! Давайте, звоните, куда следует. Да, вы причините мне неприятности, но сами на этом не заработаете ни гроша! А если будете благоразумны, получите ваши десять тысяч, но не через двадцать четыре, а через сорок восемь часов. Здесь, в этом трейлере. Решайте — да или нет. Если нет — звоните сейчас, я мешать не буду.

Клинский колебался. Ослабить нажим — значило признаться, что над ним взяли верх, что он упустил инициативу. Но, с другой стороны, какая разница, сутки или двое?

— Хорошо, — сказал он. — До свидания через двое суток, — и быстро покинул трейлер.

Жилой сектор заливал свет прожекторов. Антон не шел, а летел. Победа! А со схемы он снимет копию. Сколько еще можно выдоить из этого типа? Да сколько угодно. Уж теперь он его не выпустит!

6

После ухода Клинского владелец злополучной сумки долго сидел неподвижно, потом в ярости шарахнул кулаком по столу. Проклятый актеришка!

Постепенно к нему возвращалось хладнокровие. Он накинул на плечи бордовую клетчатую куртку, достал одну из раций «Райдер», включил и сказал всего несколько слов. Выйдя, запер за собой дверь, уселся в джип и поехал туда, где темнели заросли пластиковых инопланетных джунглей. Выбравшись из освещенного сектора, включил фары, проехал еще с полкилометра мимо джунглей, развернулся, погасил огни и стал ждать.

Вскоре в темноте зашумел двигатель другой машины. Световые конусы фар на мгновение ослепили человека в бордовой куртке и погасли. Автомобиль остановился рядом, и тот, кто прибыл, пересел в джип.

— Так что там? — раздался требовательный голос.

В ответ человек со шрамом подробно рассказал о визите шантажиста, перемежая повествование эмоциональными возгласами досады и злости.

— Мы в дерьме, Феникс, — заключил он. — Мы в полном дерьме!

— Почему же? — спокойно отреагировал Феникс. — Я считаю, напротив, все обернулось удачей. Подумайте, что было бы, если бы схему и про-

чее нашел какой-нибудь идеалист! Заплатим ему, только и всего. В операцию вложено уже столько денег, что десять тысяч — капля в море. Не в его интересах поднимать шум, по крайней мере, сейчас.

— А после операции? Он наложит в штаны, как только поймет, с чем связался! И сдаст меня с потрохами! Хорошо Беркуту, он и так на нелегальном положении. А я, а вы?! Или вы думаете, до вас не докопаются?

— Верно. В любом случае мы не имеем права и на сотую долю процента риска. Клинский должен исчезнуть после того, как мы выкупим у него схему.

— Во время операции он может быть убит... Конечно, случайным выстрелом.

— Нет, это не годится. Мало ли что может сорваться в последний момент, исправлять будет некогда. Он должен исчезнуть до начала операции. Но схема! Он мог сделать копию. Ее найдут... Да еще с его приложенными «мемуарами»!

— Он был бы идиотом, если бы не сделал копию... Впрочем, тут положитесь на меня. Я знаю, как повести дело. Копий не останется. Меня волнуют не копии, а другое. Смерть Клинского должна выглядеть так, чтобы на членов съемочной группы и — и соответственно, на нас включительно! — не пала даже тень подозрения.

— Чертовски трудная задача... Я свяжусь с Москвой, подключим мозговой центр. Пусть выяснят как можно больше о Клинском — вдруг что-то из его биографии подскажет решение. О, Господи! Так мало времени!

— Что теперь говорить... Не повезло, постараемся выкрутиться.

7

День набирал обороты. Клинский развалился на кушетке в своем трейлере, уставившись в телевизор, где мелькали пестрые видеоклипы. Надо бы приступить к снятию копии со схемы, но это успеется, времени полно...

Антон нашарил на столике бутылку минеральной воды, отхлебнул из горлышка. В этот момент в дверь негромко постучали.

— Добро пожаловать! — крикнул он. — Уэлкам!

Дверь открылась, и на пороге появился улыбающийся человек со шрамом. Антон вскочил и в изумлении уставился на гостя.

— Не ожидали увидеть меня так скоро? — вкрадчиво спросил тот, усаживаясь на стул.

— Но, черт возьми... — начал Клинский.

— Видите ли, вчера я солгал вам, — перебил его визитер. — Надеюсь, вы простите меня... Я хотел выиграть время, чтобы подумать... Ну а теперь

я говорю правду: деньги у меня здесь, с собой. Почему бы не рассчитаться прямо сейчас?

— Сейчас? — ошарашено повторил Антон.

— Да. Вы чем-то недовольны?

Гость Клинского недаром изучал выражение лица актера. Он был убежден, что растерянность хозяина вызвана именно тем, на что он и рассчитывал: копия не готова, а, стало быть, рушатся планы дальнейшего шантажа.

— Нет, я доволен, я...

Не дав ему договорить, человек со шрамом достал пачку стодолларовых купюр и положил на стол.

— Вот. Десять тысяч долларов, до последнего цента. Где моя схема, Антон Георгиевич?

Клинский явно колебался. Ему приходилось импровизировать.

— Схема, она... Мм... Слушайте, десять тысяч — это просто смешно. Схема стоит больше. Скажем, двадцать тысяч, и я...

Посетитель встал со стула. Он только того и ждал: новое требование Клинского неопровержимо доказывало, что копии не существует. Шагнув к актеру, он вдруг протянул руки и, сдавив его горло металлическими пальцами, прошипел прямо в лицо:

— Тут тебе не вестерн!

Антон начал задыхаться, глаза его выпучились, лицо покраснело.

— Слушай, ты! — продолжал цедить человек со шрамом. Ты хотел доить меня вечно, а когда сорвалось, затрепыхался? Так вот что я тебе скажу. Кто хочет слишком многого, не получает ничего, ясно?! Где схема?

Клинский натужно хрипел.

— Еще секунда, и я тебе шею сломаю!

Конвульсивно дергающейся рукой Антон показал на тумбочку под телевизором. Человек со шрамом брезгливо отшвырнул его на кушетку, выдвинул ящик тумбочки, схватил лежавшую сверху бумагу, развернул и уже вполне миролюбиво произнес:

— Вы редкостный подонок, друг мой, тем не менее, я обойдусь с вами благородно. Десять тысяч — ваши. Но помните: если хоть кому-то, хоть слово... — И он сделал быстрый жест, словно отрывал Клинскому голову. — Ситуация понятна?

Антон закусил губу и кивнул. Человек со шрамом повернулся и молча вышел из трейлера.

Клинский еще долго приходил в себя, но, оправившись, неожиданно повеселел. Ну, сорвалось, и черт с ним — в конце концов, эти десять тысяч свалились на него нежданно-негаданно. Тоже на дороге не валяются!

Жизнь прекрасна. Никогда прежде, даже в самые тяжелые минуты, Иван Федорович Слепаков не подвергал сомнению этот очевидный для него факт. Прежде... Пока все не изменилось.

Ивану Федоровичу стукнуло шестьдесят восемь. Всю жизнь он прожил в небольшом, тихом подмосковном городке, где родился, вырос, женился, и где сложились его убеждения и правила... А правила эти были строгими. Он и дочь воспитал в духе строгости нравов, что казалось ему единственно верным. Недостаток материальных ценностей не мешал выделять ценность главную, бесспорную: семью. Но... Жена его умерла восемь лет назад, а дочь, Валентина... Она оставалась последней привязанностью в одиноком бытии старика. Двадцатилетней красавицей она ушла из мира живых, не в силах перенести позора. Ее не стало, но где-то на Земле существовал погубивший ее мерзавец. И Иван Федорович жил теперь одной надеждой — найти и покарать убийцу.

Ибо Слепаков считал, что его дочь убита. Вопреки официальному заключению следствия, констатировавшего самоубийство (формально это действительно было так), вопреки всему, он был убежден: это убийство, и виновный в преступлении не должен уйти от возмездия.

Иван Федорович не сидел сложа руки. Он предпринял все возможное и невозможное, чтобы отыскать своего врага. Но что он мог сделать, когда даже имя негодяя было ему не известно! Валя унесла секрет с собой в могилу. Она не хотела мести. И все же старый Слепаков твердо верил: на небесах есть Господь, и он не допустит несправедливости. Рано или поздно случится НЕЧТО, и в ожидании этого дня стоит жить...

Бог услышал молитвы старика.

Это произошло ясным летним утром, когда Слепаков вышел из дома и направился к магазину. Он не сразу обратил внимание на светловолосого мужчину, пристально разглядывающего его с противоположной стороны улицы. Удивленный Слепаков замедлил шаг. Что этому типу здесь нужно?

Незнакомец подошел к нему и, вежливо поздоровавшись, спросил:

— Вы Иван Федорович Слепаков, не так ли?

Теряясь в догадках, старик только молча кивнул в ответ.

— Позвольте представиться. Моя фамилия Корзун, зовут меня Николай Николаевич. Я приехал из Москвы, чтобы поговорить с вами о вашей дочери...

— О Вале... — вздрогнул старик. — Из Москвы? Но знаете ли вы, что...

— Я многое знаю, — прервал его Корзун, — и кое-что из того, что известно мне, будет небезынтересно и вам...

— Будьте моим гостем, — глухо произнес Слепаков.

Они прошли в дом, и он пригласил гостя к столу, предложил выпить домашней настойки. Тот отказался, но попросил разрешения закурить. Старик и не думал возражать, хотя сам не курил и не одобрял этой привычки.

Корзун щелкнул зажигалкой и, слегка улыбнувшись, заговорил:

— Мое дело слишком... особого свойства. Иван Федорович, вы искали человека, виновного в смерти вашей дочери?

— Да, — коротко ответил старик. Неизвестно почему, но он предчувствовал этот вопрос и весь напрягся в ожидании дальнейших слов посетителя.

— А если бы кто-то сообщил вам сведения о нем, как бы вы поступили?

— Убил бы, — произнес Слепаков так, будто речь шла о заклании поросенка.

— Ну, так я привез вам эти сведения.

— Но как?! Как вы можете быть уверены, что это именно тот человек? Я искал его... Я ничего не мог найти...

— Не сомневаюсь, Иван Федорович. О ваших розысках мне известно. Но... Как бы это сказать, чтобы вас не обидеть... Ваши возможности — прошу прощения! — весьма ограничены, весьма. А мои значительно шире. Вам хотя бы известно имя того, за кем вы охотились?

— Нет, Валя не знакомила нас. Я придерживаюсь старых взглядов, Николай Николаевич. Валя всегда смеялась надо мной...

— Я так и думал, что нет. Вы искали его по описанию, в тех кругах, к которым он мог иметь отношение... Но вы видели его в лицо...

— Его лицо, — медленно проговорил Слепаков, словно давая торжественную клятву на Библии, — я узнаю даже в аду из мириада грешников. О, я хорошо запомнил этого дьявола! Раза два или три он заезжал за Валею на автомобиле. У него был большой красивый автомобиль.

Корзун достал из кармана несколько фотографий, на которых были изображены разные, но наделенные сходством между собой люди.

— Просмотрите эти лица, — предложил он. — Тот человек среди них. Убедитесь, что я не обманываю вас.

Слепаков вцепился в фотографии обеими руками и стал их внимательно рассматривать. Вдруг его лицо озарилось зловещим торжеством. На четвертом снимке был он! Враг, убийца! Старик не мог обознаться.

— Я убью его! — прорычал он. — Только скажите, где искать мерзавца, а уж я о нем позабочусь!

— Скажу, — пообещал гость, — но при одном условии.

— Что можно потребовать у небогатого человека? — развел руками Слепаков. — Хотите мою жизнь — она ваша, а больше у меня ничего нет.

— Ваша жизнь мне ни к чему! — раздраженно отмахнулся не привыкший к цветистым фразам Корзун. — Условие вот какое. Вы убьете его не тогда и не там, когда и где захотите, а когда и где захочу я. И это будет скоро, поверьте...

Старик согласно кивнул и спросил:

— Где он?

— Далеко, — усмехнулся гость. — Так далеко, что одному вам туда не добраться. У вас ведь нет денег?

— Нет.

— Вот видите. Поэтому вы отправитесь со мной.

— Когда?

— Немедленно.

— Куда?

— Пока в Москву. Надеюсь, вы не откажетесь ехать прямо сейчас?

— Нет, не откажусь, — ответил старик.

Уже сидя в машине Корзуна, он снова заговорил:

— Я не спрашиваю, кто вы, откуда узнали мою историю. Мне все равно, чего вы добиваетесь. Только одно: почему вы решили помочь мне?

Корзун долго не отвечал, пораженный наивностью этого человека. Помочь?! Да неужели он всерьез полагает, что кто-то станет тратить время и деньги, чтобы помочь безвестному старику отомстить своему обидчику?!

Вслух же он сказал:

— Не забивайте себе голову, Иван Федорович. У вас свои резоны, у меня свои. Довольно и того, что я помогаю вам в единственно важном для вас деле, ведь так?

В тот же день, после краткой остановки в Москве, Корзун повез Слепакова в аэропорт.

— Успех, — говорил он в дороге, — целиком зависит от строжайшего следования инструкциям. Я провожу вас только до самолета, на месте вас встретят другие люди. Их указания — все равно, что мои. Вас едва ли не за ручку приведут на место и ткнут носом в нужного человека. Вам останется только исполнить приговор. Схему отхода получите...

— Отхода, — с горечью повторил Слепаков. — К чему? Если мне удастся выполнить задуманное, цель моей жизни будет достигнута... Конечно, меня ждет ад, но это лучше, чем ад здесь, на Земле...

Корзун вдруг резко затормозил и, повернувшись к старику, зло процедил:

— Э, нет, ваше самоубийство в мои планы не входит. Вы кое-чем обязаны мне, и я имею право требовать. Так вот, я требую, чтобы вы действовали точно так, как будет сказано. Это понятно?

Долгий взгляд Слепакова уперся в лицо Корзуна. Тот выдержал его спокойно — он знал, кто сильнее.

— Я понял вас, — наконец произнес старик.

— Обещаете не делать глупостей?

— Обещаю.

Корзун снова тронул машину.

— Вы дали слово, — напомнил он. — Надеюсь, ваше слово — не пустой звук.

— Не беспокойтесь, — холодно отозвался Слепаков. — Но я хочу, чтобы и вы запомнили кое-что. Я не такой простак, за какого вы меня принимаете. Мне понятно, что происходит. Этот человек чем-то опасен для вас. Сами вы пачкаться не хотите, нанимать убийцу рискованно... А когда поймают меня, вы чисты — ведь я осуществил личную месть... К тому же я вас не знаю.

Корзун поежился. Слепаков снова удивил его, но если раньше — наивностью, то теперь, наоборот, неожиданной и неуместной проницательностью.

— Иван Федорович... — обескуражено начал он.

— Молчите! Я слушал вас, теперь вы послушайте меня. Как вы думаете, почему я сказал вам о том, что понял все? Почему?

— Почему? — машинально повторил Корзун.

— Потому что я хочу, чтобы вы знали: мне это безразлично.

9

Пятого июня Илье Карсавину исполнялось пятьдесят лет. Сам режиссер относился к своему юбилею скорее с иронией. Никаких торжеств он не хотел и был бы рад сделать этот день обычным съемочным днем. Но вся киностудия придерживалась противоположного мнения. Масштабные поздравления готовились втайне, но разве такое утаишь! Конечно, Карсавин обо всем узнал. Подумав, он махнул рукой и решил в ответ превратить пятое июня в веселый карнавал для всей группы. В конце концов, своей поистине самоотверженной работой его люди заслужили праздник! И с помощью Лены Смолиной — на месте, и Бегунова — в Москве, он тоже готовился. Днем должен был состояться поздравительный капустник, а карнавал начаться в десять вечера и продлиться всю ночь.

Накануне, прислонившись к трейлеру с банкой пива в руке, Баргин с улыбкой наблюдал за командой в составе Олега Карпина, Никиты, Германа и Стаса Волина, которые монтировали из реек каркас некоего диковинного сооружения, потом обшивали его фанерой. Вокруг вертелся Эдик Лакшин с видеокамерой, запечатлевая замечательное действо во всех деталях.

Из трейлера вышла Таня в элегантном брючном костюме ее любимого лилового цвета.

— Что это? — спросила она Баргина, подразумевая фанерное производство каскадеров.

— Не знаю. Пойдем, поинтересуемся.

Они подошли ближе.

— Олег! Это что еще за чудовище? Мы вроде снимаем фантастику, а не фильм ужасов.

— Какие ужасы! — обиделся Олег. — Ты что, не видишь, что это скульптурный портрет Карсавина?

— Да ну?! — Баргин отошел подальше и прищурился. — Ох, а ведь точно! Голова режиссера!

— Намек на то, — пояснил Карпин, — что наш режиссер — это голова! Гигантская голова!

— Гениальный шарж! — похвалила Таня.

— Это еще и летательный аппарат, — подсказал Никита.

— Что?! — расхохотался Баргин. — Ты хочешь сказать, что эта штука-вина еще и полетит?!

— Еще как полетит, — заверил Никита. — Грохоту будет до самого Голливуда... А ты бы помог, пижон ленивый... А, черт! Держи его!

«Летательный аппарат» закрипел и начал неторопливо заваливаться набок. Баргин и Таня подхватили его с двух сторон, изобразив подобие атланта и кариатиды. Олег обошел голову режиссера по кругу с видом художника, недовольного новоиспеченным творением, и «благословил» парочку:

— Так и держите! Все сначала, ребята!

Баргин принялся, было, возмущаться, но его спасла Лена Смолина. Только что на посадочную площадку опустился вертолет, доставивший оплаченные Бегуновым шампанское, пиротехнику и продукты к празднику. Проходя мимо «скульптурного творения», Лена осведомилась о добровольцах на разгрузку. Баргин вызвался с легким сердцем, сдав пост Стасу Волину, а Тане пришлось отдуваться до конца.

Шампанского привезли столько, что можно было спить вдесятеро больше людей, чем насчитывалось в команде Карсавина. Потом пошли контейнеры с деликатесами, было и несколько узких металлических ящиков с надписью «Мясные консервы».

— Эти на склад, — распорядилась Смолина. — Наши стратегические запасы.

Чем ближе подступал вечер, тем больше казалось, что неразбериха в съемочном лагере катастрофически нарастает и приближается к апогею.

Однако каким-то чудом вещи оказывались в надлежащих местах, из маловразумительных куч, похожих на мусорные, вырастали декорации и украшения, а Карсавин, через каждые пять минут трагически стонавший, что ничего не успеет, волшебным образом все успевал.

10

К десяти часам вечера подготовка к юбилею, наконец, завершилась. Все дружно высыпали из трейлеров.

— Давай! — крикнул Карсавин.

Одновременно с яркой вспышкой иллюминации бабахнули десятки бутылок шампанского. Карнавал начался.

В час ночи юбилейное празднование бушевало не на шутку. Фейерверки то и дело раскрашивали ночное небо, от грома петард закладывало уши, землю устилал пестрый ковер конфетти. Произведение фирмы «Карпин и компания» взмыло-таки к небесам с ужасающим грохотом и воем. Грандиозная голова режиссера не только сверкала горящими глазами, но и высывала длинный, рассыпающийся искрами огненный язык. Запуск ее произвел подлинный фурор, к немалому удовлетворению конструкторов. Карсавин от хохота чуть не прослезился.

Импровизированный оркестр, созданный по принципу «кто во что горазд», выдавал по тому же принципу бесшабашную музыку. Эдик Лакшин сбивался с ног — ему хотелось снять все и сразу, одновременно быть в десятке мест. Походкой матроса он подбрел к фуршетному столику, возле которого Баргин с Таней потягивали шампанское, и пожаловался:

— Кошмар! Тут снимать — не вагоны разгружать, честное слово. На ногах не стою.

Он принялся болтать с Таней о празднике, а Баргин, стоя рядом, оглядывал площадь, держа в руке бокал. Неожиданно его внимание привлекла высокая сухопарая фигура в костюме птицы. Лицо закрывала маска с большим клювом, но, судя по комплекции и походке, раньше Баргин этого человека в лагере не видел. Впрочем, каждый день прибывали новые люди... Над соседним столиком завис пьяный Антон Клинский в гордом одиночестве.

— Извините, ребята, я сейчас, — сказал Баргин Эдику и Тане и направился к нему.

Борис не забыл о решении присматривать за Клинским, но у него было не так уж много свободного времени. Так почему бы не поговорить с ним сейчас, пока он пьян и благодушен?

— Привет, Антон! — поздоровался он.

Клинский поднял слегка замутненный, но еще вполне осмысленный взгляд и помахал рукой:

— А, Баргин, хелло! Ничего карнавал получился, а? Даже жаль покидать его так рано.

— А зачем покидать, Антон? Веселитесь. До утра это не кончится.

— У меня свидание, Борис. Вот какое дело, — многозначительно шепнул ему Клинский.

— С женщиной?

— Разве я похож на гомика? — расхохотался Антон.

Баргин разочарованно прикидывал, как перевести разговор на более содержательную тему — эта его, понятно, мало интересовала. Краем глаза он снова засек человека-птицу и нечто в его передвижениях насторожило его. Человек-птица двигался по периферии, по границе света и тьмы, словно стараясь находиться подальше от остальных. Но почему?

Клинский болтал что-то о былых победах над женщинами, потом оборвал речь на полуслове и, посмотрев на часы, сказал:

— Все, мне пора, Борис. Желаю развлечься от души!

— И вам того же, Антон!

Клинский подмигнул и шагнул в сторону, загородив от Баргина человека-птицу, а когда продвинулся дальше, тот уже исчез. Секунд пять Борис смотрел на то место, где человек-птица только что стоял, потом быстрым шагом направился в ту сторону. За гранью светового круга он потерял еще несколько секунд, прежде чем глаза привыкли к слабому освещению в жилом секторе, и он, заметив метрах в ста впереди темный силуэт, встрепенулся. Но это был всего лишь Антон Клинский, идущий к своему трейлеру. Едва он скрылся за дверью, за ним молнией метнулась черная тень...

Борис стремглав кинулся к трейлеру, но открыть дверь не успел — она распахнулась сама, и на пороге возник человек-птица.

— Эй! — протянул он руку.

Но человек-птица молча спрыгнул с лесенки и сразу свернул за угол. Если бы Баргин тут же кинулся за ним, догнал бы шутя, но в освещенном изнутри дверном проеме он увидел то, что заставило его отказаться от погони.

На полу между столиком и кушеткой распростерлось тело Клинского с торчащей из груди рукояткой ножа.

Борис не колебался ни секунды. Может быть, Клинский еще жив, и его можно спасти! Он шагнул в трейлер, склонился над злосчастным актером. Пульса не было, но Баргин уже и без того видел, что Клинский мертв — нож вошел точно в сердце.

— Борис!!! — вдруг раздался за его спиной истошный женский крик.

Он обернулся. В дверях, ухватившись руками за косяк, стояла Лена Смолина, в глазах ее метался ужас. Борис прыгнул к ней, чтобы отодвинуть ее в сторону и ринуться за убийцей, но она закричала и нанесла ему неожиданно сильный удар в грудь. Споткнувшись о тело Клинского, Баргин упал, увлекая за собой стол со всем, что на нем было.

Вот теперь он окончательно опоздал: на крики Лены уже сбегались люди. В трейлер вошел Карсавин, за его спиной толпились другие.

— Что здесь произошло? — спросил режиссер, положив руку на плечо рыдающей Лены. Она импульсивно развернулась, прижалась к нему. Баргин тоже не ответил — вместо него все сказал вид лежащего тела.

— Бог мой! — пробормотал Карсавин.

Сразу двое пытались нащупать у Клинского пульс, девушка-осветитель подносила зеркальце к его губам.

— Мертв...

— Он убил его! — завизжала Лена. — Он и меня хотел убить!

— Борис... — начал было Карсавин, но Баргин, поднимаясь с пола, прервал его:

— Стоп! Я никого не убивал, а настоящего убийцу вы еще можете поймать, если поторопитесь. На нем костюм птицы... Впрочем, он наверняка уже снял его...

— Лена, как было дело? — обратился режиссер к своей ассистентке.

— Я устала, решила пойти лечь, — сбивчиво, сквозь всхлипывания заговорила Смолина. — Проходила мимо трейлера Антона и увидела, как этот, — кивнула она в сторону Бориса, словно не в силах назвать его по имени, — ворвался внутрь. Я забеспокоилась, вошла следом... — Не выдержав, Лена зарыдала с новой силой.

— Успокойся! — погладил ее по волосам Карсавин. — А больше возле трейлера ты никого не видела? Скажем, человека в костюме птицы?

Лена отрицательно покачала головой.

— Был такой на карнавале, — вмешался кто-то из-за спины режиссера. — Я его не узнал.

— Погодите, погодите! — произнес Карсавин, поднимая руку. — Давайте не будем устраивать игру в частное детективное агентство. Не наше дело вести следствие.

...Баргина арестовали утром и под конвоем отправили в следственный изолятор города Аральска. Ночь в ожидании ареста он провел в трейлере под бдительной охраной четырех мускулистых и неумолимых рабочих Карсавина. Таню к нему не пустили.

Баргин сидел на деревянном табурете в небольшой комнате с оштукатуренными стенами и узким зарешеченным окошком во двор. Напротив за столом расположился человек в черной форме, представившийся следователем прокуратуры (фамилию он не разобрал). Справа, у железной двери, подпирал стену вооруженный милиционер (или полицейский, как они теперь тут у них называются?)

— Рассказывайте, Борис Дмитриевич, — в десятый раз устало повторил следователь, — как и за что вы убили этого человека.

— Я не убивал его! — За истекшие сутки Борис так часто произносил эту фразу, что она утратила для него всякий смысл и перекатывалась на языке подобно безвкусной таблетке.

— Ну-ну... Вас же взяли с поличным.

— На ноже нет моих отпечатков.

— Вот и расскажите, что у вас было — перчатки, платок? Когда выбросили, как, куда?

— Вы опрашивали свидетелей в лагере, — вместо ответа проговорил Борис. — Кто-нибудь заметил человека в костюме птицы?

— Кто-то заметил, кто-то не заметил, — саркастически усмехнулся следователь. — Все были пьяны, и половина — в карнавальных костюмах. Но так как никто из съемочной группы не заявил, что надевал костюм птицы, я заключаю, что это вы и были...

— Да когда бы я успел... — вскипел Баргин и тут же обмяк. Бесполезно. — Я прошу разрешения позвонить в Москву или связаться по телефону с кем-либо из ответственных сотрудников российского посольства.

— Российское посольство будет извещено согласно международным правилам.

— Я требую свидания с женой!

— Свидания не разрешены.

— Я требую адвоката!

— Адвокат будет предоставлен вам согласно уголовно-процессуальному законодательству.

И так далее, по кругу, снова и снова.

В двери загремел ключ. В одиночную камеру, куда перевели Баргина, вошел крепкого телосложения мужчина лет тридцати с небольшим. Дверь

за ним закрыли и заперли. Вошедший с нескрываемым любопытством посмотрел на Баргина, потом представился:

— Я — полковник Юрий Иванович Костин, из Москвы. Федеральная служба безопасности.

— Слава богу! — вздохнул Борис. — Наконец-то в этом цирке абсурда появляется профессионал. И знаете что, Юрий Иванович, прошу вас, не задавайте мне в тысячный раз вопросов о том, что вы читали в протоколах здешней полиции. Давайте лучше вместе подумаем о том, как мне выбраться отсюда, чтобы помочь в поисках настоящего убийцы.

Сотрудник ФСБ несколько опешил.

— Однако вы не теряете времени на болтовню...

— Болтовня мне надоела хуже телевизионной рекламы, — признался Баргин. — В последние дни я только этим и занимаюсь. Но не могли бы вы для начала ответить мне на один вопрос?

— Какой?

— Почему этим делом интересуется ФСБ?

Костин помолчал, оглядывая тесную камеру, затем все же ответил:

— Видите ли... Я не открою вам особых секретов, если скажу, что работаю в специальном отделе, который занимается... Словом, вы не ошибетесь, если назовете меня полицейским по делам наркотиков.

— Вот как? Я и не думал, что наркотики входят в прерогативы ФСБ.

— Иногда входят... В особых случаях. А этот случай, я бы сказал, совершенно особый.

— И чем же? При чем тут вообще наркотики?

— Взгляните вот на это...

Из внутреннего кармана пиджака Костин достал несколько фотографий и протянул их Баргину. Тот взял снимки. С верхней фотографии на него смотрело изможденное лицо мертвой старухи с запавшими глазами и немногими сохранившимися прядями седых волос. Он перевернул снимок. Четким каллиграфическим почерком там значилось: — «Надя Антонова, 14 лет и 3 месяца». На других фотографиях оказалось тоже нечто подобное, различался лишь пол, и незначительно — от 14 до 16 лет — варьировался возраст.

— Что это? — с ужасом спросил Борис.

— Это дети... Россия молодая. Жертвы испытаний наркомафией пробной партии новейшего синтетического наркотика. Вам ведь известно, что в подпольных лабораториях по всему миру создаются десятки видов синтетических наркотиков, которые гораздо опаснее натуральных? Должно быть известно, как ни далеки вы от этих вещей. Телевизор иногда смотрите? Ну, вот... Например, так называемый китайский белок — атомная бом-

ба среди наркотиков. Раствор порошка триметилфентанила в дистиллированной воде. А это, — кивнул Костин на фотографии, — последняя новинка, созданная на основе того же триметилфентанила, но куда мощнее. Ее называют «легкокрылым ангелом». Если китайский белок — атомная бомба, то «ангел» — водородная, в сто мегатонн. Это реальная и непосредственная угроза нации, Борис Дмитриевич.

— Гм... И почему вы мне все это рассказываете?

— Это предисловие к ответу на вопрос, зачем я к вам пришел. Сам ответ будет состоять из двух частей. Мы провели подробный, хотя и неофициальный, анализ ситуации, касающейся вас. Изучили как вашу личность, так и события на месте...

— Мою личность? Неужели в ФСБ есть на меня досье?!

— В ФСБ много что есть, Борис Дмитриевич. На основе этого анализа мы пришли к выводу, что, во-первых, к убийству вы непричастны...

— Спасибо и на этом.

— А во-вторых, вы именно тот человек, который может нам помочь.

— Помочь? Но как, в чем?

— По нашей информации, производящая «легкокрылого ангела» лаборатория находится где-то в этом регионе. Но «где-то здесь» — адрес слишком неточный, Борис Дмитриевич! Район поисков очень велик. Весьма вероятно, что события в лагере каким-то образом связаны с нашей темой. Я подумал, что вы могли бы помочь мне разобраться в этом деле. Сам я открыто действовать не могу, чтобы не насторожить их. Не могу обратиться и к помощи местных властей, не зная, кто конкретно прикрывает мафию. А вы в киногруппе — свой человек...

— Но как же я смогу вам помогать, сидя здесь?

— В том-то и загвоздка... Освободить вас не в моей власти. И никаких формальных доказательств вашей невиновности у меня нет. Расскажите-ка мне сейчас во всех деталях, что случилось в ночь с пятого на шестое июня.

— Вот что произошло на самом деле... — И Баргин подробнейшим образом изложил ночные события. Костин слушал его, не прерывая. — Полагаю, мне удалось бы обнаружить убийцу, — заключил Борис. — Я ориентируюсь в обстановке и кое о чем догадываюсь...

— Не могу я вас освободить, — повторил Костин. — Для этого нужны хоть какие-то основания. Но вот вопрос, пусть пока и праздный: если бы вы все же вышли отсюда, как по-вашему, сколько времени понадобилось бы вам на поиски?

— Если я не найду его через несколько часов, — твердо заявил Борис, — значит, его уже нет поблизости или вообще нет в живых. Но я думаю, что он еще здесь, и, скорее всего, — живой...

— Так... — Костин поднялся с табуретки, подошел к зарешеченному окну. — Знаете, Борис Дмитриевич, когда я только что прибыл, меня поразило, как отвратительно у них организована охрана. Я понимаю, Аральск — не столица, и все же — безобразие. Вот, например, по двору ходит всего один полицейский, видите? А эта решетка? Она же едва держится. — Неожиданно сменив тему, он поинтересовался: — Как вас тут кормят?

— Терпимо. В «Хилтон-Плазе» приходилось питаться и похуже, особенно эти ужасные омары...

— Но хлеб хотя бы приносят нарезанным или целым куском? — спросил Костин, и сам же быстро ответил на свой вопрос: — Наверное, куском, а это варварство. И нарезать нечем... — Он достал из кармана небольшой складной нож и протянул Борису: — Держите! Золингеновская сталь! Будете ужинать как цивилизованный человек...

Борис молча взял нож и опустил в карман.

— А теперь мне пора. Допрашивать вас будут завтра утром. В десять утра, вы поняли? До свидания, Борис Дмитриевич.

Полковник немного поколебался, словно хотел сказать еще что-то, потом повернулся и постучал в металлическую дверь. Она со скрежетом открылась и тут же захлопнулась за ним. Борис остался один.

«Итак, — подумал он, — полковник Костин ставит на меня. При этом он ничем не рискует: в случае неуспеха моего побега он ни при чем, в случае удачи — есть шанс, что я доставлю ему убийцу. Конечно, он должен был учитывать и вероятность того, что я все же виновен, но и тут играет без проигрыша. Мои действия на свободе для него куда интереснее, чем бездеятельный я в тюрьме. Скроюсь? Вздор! Рано или поздно меня отыщут: не местная полиция, так ФСБ».

13

Баргин тщательно осмотрел решетку. Видимо, ему и впрямь отвели «камеру для почетных гостей», а точнее, просто комнату в помещении следственного изолятора. Интересно, не предпринял ли Костин какие-то шаги заранее, чтобы вышло именно так? Решетка не была, как обычно, забетонирована в стену, а крепилась к раме заржавевшими винтами. Правда, хотя она изрядно и шаталась, голыми руками ее все равно не выломать. Зато золингеновский нож Костина послужит отличной отверткой...

Камера располагалась на втором этаже, к счастью, невысоком. Внизу во дворе прохаживался полицейский. У стены стояли в ряд несколько «уазиков». Массивные ворота были заперты, верх опутан колючей прово-

локой. Усиливают ли они охрану ночью? Там видно будет. Но вот что ночью двор заливают свет мощных прожекторов — это точно.

Принесли ужин. Истребив содержимое мисок, Баргин прилег на топчан. Некое подобие плана побега у него имелось, но очень уж авантюрное, а провал недопустим: второй возможности не будет. К тому же, если его накроют при попытке к бегству, уже ничто в мире не убедит местных детективов в его невинности.

Потянулись часы... Наконец небо потемнело, зажглись звезды, а с ними — и прожекторы. Теперь во дворе маячили двое охранников. Хорошо, хоть не взвод!

Он достал нож, раскрыл его и принялся отковыривать ржавчину с головок винтов и откручивать их один за другим. Работа шла с перерывами: по коридору бродил надзиратель, а тусклая лампочка под потолком камеры не выключалась. Но два часа спустя решетка держалась лишь по желанию Баргина.

Полицейские во дворе ходили по кругу, и периодически то один, то другой оказывались прямо под окном. В очередной такой проход Борис и снял решетку, протиснулся в узкое оконце, оставляя на раме клочки одежды, и обрушился со второго этажа на спину охранника.левой рукой он сдавил его горло, правой выхватил пистолет из кобуры. Затем, прикрываясь своим пленником, как живым щитом, направил ствол в сторону совершенно оторопевшего второго полицейского:

— Тихо! Ключи от машины, оружие, быстро!

— У меня... нет ключей, — дрожащим голосом ответил растерявшийся парень, осторожно вытащил пистолет, уронил его и пнул ногой к Баргину.

Подобрав оружие, Борис поволок своего пленника к «уазику». Держа его под прицелом, вручил ему нож и велел проткнуть скаты у остальных машин. После этого вновь отобрал нож, открыл незапертую дверцу, втолкнул пленника внутрь и, уперев ствол пистолета ему в бок, левой рукой начал шуровать под приборной доской в системе зажигания.

— Открывай ворота! — приказал он второму.

— Невозможно. Сигнализация, а за воротами — пост.

— Так отключай сигнализацию! — разозлился Борис. — Или я сейчас пристрелю вас обоих, а потом сам отключу!

Парень послушно поплелся к рубильнику. Баргину просто повезло с этими ребятами: молодежь, зеленые совсем. Куда им против того, кем восхищались профессиональные каскадеры...

Двигатель машины пару раз кашлянул и завелся.

— Открой замок ворот и отойди в сторону! — распорядился он.

Управлять машиной одной рукой крайне неудобно, но ему не требовалось постоянно переключать скорости. Врубив первую, он покатил к воротам. Бампер «уазика» уткнулся в створки, и под его напором они распахнулись.

От самых ворот тянулась освещенная прямая дорога, сбоку торчала будка, в которой виднелись головы еще двух охранников. Они видели одного из своих товарищей рядом с Баргиным в машине, второго за воротами во дворе, и пропустили бы «уазик», ничего не заподозрив, но, как назло, заложник решил сыграть в героя. Он вцепился в руку Бориса, державшую пистолет, и заорал во всю глотку:

— Тревога!

Баргин врезал ему по шее могучим отключающим ударом. В окне будки показался ствол автомата. Черт, это уже не шутки... Он переключил скорость и утопил педаль газа... Охранник в будке уже разобрался, что к чему, и дал короткую очередь по скатам... Пули отрикошетили от бампера. Стрелять снова было уже поздно — «уазик» снес угол будки, как торпеда. Хлипкое сооружение развалилось на куски, придавив обломками полицейских. Борис искренне понадеялся, что обошлось без переломов и вывихов... Отъехав немного, он вытолкнул на дорогу бесчувственного пленника и на максимальной скорости помчался прочь.

Сзади слышались крики, шум запускаемых моторов. Вряд ли они далеко уедут... Но Костин, Костин! Фактически санкционируя побег, он вряд ли предполагал, что Баргин станет прорываться с боем.

Борис гнал в сторону лагеря экспедиции. Дорогу он запомнил, когда его везли в Аральск. Помимо того, что ему необходимо быть именно в лагере, это еще и последнее место, где его будут искать.

Часы на приборной доске показывали без десяти три, когда вдали за сверкали огни владений Карсавина. Он свернул с дороги, загнал машину в заросли жестких колючих кустов и дальше отправился пешком, с двумя пистолетами в карманах.

14

В жилом секторе лагеря было тихо и безлюдно. Баргин осторожно подкрался к своему трейлеру и заглянул в освещенное окошко. Таня не спала. Она лежала на кушетке, курила (что делала крайне редко) и смотрела в потолок. В углу тихонько бормотал телевизор. Борис обошел трейлер и открыл дверь.

Воззрившись на него, как на восставшего из мертвых, Таня молча бросилась навстречу. Они обнялись, он гладил ее, успокаивал бессвязными ласковыми фразами.

— Тебя выпустили, — прошептала Таня со слезами на глазах.

— Как бы не так! — Борис высвободился из ее рук, упал на стул и вытащил банку пива из холодильника. — Я сбежал... Правда, с подачи полковника ФСБ... У меня есть время до девяти утра, чтобы поймать убийцу.

— Поймать убийцу! Ничего себе... — всплеснула руками Таня.

— Да. И начну я с осмотра трейлера Клинского.

— Я пойду с тобой!

— Это еще зачем? Таня, не волнуйся. Все будет хорошо, обещаю...

— Я тебе помогу...

— Конечно, поможешь. Тем, что останешься здесь и не будешь мешать.

С глубоким вздохом Таня покорилась. Она знала: когда Баргин говорит таким тоном, спорить с ним бесполезно.

— Будь осторожен, — напутствовала она.

— Обязательно, — улыбнулся Борис и вышел из трейлера.

Взломав ножом запертую и опечатанную дверь трейлера Клинского, он плотно закрыл шторы на окнах и зажег свет. В общем-то, он не рассчитывал обнаружить здесь нечто исключительное, ведь до него трейлер наверняка обыскивали весьма тщательно. Но Клинский ждал какого-то свидания, и в тот час, когда оно должно было состояться, его убили. Случайное совпадение? Да, бывает. Иногда и метеорит может свалиться прямо на крышу Большого театра, вот только ждать такого события пришлось бы несколько миллионов лет.

Баргин порылся в пластмассовой корзине для мусора, заполненной пустыми сигаретными пачками и смятыми банками из-под пива и прохладительных напитков, перебрал на столике детективы в бумажных обложках, перелистал. На титульном листе одной из книг он увидел надпись шариковой ручкой, твердым и энергичным почерком — ничего особенного, просто две буквы и несколько цифр столбиком:

«С. В.

10 000.

50 000?

100 000!!!»

И все. Борис сел, разглядывая книгу. Когда это написано и кем? Со всем не обязательно, что Клинским. Каков смысл надписи? Допустим, цифры — это денежные суммы. Но тогда почему такая знаменательная прогрессия — от десяти тысяч до ста? И что такое «С. В.»? Чьи-то инициалы? Сокращенное название какой-то фирмы, банка? Все может быть.

И еще эти знаки препинания. «10 000» — с точкой, как спокойная констатация. Вопрос после 50 000 — колебания, неуверенность? И три горделивых восклицательных знака после 100 000 — словно символ успеха,

победы. Похоже, Клинский (если это все-таки писал он) раздумывал, сколько ему содрать с некоего или неких «С. В.», будь то человек, группа или организация. Шантаж? Тогда убийство становится понятным, но к преступнику это не приближает ни на шаг.

Закрыв книгу, Баргин продолжил обыск. В ящиках тумбочек, в шкафчиках, в карманах гардероба актера не нашлось ничего примечательного. Он расстелил на столе старую газету, вытряхнул на нее содержимое переполненной пепельницы, двумя пальцами извлек из серого холмика плотно скатанный бумажный шарик и расправил его. Это оказалась обгоревшая с одной стороны записка.

«Антон!

Как бы Вам ни было весело на карнавале, я могу сделать праздник еще веселее. Ждите меня в своем трейлере в два часа ночи.

Лена Смолина».

Вот и свидание, назначенное точно на час смерти Клинского. Ясно одно: кто бы ни убил актера, Смолина с этим никак не связана. Возможно, записка действительно от нее, а убийца знал о предстоящей встрече и не упустил шанса. Или воспользовались ее именем, чтобы заманить актера в трейлер... Но ее можно вычеркнуть из списка подозреваемых: ни один преступник в здравом уме не станет так подставляться. Сколько еще человек в съемочном лагере? Сто восемьдесят, двести? Значит, двести минус один, ибо наличие внутреннего сообщника (или заказчика) Баргин считал несомненным.

Он положил записку в карман и продолжил обыск, который, в конце концов, завершился безрезультатно. Слабая надежда нащупать след угасла.

Закурив сигарету из найденной в ящике пачки, Борис задумался. Следует подойти с другого конца, со стороны самого убийцы. Вряд ли тот, кто хотел убить актера, стал бы прибегать к помощи местного наемника. Тогда пришлось бы вообразить сложную преступную российско-казахстанскую сеть с обширными связями, а такое больше подходит для телесериалов. Следовательно, приезжий, не исключено, что и москвич. И он не мог знать, что ему фантастически повезет, и за совершенное им убийство сразу схватят другого! Что он собирался делать после убийства? Как поступил бы сам Борис на его месте?

«Представим, я убил Клинского. Я знаю, что меня будут искать, а значит, не сунусь в аэропорт или на вокзал, тем более что в близлежащих селах и городах население невелико, и чужака могут задержать даже с безупречными документами. По той же причине я не буду шататься

по проезжим дорогам, ни днем, ни ночью, а постараюсь отсидеться хотя бы с неделю. Но где?»

В мозгу Баргина смутно забрезжило какое-то воспоминание, какая-то зацепка. Это было связано с самолетом, с полетом сюда... Олег показывал схему съемочного района, и на этой схеме было что-то... Что-то важное... Что?!

Такая же схема лежала и в чемодане Бориса. Пора возвращаться. Он погасил свет и плотно прикрыл за собой дверь.

15

— Ну как? — спросила Таня, с нетерпением ожидавшая его.

— Пока кисло, но есть идея... — Баргин полез в чемодан и развернул на столе схему. — Кажется, я знаю, где может находиться его нора.

— Где?

— Вот здесь, — указал он на кружок на полпути к селению Караколь. — Помнишь, Олег говорил, что это заброшенная деревня?

— Ты думаешь, он там?

— Я исходил из того, что у него нет местных связей. Если я ошибаюсь, мне его никогда не поймать. Остается сдать на милость Костина в девять утра.

— Какого Костина?

— Полковника ФСБ.

— Но ведь ты не собираешься ловить убийцу ночью, один? Достаточно сообщить... — с тревогой посмотрела на Бориса Таня.

— По местному, да и по любому закону, я — преступник, даже без всякого убийства, — печально покачал головой Баргин. — Я сбежал из-под стражи, захватил в заложники полицейского, отобрал у него и еще у другого пистолеты. Как, по-твоему, на сколько это потянет? Короче, все плохо, и никакое ФСБ меня не спасет. Совсем другое дело, если я притащу настоящего убийцу. Тогда Костин сумеет урегулировать конфликт из-за побега...

— Ты все это натворил?! — Таня с восхищением взглянула на Бориса.

— Ага, — усмехнулся он. — А теперь мне нужно идти.

— Уж на этот раз я с тобой... — решительно проговорила она. — Пистолета же два!

— Пистолета? Хм... Этого еще не хватало. Нет, Таня, даже не думай.

— Борис!

— Что «Борис»?

— Как ты один обшаришь целую деревню, да еще когда из-за каждого угла в темноте может выскочить... этот... Возьми хотя бы Олега и Никиту.

— Олега и Никиту... Пожалуй. Только позвать их придется тебе... И сделай это по возможности незаметно. Ничего им не рассказывай, я сам... Да вообще не говори, что я здесь. Просто попроси прийти.

Каскадеры, казалось, нисколько не удивились, увидев Баргина в трейлере. И ситуацию уяснили с полуслова, отложив на потом подробные расспросы.

— Разберемся, — только и сказал Олег.

Баргин поцеловал Таню, но не слишком страстно и нежно, чтобы это не было похоже на трагическое прощание. Один из пистолетов он отдал Карпину, второй оставил себе. Никите достался золингеновский нож.

Вывести «уазик» из кустов оказалось потруднее, чем въехать на нем туда, но при помощи размашистых маневров, Господа Бога и пары крепких выражений Борису это удалось. Пыльная пустынная дорога в свете фар выглядела так, словно ее прокладывали призраки к своему призрачному городу. По сторонам из тьмы вырастали и снова пропадали ужасающие искореженные формы — не то скалы, не то иссохшие сплетения деревьев, умерших давным-давно. Интересно, сколько лет прошло с тех пор, как здесь проехала последняя машина?

Впереди показались черные горбы, похожие на покинутые дома, а секундой позже Баргин сообразил, что это и есть дома той самой заброшенной деревни. Он свернул на обочину, заглушил мотор, погасил фары. Фонарей не было, но если бы и были, вряд ли кто из троих рискнул бы зажечь фонарь и стать мишенью. Хорошо хоть, ночь лунная...

— Борис, мы зайдем с другой окраины, — негромко предложил Олег, — а ты прочеши все отсюда.

— Только осторожнее, — предупредил Баргин. — У него может быть оружие.

— Конечно, конечно, — проворчал Никита и взмахнул ножом. — Куда мне с этим против дулливера. Хотя, с другой стороны...

— Ты мне смотри, не прирежь его!

— Да успокойся... Жив-здоров будет киллер твой...

С пистолетом в руке Борис вышел на безмолвные улицы. Выбитые окна домов зияли мрачными провалами. Ни шороха, ни движения, ни огонька. Он невольно поежился — не оттого, что где-то здесь мог бродить убийца, а от этого мистического молчания, напоминающего о молчании самой Смерти. Подбирая подходящее определение этому месту, Баргин подумал, что здесь настолько никого нет, насколько это вообще мыслимо. Одно дело — заниматься логическими выкладками, и другое — быть на месте. Скорее всего, он ошибся, никакой убийца тут не прячется. Как может кто-то спрятаться там, где нет и намека на возможность человеческого присутствия?..

Стоп! Показалось, или в самом деле вдали мелькнул слабый отблеск? Нет, это не иллюзия, не игра лунных бликов на уцелевших оконных стеклах. Там, в конце улицы, дом освещен изнутри! Очень слабо, едва заметно, но освещен!

Баргин стиснул рукоятку пистолета и быстро зашагал к дому.

Мерцающий свет шел откуда-то из глубины. Заглянув в окно, Борис увидел пустую комнату с прогнившими полами и приоткрытую дверь, из-за которой и падали желтые лучи — похоже на свечу. Он подошел к входной двери, потянул ручку. Заперто. Наверное, засов изнутри или швабра какая-нибудь. Осторожно взялся за край оконной рамы — она закрипела так, что в окружающей тишине этот звук могли бы услышать в соседнем селении. Борис мгновенно вскинул пистолет, но из-за двери никто не появился, и не раздалось никакого шума. Спит он там, что ли? Но почему при свете? Может, затаился? Надо ребят позвать.

Но Олег и Никита уже сами подходили к дому. Карпин блокировал входную дверь, Никита сторожил окна с противоположной стороны. Баргин влез в окно, пересек комнату и, рывком распахнув внутреннюю дверь, заорал:

— Не двигаться!

У стены, лицом к нему, за дощатым столом сидел сухопарый, крепкий на вид старик. Перед ним лежала фотография смеющейся темноволосой девушки, глянец снимка отражал язычок пламени оплившей свечи. В углу валялась дорожная сумка, на столе разместились остатки скромной трапезы — недоеденный бутерброд, полупустая бутылка минеральной воды.

Это и есть убийца?! Да полно, просто здесь обитает какой-то бродяга.

В комнату ворвались Олег и Никита, готовые к схватке.

— Уберите ваши пистолеты, — спокойно проговорил старик. — У меня нет оружия. Да и было бы... Я не собираюсь оказывать сопротивления.

Нет, это не бродяга. Баргин опустил ствол к полу, но по-прежнему был настороже.

— Вы из местной полиции? — спросил старик. — Я знал, что рано или поздно вы найдете меня. Что ж, идемте, я готов.

Совсем не так Баргин представлял себе эту встречу. Он ждал чего угодно — попытки сбежать, даже перестрелки — но не этой усталой обреченности.

— Вы будете арестованы по обвинению в убийстве Клинского, — пояснил Борис.

— Клинского? Ах да, фамилия этого негодяя... Не заслуживал он человеческой фамилии. Даже кличка собачья для него была бы слишком почетна... — Старик встал, поднял сумку, бережно положил в карман фотографию девушки. — Вы отвезете меня в тюрьму?

Намерения Бориса были иными. Он собирался доставить убийцу к полковнику и вместе с Костиным решить, что делать дальше. Поэтому он не ответил на вопрос, лишь лаконично бросил:

— Поехали!

16

Убогий номер, занимаемый Юрием Ивановичем Костиным, считался лучшим в городской гостинице. Баргин сидел в продавленном кресле с рюмкой коньяка, полковник — на стуле у окна, а Слепаков, о котором они знали уже немало, — на диване.

— Иван Федорович, — говорил Костин, — мотивы вашего поступка нам понятны, но вы должны рассказать все в деталях. Как вы сумели обнаружить местопребывание Клинского, когда и как прибыли в Казахстан, как нашли киноэкспедицию и добрались до нее, где взяли карнавальный костюм, откуда узнали про заброшенное селение. По порядку, пожалуйста.

Слепаков сверкнул белками глаз и неохотно ответил:

— Я признался в том, что убил мерзавца, и этого довольно. Остальное — мое частное дело, и никого не касается.

— Но зачем вы поехали в Казахстан? — вмешался Борис. — Не проще ли было дожждаться его возвращения в Москву?

— Подарить негодяю лишние месяцы жизни?! — метнул на него яростный взгляд старик.

— Гм... А как вы рассчитывали вернуться? — снова заговорил Костин. — Денег ведь у вас нет. Кто вам помогал и обещал помогать в дальнейшем?

— Я ничего вам не скажу, — с величавым достоинством произнес Слепаков. — Самое главное в моей жизни сделано. В убийстве я признался, и мне все равно, что будет со мной. Больше вы от меня ничего не добьетесь.

Костин вздохнул, выключил диктофон и повернулся к Баргину:

— Ваше мнение, Борис Дмитриевич?

— Бесполезно, — констатировал тот. — Несомненно, он дал слово, и мы можем хоть на куски его разрезать. Вы что, не видите? Пусть с ним следствие и суд разбираются, может, у них лучше выйдет, хотя сомневаюсь... А вот мне что делать? Ехать с вами к прокурору?

— Нет, Борис Дмитриевич, — возразил Костин, — нельзя, они вас снова посадят. Ждите меня здесь, а я поеду, верну оружие и переведу дело на уровень ФСБ. Теперь, когда у нас есть убийца, все гораздо проще. История с побегом будет похоронена навсегда...

Когда полковник и Слепаков покинули номер, Баргин лег на диван и мгновенно уснул.

Костин вернулся часа через четыре, в неплохом расположении духа.

— Видели бы вы их физиономии поначалу, Борис Дмитриевич! Крепко вы посадили их в лужу с этим побегом... Но ничего, все будет улажено. Есть хотите?

— Здесь еще и кормят?

— Боже упаси! У меня свои запасы...

Пока Костин разгружал холодильник, Баргин спросил его:

— Юрий Иванович, вы ведь копались в досье Клинского, так же, как и в моем?

— Ох, да будет вам! — отмахнулся полковник. — Нет у нас никаких досье...

— Но все же где-то вы там копались?

— Не без этого.

— И что? Есть какие-нибудь зацепки по поводу того, как мог его выследить наш молчаливый мститель?

— Да черт его знает... Вроде нет. Правда, Клинский угодил-таки под суд из-за этой самой Валентины...

— И вы говорите мне об этом только сейчас?!

— Да это ничего не дает, — с досадой поморщился Костин. — Суд был закрытым именно из-за того, чтобы о нем не узнал Слепаков. Следовательно ведь с ним общался, видел, с кем имеет дело. Тем более что Слепаков своих намерений особо и не скрывал... Опасались самосуда. Как мы видим, не зря...

— И чем кончился суд?

— Клинского оправдали.

— А каким конкретно было обвинение?

— Доведение до самоубийства. Улики против Клинского были довольно весомыми, но адвокат — эдакий Перри Мэйсон — ухитрился его вытащить... Кто бы мог подумать, что эта давняя история всплывет вот так, здесь и сейчас!

— Гм... Ну, если кто-то задумал убрать Клинского чужими руками, мог собирать о нем информацию в поисках удобного варианта... Раскопать это судебное дело и выйти на Слепакова... Резюмируя кратко, Юрий Иванович, арест Слепакова нам мало чем помог.

— Будем работать, — откликнулся Костин. — Для этого я и здесь... Я не верю в предчувствия, но если что-то не прояснится в самое ближайшее время, буду больше чем удивлен...

Баргин склонен был согласиться с ним. Как мог он знать, что новый день принесет не ключ к разгадке, а еще одну ужасную смерть?

Каскадеры устроили Баргину торжественную встречу, отличающуюся крайней непродолжительностью: группа выбивалась из графика, и работы у всех было невпроворот. Карсавин смущенно извинился перед Борисом. Но тот и не держал на него зла, режиссер сделал лишь то, что обязан был сделать. А вместо Клинского ждали из Москвы другого актера.

В круговерти репетиций и съемок Баргин не знал, чем занимался в лагере приехавший вместе с ним Костин. Режиссер, будучи посвященным, представил Костина съемочной группе как «ассистента постановщика спецэффектов». В таком неопределенном качестве полковник мог присутствовать везде, и никого не удивляло, что он не занят конкретной работой. Когда Борис вернулся с очередной репетиции, Костин уже уехал в Аральск.

Баргин устало брел по лагерю, направляясь к своему трейлеру. Войдя, поцеловал Таню, но не успел даже переодеться, как в дверь постучали, и вошел встрепанный Эдик Лакшин.

— Привет! — бросил он с порога.

— Добрый вечер, — поздоровалась Таня.

— Как самочувствие великого оператора? — усмехнулся Борис.

— Лучше всех, — ответил Эдик и положил на стол принесенную с собой видеокамеру. — Слушай, Борис... Мне моментально к шефу, некогда бежать до своего трейлера. Пусть это пока у вас побудет, о`кей? Вернусь, заберу.

— Только если ты вернешься к утру, мы спать будем, — сказал Борис, убирая камеру в шкафчик.

— Ну, завтра заберу, не таскать же ее с собой... Спасибо, ребята! Пока...

Эдик помахал им рукой и выскочил за дверь.

Около двенадцати ночи откуда-то донесся крик, вернее — душераздирающий женский вопль. Вслед за тем послышалась переключка встревоженных голосов. Переглянувшись, Таня и Борис выбежали из трейлера. Темное небо озаряли отблески пламени. Баргин кинулся в ту сторону, где плясал огонь, Таня за ним.

Трейлер Эдика Лакшина пылал. Как это могло быть, чему там гореть?! Мужчины поливали трейлер водой из шлангов, женщины бестолково суетились вокруг, создавая панику.

Пожар потушили быстро. Баргин шагнул к закрытой дымящейся двери трейлера, схватился за ручку и тут же отдернул руку: горячо!

— Поливайте дверь! — крикнул он.

Когда дверь немного остыла, он вошел внутрь, забрав у одного из киношников мощный фонарь. Испепеляющая жара в трейлере чуть не за-

ставила его ретироваться, но он скрипнул зубами и стерпел. Луч фонаря уперся в центр пола.

На полу было разбросано то, что осталось от видеокамер Эдика (их у оператора имелось несколько, разных фирм) — перекореженные, оплавленные огнем черные корпуса. А дальше, у стены, валялись две пустые канистры из-под бензина. Вот почему пламя так активно пожирало него-рючий трейлер...

Больше Борис не мог здесь оставаться. Его душил едкий ядовитый дым, положение усугубляла жара. Как пробка из бутылки шампанского, он вылетел наружу и крикнул:

— Ищите Эдика!

Но это было и так понятно. Кто-то позвонил Карсавину, снимавшему ночные эпизоды вдали от лагеря. Тот сказал, что Лакшин не явился и на звонки не отвечал, вместо него пришлось срочно вызвать другого оператора.

В лагере поднялась суматоха, почище, чем вызванная пожаром. Врубили все прожекторы, искали, где только могли.

Тело Эдика Лакшина обнаружил один из актеров — под днищем трейлера, используемого для хозяйственных нужд. Так как этот трейлер стоял далеко от остальных, Борис подумал, что Лакшин или убежал от кого-то, или за кем-то гнался. Голова оператора была противоестественно вывернута, шейные позвонки сломаны. Тот, кто убил Эдика, обладал силой быка.

— Он мертв, — сказал Баргин. — Дайте мне телефон...

Девушка-реквизитор заскочила в ближайший трейлер и принесла телефон. Борис набрал номер Костина.

— Баргин, — пробормотал тот, — я только что лег спать...

— Немедленно приезжайте!

— Да что случилось, пожар?

— Вот именно, пожар. Погиб оператор Эдик Лакшин. Он убит, а его трейлер сожжен.

— Еду!

18

В московской квартире следователя, ведшего дело Клинского в связи с дочерью Слепакова, появился человек с удостоверением ФСБ. Это был сотрудник отдела Костина Николай Михайлович Незванов. В ходе разговора выяснилось, что Незванов интересуется один вопрос: кому в последнее время следователь рассказывал о том деле?

— Да, собственно, никому, — пожал плечами следователь. — Лисову разве что...

— Кто такой Лисов?

— Тут такая история... Лисов — мой старый школьный друг, одноклассник... Он стал писателем, детективщиком, но не слишком удачливым. А теперь его и вовсе не печатают. Видите ли, он... Не очень-то усерден в работе...

— Пьет?

— Продолжайте!

— Я сочувствовал Лисову, подбрасывал истории из практики. Пару раз ему удавалось соорудить из них приличные детективы...

— А почему вы решили рассказать ему именно о деле Клинского?

— Это не я решил, он сам меня попросил.

— Вот как? А откуда же он узнал? Ведь суд, если не ошибаюсь, был закрытым?

— Закрытым, но ведь не совершенно секретным! Услышал он об этом деле, по его словам, от знакомой девушки, судебного секретаря. Но подробностей она то ли не помнила, то ли не захотела ему сообщить...

— А вы, значит, захотели.

— Что ж тут особенного? Дело-то давнее... Лисова оно очень интересовало — роковая любовь там, психология и все такое, прямо для книжки, сами понимаете. А настоящих имен фигурантов он в своих книгах никогда не называет, да и сюжеты лихо обрабатывает, не узнать. Так что, думаю, должностного проступка я не совершил...

— Нет, нет, в этом вас никто и не обвиняет. Но хотелось бы узнать адрес и телефон Лисова.

— А зачем он вам? И почему, простите, этим делом занимается ФСБ?

— Я вам не вправе ответить... Скажу одно — никакие неприятности вашему другу не грозят. Мы просто побеседуем с ним... Вот, как с вами.

— Что ж, пожалуйста, — кивнул следователь, записывая телефон и адрес. — Лисов Валерий Васильевич...

Выйдя от следователя, Незванов сразу позвонил писателю. Тот оказался дома и, судя по голосу, успел уже приложиться к бутылке. Незванов представился и спросил, сможет ли тот уделить ему немного времени прямо сейчас. Лисов, казалось, не особенно удивился.

— Адрес мой знаете? Хорошо, приезжайте...

Обстановка квартиры писателя выглядела такой же потрепанной, побитой жизнью, как и сам хозяин. Незванов шагнул в захлавленную прихожую, прошел вслед за Лисовым в единственную комнату, мельком заглянул в кухню — там царили грязь и запустение. В комнате же на обшарпанном журнальном столике и под ним стояли пустые и полупустые бутылки дешевых марок спиртного, доисторический телевизор без звука

показывал футбольный матч. На письменном столе возле компьютера Незванов увидел стопку книжек в мягких обложках. На верхней значилось: «Валерий Лисов. Алиби стоит жизни».

Писатель выключил телевизор, плюхнулся в продавленное кресло и плеснул себе щедрую порцию некоего желтоватого напитка из бутылки без этикетки.

— Вас не угощаю, вы на службе, — прохрипел он, сделав глоток.

— Вы расспрашивали вашего школьного друга о деле Клинского, — без предисловий начал Незванов.

— Ну и что? Должен же я где-то брать сюжеты.

— Вы сказали ему, что слышали об этом деле от знакомой девушки. От судебного секретаря, так?

— Ну, допустим.

— Что за девушка, как ее имя?

— Вы меня в чем-то подозреваете? — нахмурился Лисов.

— Пока нет, — ответил Николай Михайлович с нажимом на «пока». — Просто хочу, чтобы вы были откровенным со мной. Если вы просто искали сюжет, что же может вам грозить? Пишите себе на здоровье. А вот если за этим кроется что-то еще, и вы это от меня утаите, разговаривать с вами будут уже другие люди и в другом месте. И я сомневаюсь, что там вам нальют рюмочку.

— Понятно, — выдохнул писатель. — ФСБ — это не шутки... Но если я все вам расскажу, вы оставите меня в покое?

— Смотря, что вы расскажете. Но если не расскажете ничего или солжете хоть в малости, не оставим точно, вот это я гарантирую.

— Чего там, — буркнул Лисов. — Ну, тот парень позвонил мне, потом пришел... Вроде как мой поклонник. Не так много у меня поклонников! Разговорились, а потом... Он пообещал хорошо заплатить, если я разужнаю у моего друга подробности дела этого Клинского.

— Он сказал, зачем ему это нужно?

— Плел что-то романтическое... Понимаете, я был на мели...

— Что конкретно его интересовало?

— Да все. Клинского обвиняли в том, что из-за него якобы покончила с собой одна девчонка. Так вот, тот парень хотел знать ее имя и адрес в числе прочего. Я все запомнил — Валентина Слепакова, жила с отцом, Слепаковым Иваном Федоровичем... Их имена я не спрашивал, они сами в разговоре всплыли. Не знаю, настоящие ли... Наверное, да. Не стал бы мой друг их нарочно менять, если я всегда в книгах другие придумываю. Ну, адрес я спросить не мог, как бы я объяснил, зачем для книги нужен адрес? В Подмоскovie где-то... А имена и всю историю я передал ему, получил деньги, и он испарился.

Чего-то в этом роде надо было ожидать, подумал Незванов. Адрес им, в сущности, и ни к чему — зная имена, его нетрудно выяснить.

— Когда он у вас был?

— Да черт его знает, — безразлично откликнулся Лисов. — Может, неделю назад, может, дня четыре. С этой пьянкой и сегодняшнее число забудешь.

— А вы не задумывались о том, что можете подложить вашему другу большую свинью?

— Какую свинью?! Этой истории сто лет в обед... Преданья старины глубокой.

— Не хотели задумываться, — констатировал Николай Михайлович. — О том хотя бы, почему это за «преданья старины» вдруг так прилично платят... Или о том, что он искал вас... То есть не вас лично, искал он подходы к следователю. И как-то ведь нашел... Все это вас не насторожило? Понятно, на мели сидели... Эх, вы, Агата Кристи... Ну ладно, я не проповеди пришел читать. Как он представился?

— Володей, — хмыкнул писатель.

— Опишите его.

— Ну... Мощный такой, плечистый парень, вроде вас. Волосы светлые, глаза голубые. Лет ему... Наверное, тридцать пять — тридцать восемь... Вежливый, выпить со мной не отказался...

Незванов машинально посмотрел на захватанный стакан, и зародилась слабая надежда. Вряд ли во время запоя Лисов часто моет посуду.

— Из какого стакана он пил?

— Да в кухне, в мойке валяется.

— Вставайте! Пойдем туда!

Лисов провел Незванова в кухню и уже нацелился схватить стакан, лежащий поверх нагромождения грязной посуды, но Николай Михайлович успел придержать его руку:

— Кроме вас и того... Володи к стакану никто не прикасался?

— Да кому же прикасаться? — удивился Лисов, словно его спросили, не был ли он на Луне. — Живу я один, а журналисты ко мне не ходят. Не того я уровня звезда, чтобы журналисты покоя не давали...

— Так... — Незванов вынул бумажник, с обеих сторон упакованный в прозрачный пластик, протер поверхность платком и протянул Лисову: — Теперь приложите сюда пальцы. На одну сторону правую руку, а на другую левую.

— Отпечатки? — перепугался Лисов. — Так, значит...

— Для сличения, — успокоил его Незванов. — Давайте отпечатки и два чистых полиэтиленовых пакета.

С отпечатками решилось значительно проще, чем с пакетами — ничего чистого в доме Лисова не имелось. Наконец пакеты нашлись — весьма относительной чистоты, но Незванова устроило и это. Он поместил в первый пакет стакан, осторожно взяв его за верх и донышко, а во второй — бумажник с отпечатками пальцев Лисова.

— Может быть, — промолвил на прощание писатель, — когда-нибудь и ваш визит послужит мне темой для детектива...

— Как знать, — дипломатично откликнулся Незванов.

Спускаясь к машине, Николай Михайлович думал о том, не зря ли потерял день. Если не удастся идентифицировать отпечатки неизвестного, поручение Костина не будет выполнено, и нить оборвется.

В лаборатории ФСБ он вручил стакан и бумажник эксперту и объяснил:

— На бумажнике — отпечатки пальцев для сличения с отпечатками на стакане, этот человек нам не нужен. А вот другие отпечатки на стакане попробуйте проверить по всей программе. Не только наши архивы. Полиция, Интерпол — все, что можно, и это срочно. Отложите все дела и занимайтесь только этим. Я буду у себя в кабинете, как только закончите, сразу ко мне.

Через час эксперт влетел в кабинет Незванова с возгласом:

— Есть! Есть пальчики! Это Девятков Алексей Матвеевич, дважды судимый, оба раза за мошенничество в сфере среднего бизнеса. Его подозревали в связях с организованной преступной группой, но тут ничего не доказано. В настоящее время ведет себя тихо, в последние два года ни в чем предосудительном не замечен.

— Его фотография имеется?

— Конечно, фотография и все данные. Сейчас в лаборатории ребята печатают.

— Хорошо, я зайду. Спасибо...

Эксперт кивнул и вышел.

«Так, человек есть, — подумал Незванов, — а вот предъявить ему пока нечего... Прежде чем докладывать Костину, не худо бы съездить на родину Слепакова, благо не дальний свет. Глядишь, оттуда ниточка и дальше потянется...»

19

Скорее по привычке к дотошности, чем по действительной необходимости, Незванов пристально изучил снаружи дом Слепакова и даже постучал в окно, хотя знал, что никто не отзовется. Улица словно вымерла, будто полуденная жара спалила все живое. Он огляделся по сторонам, заметил шагах в двадцати маленькое кафе и направился туда.

В кафе не было ни одного клиента. За обшарпанной стойкой дремал в плетеном кресле-качалке седой старик. Незванов тихонько побарабанил пальцами по стойке.

— Слушаю вас... — очнулся старик.

— Я приехал навестить Ивана Федоровича Слепакова, — произнес Николай Михайлович, — но его, кажется, нет дома... Я подумал, может, вы его знаете...

— Ивана Федоровича? Знаю, а как же. Он вам зачем?

Незванов решил, что хождение вокруг да около — проигрышная тактика, и, предъявив служебное удостоверение, сказал:

— Мы ищем человека, подозреваемого в преступлении. И, боюсь, этот человек мог использовать Ивана Федоровича в своих целях. Как бы не попал Иван Федорович в беду... — Вынув из кармана несколько фотографий, он разложил их на стойке. — Тот человек среди них. Если вы видели, как он приходил к Слепакову, вы должны сказать мне об этом. Только так мы сможем помочь Ивану Федоровичу, если он в беде.

Старик молчал, изучая лицо Незванова из-под полуопущенных век. Он прикидывал, как вести себя. На пользу или во вред его другу Слепакову пойдет, если сотрудник ФСБ узнает то, что знает он? Что за хитроумная игра разворачивается вокруг Ивана Федоровича? Сперва тот белобрысый — вот он на фото, теперь этот, из ФСБ... Промолчать или сказать? Кто из этих двоих Слепакову друг, а кто враг?

Наконец чаша весов склонилась в пользу Незванова. Старик решился и выбрал одну из фотографий.

— Я видел его. Он подошел к Ивану Федоровичу на улице, прямо тут, почти перед кафе. Но о чем они говорили, я не слышал... Они пошли в дом Ивана Федоровича, а потом уехали на машине.

— Куда уехали?

— Туда, — махнул рукой вдоль улицы старик.

— И с тех пор вы не видели Слепакова?

— Нет, больше не видел.

Незванов поблагодарил его и вышел на улицу. Значит, Слепакова увез Девятов... А дальнейшее вырисовывалось более или менее ясно.

20

Конечно, теперь Юрий Иванович Костин выступал в своем истинном качестве — работа под прикрытием уже не могла быть эффективной. Однако допросы, которые он проводил почти до утра, оказались не только изнурительными, но и бесполезными. Измученные Баргин и Костин пили креп-

кий кофе в трейлере и вполголоса, чтобы не разбудить забывшуюся неспокойным сном Таню, беседовали. Местные власти еще не были поставлены в известность о новом преступлении, но утром это придется сделать... А до того хорошо бы хоть что-то понять.

— Он выглядел возбужденным, — говорил Баргин о Лакшине, — но не напуганным и не встревоженным... Отдал мне видеокамеру, потому что торопился... «Моментально к шефу, некогда бежать до своего трейлера» — так он сказал. А между тем Карсавин его вообще не видел, и тело обнаружили в противоположной стороне от съемочной площадки. Но был ли он убит сразу после того, как ушел от меня, или непосредственно перед пожаром? И если не сразу, что он делал все это время? На звонки Карсавина он не отвечал. Потому ли, что его уже не было в живых? Или по другой причине?

— Его не только Карсавин, его никто не видел. Вы с Таней, выходит, были последними.

— Не считая убийцы.

— Да, не считая убийцы. Все киношники в один голос утверждают, что никого постороннего в лагере не заметили...

— Ну, если убийца был посторонним, едва ли он разгуливал на виду. А если кто-то из киношников, тогда...

— Подождите, — перебил Костин, — это все сплошное гадание. Подойдем с другой стороны, со стороны пожара. Зачем было поджигать трейлер, если не затем, чтобы уничтожить какую-то улику, которую то ли некогда было искать, то ли не удалось найти?

— Логично было бы предположить, — задумчиво проговорил Баргин, — что это какая-то видеозапись. Ведь все камеры Лакшина были выброшены на пол. Убийца или его сообщник мог сделать это, когда второпях обыскивал трейлер... Но может быть и так, что он хотел сжечь именно камеры. Возможно, Эдик снял что-то опасное для него... Или он думал, что у Эдика есть такой материал... Просматривать записи одну за другой в спешке не было возможности, вот и сжег все разом.

— Возможно... — Костин потряс опустевший термос и водрузил кофейник на электроплитку. — Давайте посмотрим записи в камере, которую Лакшин вам оставил. Чем черт не шутит, а вдруг как раз там...

— Маловероятно, — пожал плечами Борис. — Если бы там было что-то важное, Эдик хотя бы намекнул мне... А если не хотел, чтобы я был в курсе, не оставил бы камеру. Но... может, не хотел намекать при Тане? Впрочем, взглянуть все равно нужно... — Он достал камеру из шкафчика и продолжил, держа ее в руках: — Меня вот что тревожит, Юрий Иванович. Два убийства, Эдика и Клинского, не могут не быть связанными между собой. Иначе очень уж красивое совпадение получается. Но эти ребята так изобретательно

подготовили убийство Клинского! Ни усилий, ни времени не пожалели. А вот с Эдиком они, похоже, спешили, очень спешили... Я нашел в трейлере Клинского его заметки. Собственно, просто несколько букв и цифр... Но наводит на мысль, что Клинский кого-то шантажировал. Если так, то ему было известно нечто настолько важное, что это заставило их убить его... И Эдику тоже... или они так считали. Но с Клинским у них было время, а с Эдиком — нет.

— По-вашему, что-то готовится?

— Да. И это должно произойти очень скоро.

С этими словами Борис открыл дисплей камеры и нажал кнопку воспроизведения.

21

Сначала экран показывал сумеречную панораму изломанных скал, потом на их фоне мелькнул темный силуэт. Борис прогнал это место вновь на кадровом воспроизведении, но рассмотреть этого человека не удалось. Тогда он запустил запись дальше.

На экране замелькали стволы и ветви инопланетных джунглей. Камера двигалась сквозь пластиковые заросли, словно преследуя кого-то, кого не было видно. Потом движение прекратилось, объектив слегка повернулся, и предстала часть открытой местности (в обычном лесу это называлось бы поляной), окруженной немыслимыми творениями декораторов.

У дальнего края поляны стояли два человека вполоборота к камере. Лица их находились в тени, звук был скверным и отдаленным, и разобрать содержание разговора было невозможно. Вероятно, в акустической лаборатории удалось бы отфильтровать шумы, а здесь слышался преимущественно монотонный гул.

Один из собеседников повернулся к камере и выступил из тени. Стас Волин! Баргин не мог не узнать лицо со шрамом. Он нажал паузу и воскликнул:

— Ну конечно, С. В.! Стас Волин, новый каскадер! Эти буквы были в заметках Клинского, а возле них — цифры! Вот кого он шантажировал! Но я-то, я!! Тупой идиот! Я же мог хотя бы составить список людей с инициалами С. В! И не думаю, что таких нашлось бы много...

— Да будет вам, — положил руку на его плечо Костин. — Даже профессионалы иногда допускают промахи. Но... Какие цифры?

— Сначала десять тысяч, а потом...

— Да! — перебил его полковник. — Такую сумму — десять тысяч долларов — обнаружили местные сыщики при обыске в трейлере Клинского!

А я-то недоумевал, откуда у второразрядного актера столько денег, а главное — зачем они ему здесь, в пустыне?!

Баргин снова запустил запись. Нечеткая картинка задвигалась.

Стас Волин угрожающе вытянул палец в сторону объектива камеры и что-то сказал. Объектив развернулся к земле, на экране запрыгали смазанные пятна, точно оператор кинулся бежать — да так оно и было, видимо! Через несколько секунд изображение погасло.

— Вот кто убил Лакшина, — тихо сказал Баргин. — Эдик заснял какой-то важный разговор этих негодяев... Скорее всего, случайно, может быть, даже хотел сделать сюрприз своему другу Волину... пока не понял, что тут нечисто... Черт, жаль, второго человека не видно и не слышно ни слова! Ну ничего, возьмем милого, скромного Стаса, все узнаем...

— Возможно, Лакшин не был уверен в своих подозрениях... или не допускал, что дело так серьезно, и задумал разобраться во всем сам, юный герой, — предположил Костин.— Этого нам уже никогда не узнать.

— Но Волин... — Борис внезапно оборвал фразу. То, о чем он подумал, было настолько очевидным, что он не понимал, каким образом ухитрился упустить это с самого начала. Он порывисто встал со стула.

— Вернусь через пару минут! — и вышел настолько стремительно, что полковник успел лишь крикнуть вслед:

— Только не лезьте на рожон... без меня!

Но Баргин и не собирался гоняться за Волиным. Он замолотил кулаком в дверь трейлера, где обитали Олег и Никита. Высунулась встрепанная голова Карпина с заспанными глазами.

— Ты?! Что, еще один пожар?!

Борис ухватил Олега за пижамную куртку, выволок его на улицу и задал только один вопрос:

— Олег, скажи, контракт со Стасом Волиным был подписан заранее или его взяли на место Паши Грекова?

— На место Грекова... Хотя мы и раньше были знакомы, вместе снимались в рекламе... А что?

— Ничего, иди, досыпай. Просто я хотел предложить Стасу одну идейку, а для этого надо знать про контракт.

— До утра подождать не мог, — проворчал Карпин и скрылся за дверью.

Борис благословил время суток: не будь Олег столь усталым и сонным, он догадался бы, что его не просто так спрашивают про контракт. Хотя Олегу и в голову бы не пришло, что свой же брат-каскадер способен добыть контракт таким путем...

Волину нужен был не просто контракт, ему во что бы то ни стало требовалось попасть в съемочную группу Карсавина. Причем не по чьей-то

протекции, а так, чтобы его без всяких просьб и намеков пригласили на освободившееся место. Только тогда исключались подозрения. Волин! Человек, который пытался убить Павла Грекова, испортив страховочный замок его амуниции...

Костин ждал Бориса возле трейлера и, увидев его, нетерпеливо спросил:

— Ну, что вы там выясняли?

— Вставил на место еще один фрагмент мозаики.

— Какой?

— Волин добыл свой контракт в этом проекте, совершив покушение на каскадера и заняв его место... Парень выжил, но... Юрий Иванович, этот Павел Греков — мой друг...

— Ваш друг?

— Да.

— Тогда очень вас прошу, не наломайте дров!

22

Предрассветное марево мешало разглядеть что-либо уже в двадцати шагах. Бесшумно ступая, Баргин и Костин подкрались к трейлеру Волина. Борис осторожно потрогал дверь. Кажется, не заперто... Он переглянулся с Костиным, и тот, держа пистолет наготове, вломился в трейлер с криком:

— Ни с места!

Команда повисла в серой пустоте — в трейлере никого не было.

Дверь с треском захлопнулась снаружи. В замке повернулся ключ.

— Проклятье! — взвыл Костин. — Он нас запер!

Борис швырнул в окно складной табурет. Продираясь в узкую раму, он сильно поцарапался осколками, но, сделав кульбит, удачно приземлился. Костин последовал за ним.

Бледная тень мелькнула в отдалении.

— Вон он! — закричал Костин.

Они бросились в погоню. Волин убегал к скалам, где нетрудно было затеряться в причудливых лабиринтах.

Костин и Баргин оказались в узком ущелье, откуда во все стороны вело не меньше десятка проходов. Они растерянно озирались, когда сверху вдруг грохнул выстрел. Полковник со стоном упал.

— Вы ранены?! — Борис наклонился к нему и тут же откатился под прикрытие нависшей скалы: еще две пули с визгом срикошетили от металлических опор декорации. После этого гулкий стук удаляющихся шагов по металлу дал понять, что Волин убегает дальше. Баргин вынужден был отказаться от немедленного преследования: сначала нужно было помочь Костину.

Тот лежал у подножия скалы в луже крови. Борис быстро осмотрел его: пуля попала в кость левой ноги у самого бедра. Очевидно, от болевого шока Костин потерял сознание. Несмотря на чрезвычайную болезненность раны и на то, что она могла сделать полковника инвалидом, непосредственной угрозы его жизни не было. Сняв с Костина рубашку, Борис разорвал ее на полосы и перевязал рану. Теперь можно было пуститься в погоню...

23

Лопасты вентилятора на столе слились в серый круг, а поток воздуха отогнал прочь дым крепкой французской сигареты, коптящей в руке Николая Михайловича Незванова. Он виновато взглянул на некурящего Фелина, который привез немало информации. Но так как систематизировать материалы было некогда, он по ходу старался отобрать главное:

— Сценарий фильма написал сам Карсавин. Ну, Карсавин этот — известная персона в кинемире, пожалуй, до Стивена Спилберга не дотягивает, но тоже из грандов. Копию сценария мои ребята добыли, я полистал... И вот что любопытно, Николай Михайлович... Якобы придуманная Карсавиным природа вымышленной планеты почти фотографически повторяет существующие в районе Арала естественные условия, это мы выяснили у специалистов. А между тем раньше Карсавин в Казахстане не бывал и, по общему мнению, едва ли догадывался, как все это выглядит. По словам продюсера фильма, Максима Бегунова, Карсавин где только не искал натуру, а потом случайно наткнулся на журнал со снимками Арала и выбрал Казахстан. Как вам нравится такая случайность?

— Очень нравится, — кивнул Незванов. — А еще больше мне понравились бы сведения о самом Карсавине.

— Они в этой черной папке... Но ничего особенного вы там не вычитаете. Типичная биография человека искусства. Ни малейших намеков на «подводные камни».

— Но все-таки инициатива посылки киноэкспедиции в Казахстан исходила исключительно от Карсавина? — спросил Незванов. — Может быть, его кто-то подтолкнул, просветил, посоветовал?

— Он сам писал сценарий... От первой до последней строчки. И журнал этот, «Путешествия и приключения» за прошлый год, нашел где-то в номере гостиницы, кажется... Так утверждает Бегунов со слов Карсавина.

— Вот именно, со слов Карсавина, — подчеркнул Незванов. — А Карсавин вполне мог видеть этот журнал и раньше, списать с него пейзажи в сценарий, а потом устроить комедию...

— Нет.

— Почему?

— Зная, что это будет необходимо, — ответил Фелин, — я разыскал в библиотеке комплект этого журнала за прошлый год и сканировал все страницы. Диск у меня с собой... Включить?

— Смысл? Ведь если я правильно вас понял, там нет ничего похожего?

— Вообще ничего о Казахстане, Николай Михайлович.

— Может быть, Бегунов что-то перепутал? Или сам Карсавин, когда ему рассказывал? Другой журнал, другой год?

— Может быть, — задумчиво протянул Фелин.

24

Стас Волин исчез. Баргин подтянулся на стальной ферме и взобрался на фальшивую скалу. Сверху громоздились высокие крутые уступы, ограничивающие видимость. Волин мог скрываться за любым из них. У Бориса не было никаких преимуществ. Стас давно зарекомендовал себя парнем не промах... Баргин вздохнул и по скользкой поверхности осторожно зашагал в том направлении, где замер звук шагов Волина.

Наклонная плоскость декорации поднималась все выше, на высоту пятиэтажного дома. Наверху она выровнялась — здесь, по замыслу постановщика, находилось гнездо враждебных пришельцев, и плато было застроено фантастическими внеземными конструкциями. Борис шел между ними, поминутно оглядываясь, готовый отразить удар, но, увы, уязвимый для пули.

Вдруг ему показалось, что металл под ногами слегка задрожал, и он застыл как вкопанный. Так и есть: легкая ритмичная дрожь от шагов другого человека. Где же? Вон там... Увидев Волина, который спускался с противоположного склона, Борис бесшумно устремился за ним. Когда расстояние немного сократилось, ботинок зацепился за торчащую железяку. Он пошатнулся, удержался на ногах, но это уже не имело значения: вся конструкция завибрировала и загудела, выдавая его присутствие. Волин обернулся и выстрелил. Бориса выручила только быстрота реакции: он сжался в комок и кубарем полетел под какую-то опору. Волин выстрелил еще пару раз, пули ударили совсем близко. Опора вряд ли спасла бы Бориса, но он успел укрыться за выступом рукотворной скалы... Его противника подозрительно долго не было слышно, и он двинулся к склону, по которому недавно спускался Волин, но опять споткнулся. А когда восстановил равновесие, Стас уже падал на него откуда-то сверху.

Столкновение было сильным: оба кувырком покатались по склону вниз, стараясь за что-нибудь уцепиться. Стас выпустил пистолет, который

скользнул по гладкому пластику и провалился в какую-то дыру. А они оба оказались на земле. Волин вскочил первым и помчался к тягачам, замаскированным под инопланетные боевые машины. Пока Баргин справлялся с головокружением, он успел забраться в кабину тягача. Мотор фыркнул, с рычанием завелся; и Стас бросил гусеничное чудище на Бориса. Укрыться от стального монстра было негде — разве что влезть обратно на декорацию, но тогда Волин снесет ее тягачом и погребет Бориса под обломками.

Баргин кинулся ко второму тягачу. Двигатель взревел, как голодный зверь, металлический монстр крутанулся вокруг оси и пополз навстречу тягачу Волина, наращивая скорость.

Они шли лоб в лоб до тех пор, пока Волин не сообразил, что ему выгоднее маневрировать, чем идти на таран. Он начал разворачиваться, и в этот момент тягач Бориса тяжело врезался в борт его машины. Ужасающий стальной лязг ударил по ушам. Правая гусеница тягача Волина лопнула, левая продолжала месить песок, и огромная машина бессмысленно закружилась на месте подобно гигантскому ослепшему жуку.

Не тратя времени на выключение двигателя, Стас выскочил из кабины. Но Баргин, совершив дальний прыжок, чтобы не попасть под гусеницу, мгновенно возник перед ним.

— Ты все портишь, — задыхаясь, пробормотал Волин. — Какого черта? Впрочем, все равно... Тебе тоже придется умереть.

— Как должен был умереть Паша Греков? Как умер Эдик?

Баргин присел, словно готовясь к прыжку, и, захватив рукой горсть песка, бросил в лицо Волина. С воплем, почти ничего не видя, тот попытался провести прием, но Борис швырнул его через плечо на песок, и упал рядом...

Дальнейшее случилось в один миг.

Внезапное изменение в тоне натужного рева мотора заставило Баргина поднять голову. Неуправляемый тягач Волина на одной гусенице подполз уже слишком близко. Но ведь он должен был остановиться, когда Стас снял ногу с педали газа! Видно, заклинило что-то при столкновении... Борис рванулся в сторону, отчаянно стараясь ухватить и оттащить Волина...

Поздно! Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как железное чудовище перемалывает кровавое месиво. Потом, шатаясь, поднялся и мысленно перечислил все известные ему ругательства.

Борис и не думал скорбеть по поводу страшной смерти Волина — тот получил свое. Но вместе с убийцей умерли и его секреты... Все надо начинать сначала, а времени, похоже, нет совсем.

Повернувшись, Баргин направился туда, где оставил Костина. Тот уже пришел в себя и сидел на песке, разглядывая повязку. Увидев его, закричал:

— Где Волин?!

— Волина больше нет, — подходя к нему, сказал Борис.

— Вы дурак, Баргин! Отомстили, да? А что дальше?

— Не надо так, — устало выдохнул Борис, опускаясь на песок возле полковника. — Не настолько уж я глуп. Ему просто не повезло...

Вдали послышались голоса. Они приближались.

— Сюда идут, — сказал Баргин. — Скоро вам окажут настоящую помощь... Но чертовски жаль, что вы выбываете из игры.

Вместе с восходящим солнцем поднялся ветер. Он погнал волнами сухой песок, срывая его с гребней миниатюрных барханов. Борис отвернулся. Костин, которому каждое движение причиняло нестерпимую боль, только прикрыл глаза и тихо произнес:

— Мне тоже жаль, поверьте. Теперь тут такое начнется...

— Да, начнется, — подтвердил Борис. Его вдруг неприятно поразила мысль о постепенном превращении мирного лагеря в мрачную гладиаторскую арену. Кто бы ни стоял за этими смертями, ему придется ответить...

— Они уже близко, — наклонился он к Костину. — А я сейчас вас покину.

— Что вы задумали? — с трудом вымолвил полковник.

— Вернусь в лагерь, чтобы без помех обыскать трейлер Волина... Как знать, возможно, удастся нащупать зацепку.

— Борис!

— Что?

— Удачи вам...

Баргин встал и быстро пошел в направлении, противоположном тому, откуда доносились голоса. Под прикрытием декоративных скал он обогнул группу из лагеря по дуге, зашагал обратно. Где-то сейчас Таня? Наверное, проснулась, встревоженная отдаленной стрельбой, и спешит сюда, полная дурных предчувствий. Надо бы дождаться ее, поддержать, ободрить... Но каждая минута на счету, а Костин расскажет ей, что Борис жив и невредим.

В трейлере Волина он не утруждал себя соблюдением первоначального порядка — семь бед — один ответ — и устроил форменный погром. В большой спортивной сумке нашел свернутый полиэтиленовый пакет и один за другим извлек из него четыре продолговатых предмета размером с телефонную трубку. Да и похожи на телефоны... Рации, что ли? Он внимательно осмотрел корпуса. На них стояли номера 5363, 5364, 5365 и 5368.

Двух не хватало — шестьдесят шестого и шестьдесят седьмого.

Баргин сложил рации в пакет и возобновил поиски. Он многое отдал бы за записную книжку Волина, на худой конец, за какую-нибудь записку... Но... ничего. Взяв пакет с рациями, Борис вышел из трейлера и отправился к себе. Надо хоть немного отдохнуть... Так или иначе, впереди предстоит очень тяжелый день.

Как ни старался Незванов внятно и последовательно выстроить доклад Костину, у него получалась маловразумительная мешанина фактов, сопоставлений, подозрений и домыслов. В эти минуты он сам себя ненавидел. Будучи человеком анализа и логики, он мог утешить себя лишь тем, что дело с самого начала выглядело нелогичным до абсурда. Здесь переплелись киносценарий, журнал «Путешествия и приключения», убийства в лагере, Слепаков, Девятов и, бог знает, кто и что еще. Он попытался представить себе реакцию Костина.

— Все это, — сказал бы полковник, — очень интересно, но нам некогда играть в кроссворды. Потом, в свободный вечерок, вы сядете за компьютер и поиграете. А сейчас коротко: что вы намерены делать?

Незванов был готов ответить так:

— Киноэкспедицию надо отозвать. Это змеиное гнездо, там таится опасность. Не спрашивайте меня, какая. Но если мы не разрубим этот узел теперь же, потом будет поздно.

Готов был, но... Кто это позволит, с какой стати? Убийства? Так пусть их расследуют местные власти по закону, как полагается... А вы здесь при чем?

«Если бы, — думал он, — можно было так напичкать лагерь нашими людьми, чтобы на каждого подозреваемого приходилось по два наших сотрудника... Но и это, увы, не в наших силах. Да и было бы в наших... Ведь не только в том цель, чтобы сорвать их планы, каковы бы они ни были. До конца пройти нужно, до корней...»

— Значит?

Незванов встрепенулся — неужели произнес это вслух? Да... Его жизненному и профессиональному опыту мог позавидовать любой, но с подобной историей он сталкивался, пожалуй, впервые. Самой скверной тут была стремительность, с которой начала раскручиваться пружина. Быстро, очень быстро, скорее к развязке... Куда-то они хотят успеть, вскочить на подножку какого-то уходящего поезда. Ведь и Незванов действовал молниеносно, выйдя на Девятова за считанные часы, но за это время положение в киногруппе катастрофически ухудшилось. Все это напоминало ему чудовищный водоворот, и чем ближе к жерлу воронки, тем выше скорость движения. Кто будет низвергнут и в какой ад?..

Возможно, в другой раз Незванову и не досталась бы новая машина, но получилось так, что она оказалась единственным свободным автомобилем

в гараже управления. Мощный двигатель позволял легко развить приличную скорость, и поездка стала бы сущим удовольствием, если бы Незванов хоть ненадолго отвлекся от гнетущей неопределенности. А ему было не до наслаждения скоростью и видами за стеклом...

Дача Алексея Матвеевича Девятова представляла собой двухэтажный дом, окруженный садом и невысокой изгородью. Незванов нажал кнопку звонка у калитки. На втором этаже отодвинулась занавеска, и он забеспокоился, как бы хозяин дачи не улизнул через вторую калитку. Но Девятов уже спешил ему навстречу. Одетый по-домашнему в мятые брюки и затрапезную курточку, он подошел к калитке и отпер щеколду. Его голубые глаза смотрели спокойно, но в глубине их читалась настороженность.

— Чем могу помочь вам? — спросил он негромким приятным голосом.

— Я — сотрудник ФСБ, — показал удостоверение Незванов. — Полагаю, я имею дело с Алексеем Матвеевичем Девятовым?

— Да, — с видимым недоумением подтвердил хозяин дачи. — Но я абсолютно не представляю...

— Может быть, вы пригласите меня в дом? — мягко предложил Николай Михайлович. — Там удобнее беседовать.

— Конечно, — спохватился Девятов. — Проходите... Надеюсь, вы простите мне беспорядок. Я живу один, и холостяцкие привычки... Ну, вы понимаете...

Незванов последовал за хозяином. В гостиной первого этажа, где и впрямь беспорядка хватало, Девятов усадил гостя в кресло и вопросительно покопился на бар.

— Спасибо, нет, — отказался Незванов. — Разве что-нибудь прохладительное...

Девятов повеселел, достал две банки «колы», протянул одну Незванову.

— Раз вы не против прохладительного, значит, все не так страшно? А то ведь, знаете, как оно говорится — «ничего не пить и не есть в доме врага...»

— Врага? — делано изумился Незванов. — Да помилуйте, Алексей Матвеевич! Что это вам в голову взбрело?

— Ну, знаете... Я же был судим, и что бы ни случилось теперь — обязательно Девятов виноват...

— Да нет... Это всего лишь приватная беседа, Алексей Матвеевич. Пока.

Последнее слово было сказано с угрожающей интонацией, отчего Девятов поморщился с легким оттенком испуга.

— Речь пойдет о Слепакове, — пояснил Незванов.

— О ком? — Удивление Девятова выглядело искренним.

— О том человеке, который убил Клинского.

Девятков оставил свою банку «колы», не успев открыть ее, и молча полез в карман за сигаретами. Незванов поднес ему зажигалку. Колечко сизого дыма полетело к потолку, и Девятков, проводив его задумчивым взглядом, заговорил, выделяя слова многозначительными паузами:

— Я не знаю никакого Слепого... Или... Как его там?

— Слепаков, — напомнил Незванов.

— Не знаю и знать не хочу. Вот вам мой ответ.

— Неправда, Алексей Матвеевич, — вздохнул полковник. — Вас опознали по фотографии... Но не это главное. Отпечатки ваших пальцев остались на стакане в доме нанятого вами Лисова. А Лисов нам все рассказал...

Девятков опустился на диван, хлопая белесыми ресницами. Чувствовалось, что в нем происходит внутренняя борьба, и Незванов решил дожать:

— Вы можете упорствовать, Алексей Матвеевич, но тогда вам придется поехать со мной, и я не берусь предсказать, когда вы вернетесь.

— Можно подумать, в ином случае вы отпустите меня с миром, — скринулся Девятков. — Соучастие в убийстве — это, знаете...

— Вы видите другой выход? — жестко бросил Незванов.

Плечи Девяткова поникли. Забытая сигарета дымилась в пепельнице.

— Хорошо, — прошептал он. — Хорошо, вы выиграли. Я расскажу.

Незванов счел, что самое время включить спрятанный в кармане пиджака диктофон.

— Я познакомился с Валентиной, когда ей было восемнадцать. Приятное знакомство, ничего серьезного. Подружился и с ее отцом. Потом некоторое время от них не было известий. И вдруг эта ужасная история с Валею... Вам она, конечно, известна лучше, чем мне... Я принял ее близко к сердцу, как свою беду. Старик попросил меня помочь в розыске мерзавца. Но что я мог сделать для него? Я не ФСБ. На том бы все и кончилось, если бы недавно мне не попало на глаза вот это...

Он встал, выдвинул ящик стола, извлек оттуда сложенный вчетверо номер желтой газеты и, развернув его, показал Незванову большую статью под разухабистым заголовком «Монстры из космоса приземляются в Казахстане». Николай Михайлович взял газету, пробежал статью глазами. В ней красочно повествовалось о проекте Карсавина, и она сопровождалась фотографиями, подпись под одной из которых гласила: «Антон Клинский на этот раз выступит в роли мистического наставника пришельцев».

— Антон Клинский, — продолжал Девятков, — вот так. Я ведь его видел мельком... Еще до того, как Валя перестала со мной общаться... Я задался

целью узнать, тот ли это человек или просто похожий. Не сделав этого, я не мог показать газету Слепакову — представляете ужасные последствия возможной ошибки? Я осторожно расспрашивал разных людей — ездил в редакцию газеты, на киностудию... пока кто-то не упомянул, что он некогда угодил под суд. Но деталей никто не знал... Тогда я и нанял Лисова... Мои подозрения подтвердились. А дальнейшее и так понятно. Я приехал к Слепакову, показал ему газету, объяснил, где искать Клинского. Я даже подвез его в машине до Москвы и помог с вылетом... Больше я его не видел.

— А как вы вышли на Лисова?

— Да случайно... Читал его книжки, потом наткнулся на его интервью... Он там говорил, что многие сюжеты берет из рассказов друга-следователя... Я подумал, а вдруг сработает... А Лисов вам другое рассказывал? Да он же хронически лыка не вяжет.

— Ну хорошо, оставим это пока... Но зачем было так спешить, отправлять Слепакова в Казахстан? Он ведь мог подождать, пока экспедиция вернется, и спокойно подстеречь Клинского...

— Вы его не знаете! — воскликнул Девятков. — У него не кровь, а радиоактивный коктейль. Ничто на свете не могло удержать Слепакова и на сутки... Господи, что будет со стариком... И со мной?

— С вами — пока ничего, — ответил Николай Михайлович. — Будем проверять вашу историю... Но предупреждаю официально: никуда не уезжать.

— Подписка о невыезде?

— Нет, просто послушайте меня, если не хотите еще больше себе навредить.

— Да, да, — засуетился Девятков. — А Слепаков... Что с ним? Он арестован? Ах, да, ну конечно... Скажите, есть ли у него хоть какой-нибудь шанс вывернуться?

— Медалью его, во всяком случае, не наградят. И не буду скрывать, что дела его далеко не блестящи. Суд решит...

— Как же это! — вскричал Девятков. — Он старик, для общества безопасен...

— Не знаю, — произнес Николай Михайлович. — Я не судья. До свидания, Алексей Матвеевич...

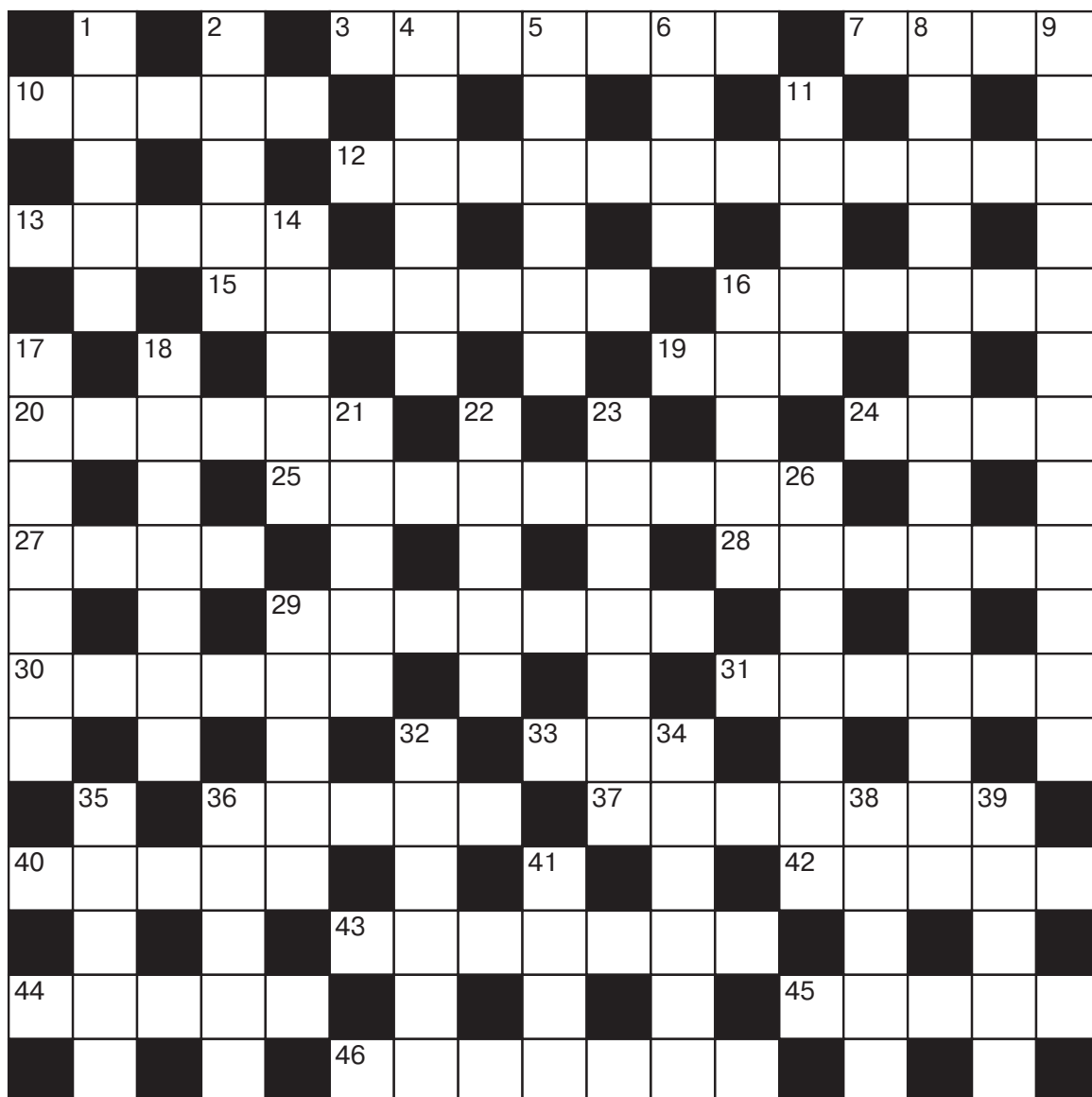
Он поднялся, и Девятков проводил его до калитки, беспрестанно бормоча что-то невразумительное.

Усевшись в машину, Незванов подумал: «Ну ладно, подвесили мы наблюдение за этим жуком... — Он посмотрел на угол улицы, где торговал печатной продукцией мускулистый молодой человек. — Телефон его про-

слушивается, ведется видеозапись, оперативная машина дежурит не-
вдалеке... Его взяли в плотное кольцо... Но что он мне выдал? Искусно
смешанный коктейль из правды, полуправды и лжи. Хороший актер...
Может быть, он и не случайно оставил отпечатки пальцев в доме Лисо-
ва, а намеренно подставился... Эти ребята готовят что-то грандиозное.
Что-то такое, из-за чего за ними в погоню кинутся все, кому не лень.
И вот тогда им будет дьявольски трудно отвертеться. А Девятков симули-
рует небрежность, втирает рождественскую сказочку про доброго дядю
и таким образом готовит себе нечто вроде алиби. Ведь если мы уже
вышли на него, проверили и нашли виновным в не столь значительном
преступлении с понятным и простительным мотивом, вторично к нему
не обратимся. Да он с радостью сядет и в тюрьму — на небольшой срок,
к нему будут снисходительны... И все-таки не сходится здесь что-то.
В этом проклятом деле все СЛИШКОМ. Слишком запутано, слишком ту-
манно, слишком неопределенно — и главное, на высокой, слишком вы-
сокой скорости»... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «НИИ под эгидой НКВД» в сталинские времена. **7.** Первый из пророков-писателей. **10.** Кто шифрует свои донесения руководству? **12.** Село, чьи обитатели стали героями повести Федора Достоевского. **13.** Драгоценный камень «против депрессии». **15.** Кто стал первым читателем симоновского стихотворения «Жди меня»? **16.** Молчаливый элемент

из таблицы имени Менделеева. **19.** Степень в церковной иерархии. **20.** Что на сцене и на улице всегда держал в руке Луи Армстронг? **24.** «Дамы и господа, предлагаю почтить ... понедельника минутой ворчания». **25.** Чтец декларации о доходах. **27.** Сколько масла можно получить из стотысячного букета роз? **28.** Секс-символ Голливуда, отказавшийся в свое время от пре-

мии «Оскар». **29.** «Предел» для зарплаты. **30.** Какое судно любое море может сделать черным? **31.** «А весной линяют разные звери, не линяет только солнечный ... » **33.** «Легенда, прошедшая испытание временем». **36.** Что выкладывают на YouTube? **37.** Ходок по коридорам власти. **40.** «Поплавок» в фарватере. **42.** Способ вернуть вещь из ломбарда. **43.** Самая высокая гора Соловецкого архипелага, чье имя знают во всем мире. **44.** Нынешний Калинин. **45.** «... у человека отпал в ходе эволюции, а необходимость им влиять осталась». **46.** Какой «способ производства» гарантирует низкое качество товара?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Интерес со стороны покупателей. **2.** Какой танец зародился на боевых тренировках Запорожской сечи? **4.** Выпускник театрального института. **5.** В бельгийском городе Брюгге хранится ... со свернувшейся кровью Иисуса Христа, собранной на месте его распятия. **6.** «Мы живем, чтобы давать бой каждому новому дню» (американский классик). **8.** Какой рабо-

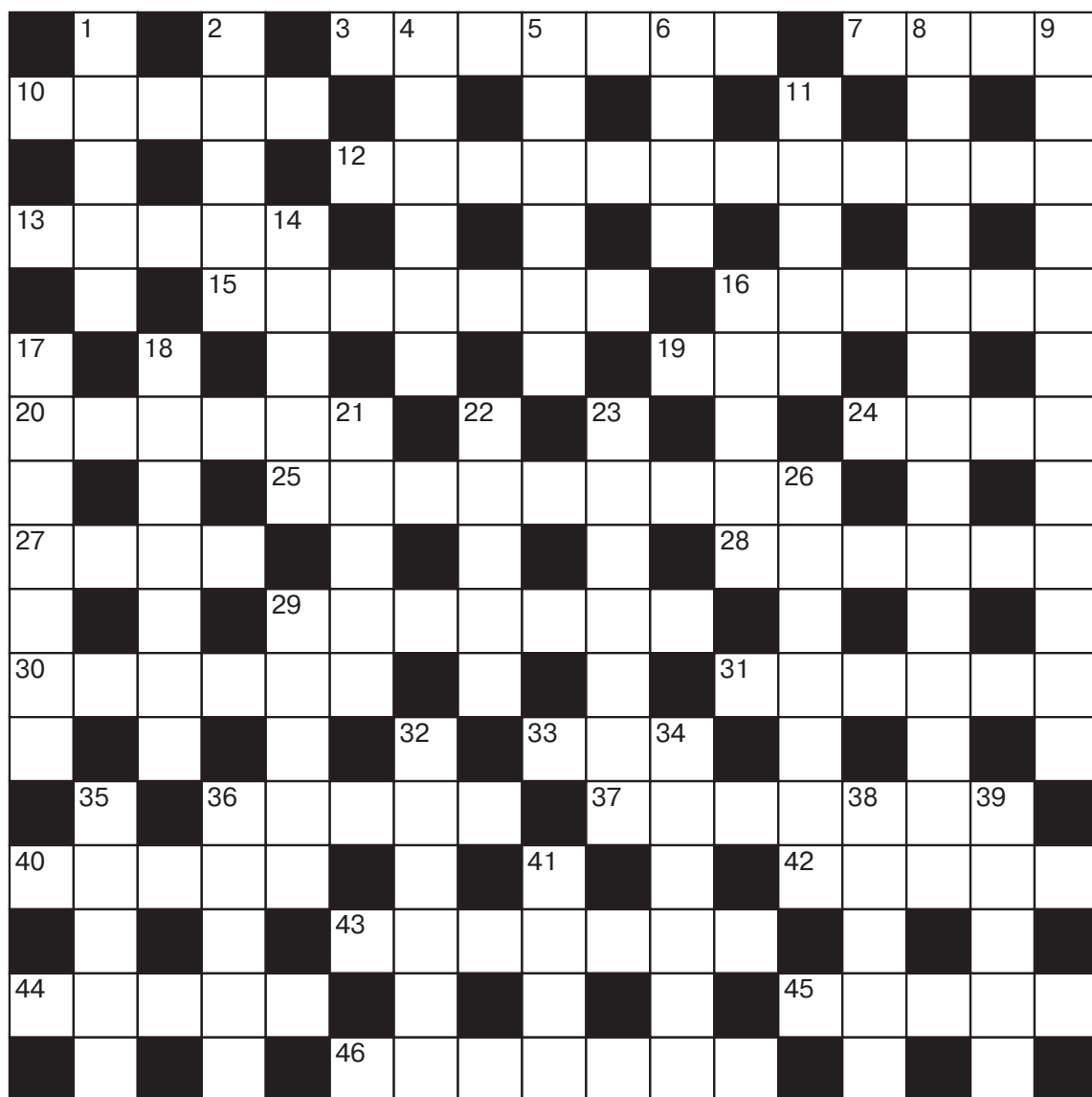
чий «один весь цех обслуживает»? **9.** «Ты нас, мама, не ищи, щиплем мы щавель на щи». **11.** Бык, на которого охотились еще неандертальцы. **14.** Основа «правого поля». **16.** «Перегнуть палку» одним словом. **17.** Золотые погоны из жизни русской армии. **18.** Какой материал «на разрыв» вдвое прочнее стали? **21.** Какое вино дают за вредность рабочим на урановых рудниках? **22.** Что сопровождало коллективизации в СССР? **23.** Как во времена ручного набора книг называлась заранее заготовленная литера с распространенным слогом или словом? **26.** Творческий момент в работе. **29.** Столица с самой большой площадью в мире. **32.** ПМЖ Ромео с Джульеттой. **34.** Какой химический элемент после открытия окрестили «холодным огнем»? **35.** Подсолнечная ... особенно полезна для кормящих мам. **36.** «Шляпа» на снеговике. **38.** Из какого овоща древние римляне умели выращивать прекрасные вазы? **39.** «Приглашаем на ... по восстановлению имиджа деловой женщины после корпоративной вечеринки». **41.** «Резиновый бинт» из аптечки.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Банан. **7.** Смог. **10.** Разврат. **12.** Обструкция. **13.** Пекарня. **14.** Ослабление. **15.** Бодайбо. **17.** Абрамцево. **20.** Жакоб. **23.** Армия. **24.** Надел. **25.** Волос. **28.** Барон. **29.** Гейтс. **30.** Оригинал. **32.** Селитра. **35.** Творог. **37.** Явка. **38.** Вентролог. **41.** Тень. **42.** Винегрет. **43.** Пшено. **44.** Кляп. **45.** Бальмонт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Балетоман. **2.** Авиазавод. **3.** Зазноба. **5.** «Амбассадор». **6.** Атракцион. **8.** Мацони. **9.** Глянец. **11.** Сулова. **16.** Обь. **18.** Орден. **19.** Диета. **21.** Калифорния. **22.** Беликов. **25.** Валентино. **26.** Логинов. **27.** Достаток. **28.** Бас. **31.** Фреон. **33.** Сверло. **34.** Паштет. **36.** Гейша. **39.** Лига. **40.** Гель.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Мошенничество посредством мобильного телефона. **7.** Молодой «узник карьерного успеха». **10.** Первый в мире памятник, посвященный этому мировому классика, установили в городе Баденвейлер, где он и умер. За три недели до окончания Первой мировой войны монумент пустили на переплавку для нужд немецкой военной промышленности. **12.** Главная причина ухода законной супруги от

Джорджа Байрона. **13.** Каждый, кто «испытывает боль в сердце» из-за любви к Аллаху. **15.** Английский мужской плащ с пелериной. **16.** «Психоаналитик огня». **19.** Пальмовый сахар у индийцев. **20.** Кто руководил древнегреческим флотом? **24.** «Муравьиный брат» из стиха Осипа Мандельштама. **25.** Стрелок из пневматического оружия. **27.** Какую компьютерную игру о завоевании мирового господства создал Билл Гейтс,

прочтя, будучи школьником, биографию Наполеона? **28.** Ящеричная канарейка. **29.** Традиционный шелк на японские кимоно. **30.** Девичья фамилия жены Владимира Набокова. **31.** Казачья лодка. **33.** Весеннее баварское пиво. **36.** Какой марки ружье обычно использовал во время охоты Николай Бухарин? **37.** «Космический внедорожник». **40.** Покровитель мертвых среди богов Древнего Египта. **42.** Узбекская лепешка. **43.** Элитные кавалеристы Речи Посполитой. **44.** Какую карточную игру преподают в шведских школах? **45.** Алкогольный суррогат. **46.** Золотая цепь филигранной работы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Славянский экстрасенс. **2.** Командир военного подразделения у спартанцев. **4.** Бараньи сосиски у немцев. **5.** Какое приспособление не дает лошади сильно задирать голову при обучении верховой езде? **6.** Кентавр из античной загадки «Был я убит, но убил я убийцу». **8.** Профессия Владимира Гаршина, так и не ставшего мужем Анны Ахматовой. **9.** Потепление вре-

мен оледенения. **11.** Полицейский шпион прежде у французов. **14.** «Лучевое оружие» Вишну. **16.** Аист из словаря Владимира Даля. **17.** Какая киноактриса стала первой из девушек Джеймса Бонда? **18.** Кого «посадил руководить МВД» Григорий Распутин? **21.** Кто, согласно масонской версии, возглавлял всеми работами при возведении храма Соломона? **22.** Комический танец у древних греков. **23.** Шестипалый кот Эрнеста Хемингуэя. **26.** «Триумфальная арка живописи» для Ченнино Ченнини. **29.** Прозвище, закрепившееся за Вильгельмом Канарисом с молодых ногтей. **32.** Остров, на котором побывал во время одного из своих путешествий Лемюэль Гулливер. **34.** «Качели» при исполнении танго. **35.** Пресный пирог с зеленью у дагестанцев. **36.** Третий епископ Юкатана, уничтоживший почти всю рукописную литературу древних майя. **38.** Батрак у курдов. **39.** Великий хлебодарь Сатаны. **41.** Французский невропатолог, прославившийся «первым аналитиком» психастении.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Спрат. **7.** Мата. **10.** Синатра. **12.** Эсонартекс. **13.** Капнист. **14.** Бодисканер. **15.** Шаповал. **17.** Тербенев. **20.** Гусак. **23.** Нагоя. **24.** Алтун. **25.** Мелье. **28.** Гаван. **29.** Адамс. **30.** Стульчик. **32.** Керстен. **35.** Наслег. **37.** Стор. **38.** Водоворот. **41.** Фиал. **42.** Ленорман. **43.** Стрип. **44.** Наль. **45.** Кавирадж.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Никарагуа. **2.** Вайнмонат. **3.** Крустат. **5.** Пустомелев. **6.** Айнзидельн. **8.** Аверна. **9.** Апсара. **11.** Броккен. **16.** Лер. **18.** Ванда. **19.** Локма. **21.** Слоупстайл. **22.** Кульнев. **25.** Македония. **26.** Лансмол. **27.** Ксенофан. **28.** Гик. **31.** «Нерон». **33.** Стемма. **34.** Дренаж. **36.** Готти. **39.** «Река». **40.** Токи.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								
Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

